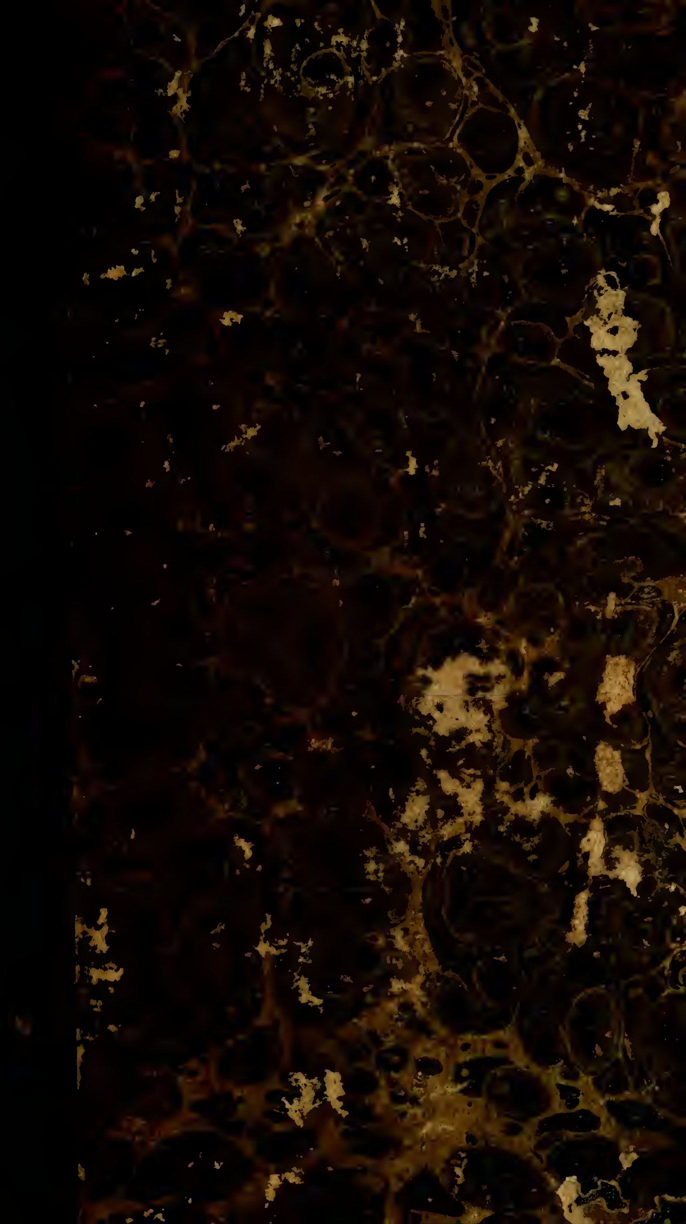

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

БЫЛИ И ПОВѢСТИ,

сочиненныя

Николаемъ Полевымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
въ типографіи Августа Семена,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюля 24 дня 1833 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

БЛАЖЕНСТВО БЕЗУМІЯ.

On dit, que la folie est un mal; on a tort — c'est bien. . . .

Говорятъ, что безуміе есть зло — ошибаются: оно благо!

Мы читали Гоффманову повѣсть : Meister Floh. Различныя впечатлѣнія быстро измѣнялись въ каждомъ изъ насъ, по мѣрѣ того, какъ Гоффманъ, это дикое дитя фантазіи, этотъ поэтъ-безумецъ, самъ боявшійся привидѣній, имъ изобрѣтенныхъ, водилъ насъ изъ страны чу-

деснаго въ самый обыкновенный міръ, изъ міра волшебства въ Нѣмецкій погребокъ, шутилъ, смѣялся надъ нашими ожиданіями, обманывалъ насъ безпрерывно, и наконецъ — скрылся, какъ мечта, изглаженная крѣпкимъ утреннимъ сномъ! Чтеніе было кончено. Начались разговоры и сужденія. Иногда, это послѣдствіе чтенія бываетъ любопытнѣе того, что прочитано. Въ дружеской бесѣдѣ нашей всякій изъявлялъ свое мнѣніе свободно; противорѣчія были самыя странныя; и всего страннѣе показалось мнѣ, что женщины хвалили прозаическія мѣста болѣе, а мужчины были въ восторгѣ отъ самыхъ фантастическихъ сценъ. Мѣста поэтическія пролетѣли мимо тѣхъ и другихъ, большею частію, незамѣченныя ими.

Одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ

молчалъ. «Вы еще ничего не сказали, Леонидъ?» спросила его молодая дѣвушка, которая не могла налюбоваться дочерью переплетчика, изображенною Гоффманомъ.—Что же прикажете мнѣ говорить?—«Какъ: что? Скажите: понравилась-ли вамъ повѣсть Гоффмана?» — Я не понимаю слова: понравиться—отвѣчалъ Леонидъ — и глаза его обратились къ другой собесѣдницѣ нашей — не понимаю, когда говорятъ это слово о Гоффманѣ, или о дѣвушкѣ.

Та, на которую обратился взоръ Леонида, потупила глаза, и щеки ея покраснѣли.

«Чего-же вы тутъ не понимаете?»

—Того—отвѣчалъ Леонидъ—что ни Гоффманъ, ни та, которую сердце отличаетъ отъ другихъ, нравиться не могутъ.

«Какъ? Гоффманъ, и дѣвушка, которую вы любите, вамъ не могутъ нравиться?

— Жалѣю, что не успѣлъ хорошо высказать моей мысли. Дѣло въ томъ, что слово: нравиться, я позволилъ-бы себѣ употребить, только говоря о щегольской шляпкѣ, о собачкѣ, модномъ фракѣ, и тому подобномъ.

«Прекрасно! Такъ лучше желать быть собачкою, нежели тою дѣвушкою, которую вамъ вздумается любить?...

— Не безпокойтесь. Но Гоффманъ вовсе мнѣ не нравится, какъ не нравится мнѣ буря, съ перекатнымъ громомъ и ослѣпительною молніею: я изумленъ, пораженъ; безмолвіе души выражаетъ все мое существованіе въ самую минуту грозы, а послѣ я самъ себѣ не

могу дать отчета: я не существовалъ въ это время для міра! И какъже вы хотите, чтобы холоднымъ языкомъ ума и слова пересказалъ я вамъ свои чувства? Зажгите слова мои огнемъ, и тогда я выжгу въ душѣ другаго чувства мои такими звуками, что онъ пойметъ ихъ.....

«Не пишетъ-ли онъ стиховъ?» сказала дѣвушка, которая спрашивала, молчаливой своей подругѣ. «Вѣрно, это какое нибудь поэтическое сравненіе или выраженіе, и я ничего въ немъ не понимаю.....»

— Ахъ! какъ я его понимаю! — промолвила другая тихонько, сложивъ руки, и поднимая къ небу голубые глаза свои.

Я стоялъ за ея стуломъ, и слышалъ этотъ голосъ сердца, невольно вылетѣвшій. Боясь, чтобы она не замѣтила моего нечаяннаго дозо-

ра, я поспѣшилъ начать разговоръ съ Леонидомъ.

— Прекрасно — сказалъ я — прекрасно, любезный Леонидъ! Только, въ самомъ дѣлѣ, непонятно.

«Какъ-же вы говорите: прекрасно, если вы не понимаете?»

Этотъ вопросъ смѣшалъ меня. Я не зналъ, что̀ отвѣчать на возраженіе Леонидово. «То есть, я говорю», сказалъ я ему наконецъ, «что трудно было-бы изъяснить положительно, если-бы мы захотѣли отдать полный отчетъ въ вашихъ словахъ.»

— Бѣдные люди! Имъ и чувствовать не позволяютъ того, чего изъяснить они не могутъ! — Леонидъ вздохнулъ.

«Но какъ-же иначе?» сказалъ я. «Безотчетное чувство есть нисшее

чувство, и умъ требуетъ отчета вѣрнаго, положительнаго....

— Мнѣ всегда забавно слышать подобныя слова: сколько въ нихъ шуму, грому, и между тѣмъ, какъ мало отчетливости во всѣхъ вашихъ отчетахъ! Скажите, пожалуйте: во многомъ-ли до сихъ поръ успѣли вы достигнуть вашей отчетливой положительности? Не въ правѣ-ли мы и теперь еще, послѣ всѣхъ вашихъ философскихъ теорій и системъ, повторить:

Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо,
Что и не снилось вашимъ мудрецамъ!

Что такое успѣли мы разгадать нашимъ умомъ, и выразить нашимъ языкомъ? Величайшая горесть, величайшая радость — обѣ безмолвны; любовь также молчитъ — не смѣетъ,

не должна говорить (онъ взглянулъ украдкою на молчаливую нашу собесѣдницу). Вотъ три высокія состоянія души человѣческой, и при всѣхъ трехъ уму и языку дается полная отставка! Все это человѣкъ можетъ еще однакожь понимать; но, что̀ если мы осмѣлимся коснуться тѣхъ скрытыхъ таинъ души человѣческой, которыя только ощущаемъ, о существованіи которыхъ только догадываемся?....

Леонидъ засмѣялся, и вдругъ обратился къ веселой нашей собесѣдницѣ. «Вамъ скучно слушать мои странныя объясненія. Извините: вы сами начали.

— Я искренно признаюсь вамъ, что не понимаю, о чемъ вы говорите. Мнѣ, просто, хотѣлось узнать ваше мнѣніе о Гоффмановой сказкѣ.....

«Сказка эта похожа на быль,» отвѣчалъ Леонидъ.

— Помилуйте? Какъ это можно?

«Говорю не шутя. Сначала мнѣ показалось даже, будто я слышу разсказъ о томъ, что случилось съ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Возможно-ли?

«Окончаніе у Гоффмана однакожъ совсѣмъ не то. Бѣдный другъ мой не улетѣлъ въ волшебное царство духовъ: онъ остался на землѣ, и дорого заплатилъ за мгновенныя прихоти своего бѣшенаго воображенія. . . . .

— Разскажите намъ!

«Это возбудитъ горестныя воспоминанія моей жизни; при томъ-же, я боюсь: я такой плохой разскащикъ. . . . Сверхъ того, въ приключеніяхъ друга моего я ничего не могу изъяснить положительно!. . . .»

Леонидъ засмѣялся, и пожалъ мнѣ руку.

— Злой насмѣшникъ! — сказалъ я.

«Вы однакожь разскажете намъ?» повторила веселая наша собесѣдница.

— Если вамъ угодно. — Взоръ Леонида выразилъ однакожь, что совсѣмъ не въ ея угоду хотѣлъ онъ разсказывать.

«Ахъ! какъ весело!» сказала въ полголоса молчаливая ея подруга, такъ, что Леонидъ мóгъ слышать— «онъ станетъ разсказывать!»

— Ты любишь слушать разсказы Леонида? — лукаво спросила ее подруга.

«Да.... потому, что они всегда такіе странные»... Она смѣшалась, и опять замолчала.

Нѣсколько молодыхъ людей придвинули къ намъ свои кресла. Мы

составили отдѣльный кружокъ. Другіе изъ гостей были уже заняты въ это время картами, и разговорами о погодѣ, и еще о чемъ-то весьма важномъ: кажется, объ осадѣ Антверпена. — Леонидъ началъ.

— Вы позволите мнѣ скрыть имена, и предварительно объявить, что я ни слова не прибавлю и не убавлю къ истинѣ.

Въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ тому, когда служилъ я по Министерству......, зналъ я одного молодаго чиновника. Онъ былъ товарищъ мнѣ по Департаменту, и старше меня лѣтами. Назовемъ его Антіохомъ. Въ началѣ нашего знакомства показался онъ мнѣ угрюмъ, холоденъ и молчаливъ. Въ веселыхъ бесѣдахъ нашихъ онъ, обыкновен-

но, говаривалъ мало. Сказывали также, что онъ большой скупецъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно было, что у него огромное состояніе; но онъ жилъ весьма тихо и скромно, никого не приглашалъ къ себѣ, рѣдко участвовалъ въ забавахъ своихъ пріятелей, и только разъ въ годъ сзывалъ къ себѣ товарищей и знакомыхъ, въ день именинъ своихъ. Тогда угощеніе являлось богатое. Въ другое-же время рѣдко можно было застать его дома. Говорили, что онъ нарочно не сказывается, хотя кромѣ должности почти ни куда не ходитъ, и сидитъ запершись въ своемъ кабинетѣ. Должность была у него легкая, за бумагами сидѣть ему было не надобно, и никто не зналъ: какимъ образомъ Антіохъ проводитъ время? Впрочемъ, онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и ласковъ,

охотно ссужалъ деньгами, и былъ принятъ въ лучшихъ обществахъ. Прибавлю, что онъ былъ собою довольно хорошъ, только не всякому могъ понравиться. Лице его, благородное и выразительное, со всѣмъ не было красиво; большіе, голубые глаза его не были оживлены ни какимъ чувствомъ. Стройный и высокій, онъ вовсе не заботился о пріятности движеній. Часто, сложивъ руки, опустивъ глаза въ землю, сидѣлъ онъ, и не отвѣчалъ на вопросы самыхъ милыхъ дѣвушекъ, и улыбался при томъ, такъ странно, что можно было почесть эту улыбку за насмѣшку. Богъ знаетъ съ чего, Антіоха называли ученымъ — названіе, не придающее любезности въ глазахъ женщинъ: говорю, что слыхалъ, и готовъ допустить исключенія изъ этого правила. Такое названіе при-

дали Антіоху, можетъ быть, потому, что онъ хорошо зналъ Латинскій языкъ, и былъ постояннымъ посѣтителемъ лекцій Велланскаго. Впрочемъ, Антіохъ показывалъ во всемъ отличное, хотя и странное образованіе. Онъ превосходно зналъ Французскій, Италіянскій, и особливо Нѣмецкій языкъ; изрядно танцовалъ, но не любилъ танцовать; страстно любилъ музыку, но не игралъ, не пѣлъ, и всему предпочиталъ Беетховена. Иногда начиналъ онъ говорить, говорилъ съ жаромъ, увлекательно, но вдругъ перерывалъ рѣчь, и упорно молчалъ цѣлый вечеръ. Знали, что онъ много путешествовалъ, но никогда не говорилъ онъ о своихъ путешествіяхъ. . . . .

Извините, что я изображаю вамъ моего героя. Этотъ старинный ма-

неръ романовъ необходимъ, и вы поймете послѣ сего: почему называли Антіоха страннымъ человѣкомъ. Вообще Антіоха всѣ уважали, но любили его немногіе. Долго старались разгадать странности Антіоховы. Одни сказывали, будто онъ былъ когда-то влюбленъ, и влюбленъ несчастно. Это могло сдѣлать его интереснымъ для женщинъ; но холодность Антіоха отталкивала всякаго, кто хотѣлъ съ нимъ сблизиться. Другимъ казалось непростительнымъ, что при большомъ богатствѣ своемъ, онъ, совершенно независимый и свободный, не живетъ открыто, и не находится въ блестящемъ обществѣ, не ищетъ ни чиновъ, ни связей, сидитъ дома, ходитъ на ученыя лекціи. «Онъ слишкомъ умничаетъ — онъ странный человѣкъ — онъ чу-

дакъ — впрочемъ, онъ дѣловый человѣкъ — онъ скупъ, а это отвратительно!» Такъ судили объ Антіохѣ. Странность труднѣе извинять, нежели шалость. Другимъ прощали безцвѣтность, ничтожность характера, мѣлкость души, отсутствіе сердца: Антіоху не прощали того, что онъ отличался отъ другихъ рѣзкими чертами характера.

Признаюсь, я не могъ не уважать Антіоха за то, что онъ не походилъ на другихъ нашихъ товарищей. Кто знаетъ молодыхъ Петербургскихъ служивыхъ людей, тотъ согласится съ моимъ замѣчаніемъ. Мало удавалось мнѣ слыхать оживленный разговоръ Антіоха; но что слыхалъ я, то изумляло меня чѣмъ-то необыкновеннымъ — какою-то странною оригинальностью. Вскорѣ мы познакомились съ нимъ

короче. Это было лѣтнимъ вечеромъ. Помню этотъ вечеръ — одинъ изъ прекраснѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни! Я вырвался тогда изъ душнаго Петербурга, уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, далъ себѣ свободу бродить безъ плана, безъ цѣли. Солнце катилось къ западу, когда я очутился на дачѣ Чичагова. Мѣстоположеніе прелестное, дикое, уединенное, солнце, утопающее въ волнахъ Финскаго залива, море, зажженное его лучами, небо ясное, безоблачное — все это расположило меня къ какому-то забвенію самого себя. Я былъ весь мечта, весь дума — какъ говорятъ наши поэты, и не замѣтилъ, когда приблизился ко мнѣ Антіохъ.

«Леонидъ!» сказалъ онъ мнѣ — «дай руку! Отнынѣ ты видишь во мнѣ добраго своего друга!» Я

невольно содрогнулся отъ яркаго взора, какой Антіохъ устремилъ на меня, и отъ нечаяннаго появленія этого страннаго человѣка. Въ замѣшательствѣ, молча, пожалъ я ему руку.

Никогда не видывалъ я Антіоха въ такомъ, какъ теперь состояніи. Если-бы надобно было изобразить мнѣ состояніе его однимъ словомъ, то я сказалъ-бы, что Антіохъ казался мнѣ вдохновеннымъ. Я видѣлъ не прежняго холоднаго Антіоха, съ насмѣшливою улыбкою, съ какимъ-то презрѣніемъ смотрѣвшаго на всѣхъ, запелененаннаго въ формы и приличія. Въ глазахъ его горѣлъ огонь, румянецъ оживлялъ его всегда блѣдныя щеки.

— Леонидъ — сказалъ онъ мнѣ — ради Бога, прочь всѣ формы! Будь при мнѣ тѣмъ, чѣмъ видѣлъ я те-

бя за нѣсколько минутъ, или я уйду и оставлю тебя!

«Вы меня удивляете, Антіохъ!»

— Несносные люди! Ихъ никогда не застанешь въ расплохъ; они тотчасъ спѣшатъ надѣть фракъ свой, и подать вамъ визитную карточку.... Извините, что я перервалъ вашу уединенную прогулку — сказалъ Антіохъ съ досадою, и хотѣлъ идти прочь. Я остановилъ его. Голосъ Антіоха дошелъ до моего сердца.

«Антіохъ! я тебя не понимаю.»

— А мнѣ казалось, что за нѣсколько минутъ я понималъ тебя, понималъ юное сердце человѣка, который убѣжалъ изъ толпы людей отдохнуть здѣсь, одинъ на просторѣ, побесѣдовать съ матерью-Природою; понималъ взоръ твой, устремленный на этотъ символъ души чело-

вѣческой — море, безконечное, бездонное, съ бурями и пропастями.....

Леонидъ! Антіохъ! воскликнули мы, и крѣпко обняли другъ друга. Взявшись рука въ руку, до глубокой ночи бродили мы вмѣстѣ.

Не могу пересказать вамъ всего, что было переговорено нами въ это время.

Антіохъ раскрылъ мнѣ свою душу — я высказалъ ему мою. Но что могъ я тогда высказать ему?— продолжалъ Леонидъ, съ жаромъ, потупивъ глаза.—Нѣсколько блѣдныхъ воспоминаній дѣтства, нѣсколько неопредѣленныхъ чувствъ при взглядѣ на природу, нѣсколько затверженныхъ мною идей, нѣсколько мечтаній о будущемъ, можетъ быть. . . . Но, я не о себѣ, а объ Антіохѣ хочу говорить вамъ.

Антіохъ открылъ мнѣ новый міръ, фантастическій, прекрасный, вели-

колѣнный — міръ, въ которомъ душа моя тонула, наслаждаясь забвеніемъ, похожимъ на то неизъяснимосладостное чувство, которое ощущаемъ мы купаясь въ морѣ, или смотря съ высокой заоблачной горы на низменное пространство, развивающееся подъ ногами нашими. Душа Антіоха была для меня этимъ новымъ, волшебнымъ міромъ: она населила для меня всю Природу чудными созданіями мечты; отъ ея прикосновенія, казалось мнѣ, и моя душа засверкала электрическими искрами. Какъ легко понялъ я тогда, и насмѣшливую улыбку Антіоха, при взглядѣ на извѣстныя обоимъ намъ свѣтскія общества, и презрѣніе, какое невольно изъявлялъ онъ при взглядѣ на нашихъ товарищей!

Только равная Антіоху душа могла понять его, или сердце младен-

ческое, чистое, безпечно отдавшееся ему. Такъ прекрасную душу женщины понимаетъ только пламенная душа любящаго ее человѣка, или дитя, которое безотчетно улыбается на ея материнскую слезу, и питается жизнью изъ ея груди!

«Леонидъ!» говорилъ мнѣ Антіохъ, «человѣкъ есть отпадшій Ангелъ Божій. Онъ носитъ семена Рая въ душѣ своей, и можетъ разсадить ихъ на тучной почвѣ земной Природы, и на лучшихъ созданіяхъ Бога — сердцѣ женщины и умѣ мужчины. Міръ прекрасенъ, прекрасенъ и Человѣкъ, этотъ слѣдъ дыханія Божьяго. Бури низкихъ страстей портятъ, бури высокихъ страстей очищаютъ душную его атмосферу, и сметаютъ пыль ничтожныхъ суетъ. Любовь и дружба — вотъ солнце и луна душевнаго нашего міра!

Къ несчастію, глаза людей заволокаетъ темная вода: они не видятъ ихъ величественнаго восхожденія; прячутся въ тѣнь отъ жаркаго полдня любви, и пугаются привидѣній священной полуночи дружбы; или, больными, слабыми глазами не смѣютъ глядѣть на солнце, и спятъ при серебристомъ свѣтѣ мѣсяца. Тяжело тому, кто бродитъ одинъ бодрствующій, и слышитъ только храпѣнье сонныхъ. Пустыня жизни ужасна — страшнѣе пустынь земли! Какъ грустно смотрѣть, если видишь и понимаешь, чѣмъ могли-бъ быть люди, и что они теперь!».

Съ жаромъ дѣтскимъ надеждъ, опровергалъ я слова Антіоха, указывая ему на свѣтлую будущность нашей жизни.

«Утѣшайся этими мечтами, храни ихъ, Леонидъ!» ласково, но за-

думчиво говорилъ Антіохъ. « Эта мѣлкая монета всего лучше въ торговлѣ жизнью, и — горе тому, кто принесетъ на рынокъ людской жизни горсть драгоцѣнныхъ алмазовъ: если-бы люди и могли оцѣнить ихъ, имъ не на что будетъ ихъ купить; никто тебѣ не размѣняетъ ихъ, никто не продастъ тебѣ на нихъ ничего, и ты, обладатель алмазовъ, умрешь съ голоду! Открой мнѣ поприще, достойное высокихъ порывовъ души; поставь мнѣ мѣтою лавровый или дубовый вѣнокъ, не оскверненный мѣлкими отношеніями. А! самая смерть въ достиженіи къ этому вѣнку будетъ сладостною цѣлью жизни! Но покупное, но ничтожное — за ними-ли пойду я! Такъ на торжественномъ пирѣ народномъ ставятъ золоторогихъ быковъ, и безумная чернь дерется за куски

ихъ мяса, лѣзетъ на шестъ, стараясь достать позолоченный крендель, положенный на его вершинѣ......

« Леонидъ! ты еще не испыталъ терзательныхъ бичей жизни. Ты еще не ставилъ на карту мечтаній веселого всего счастія. Ты не знаешь еще муки неудовлетворенныхъ стремленій души въ любви, дружбѣ и славѣ! Горестный опытъ научилъ меня многому, что тебѣ неизвѣстно.

Антіохъ разсказалъ мнѣ главныя подробности своей жизни. Отецъ его, бѣдный Офицеръ, увезъ дочь богача, и жестокосердый старикъ проклялъ ихъ.

« Я не помню радостей младенчества,» говорилъ мнѣ Антіохъ. «Угнетающая бѣдность, слезы матери, блѣдное лицо моего добраго отца — вотъ привидѣнія, которыми окружена была колыбель моя.

Бѣдность! убійственна, а я испыталъ ее, испыталъ вполнѣ: я видѣлъ, какъ мать моя терзалась послѣдними смертными муками, и лекарь не шелъ къ ней, потому, что нечѣмъ было заплатить ему за визитъ! Я видѣлъ, какъ отецъ мой держалъ въ рукѣ рецептъ, прописанный лекаремъ, и плакалъ: ему не съ чѣмъ было послать въ Аптеку! Мы должны были много Аптекарю; онъ не хотѣлъ намъ отпускать болѣе въ долгъ, а у насъ не было ни одной копѣйки! Двѣнадцати лѣтъ былъ я, когда проводилъ бѣдный гробъ матери на кладбище, и возвратясь домой засталъ отца безъ памяти— его повезли въ больницу.

Я составлялъ единственное утѣшеніе матери моей, и воспитаніе мое было въ странной противоположности съ состояніемъ нашимъ.

Женщина, какихъ не встрѣчалъ я послѣ; святой идеалъ материнской любви! зачѣмъ такъ рано раскрыла ты мое сердце? Зачѣмъ не дозволила свѣту охолодить, облечь меня въ свои приличія и условія? Но тебѣ потребна была душа родная, съ которою могла-бы ты дѣлиться своею душею, своимъ сердцемъ. И твоя мечтательная, любящая душа погубила меня! Голова моя была уже романическою, когда я едва понималъ самые обыкновенные предметы жизни. Единственный другъ нашего семейства, Пасторъ Лютеранской церкви того города, гдѣ мы жили, былъ другой губитель мой. Его высокая добродѣтель, его трогательная проповѣдь, его музыка, его слова, бесѣды съ моею матерью, уносили меня за предѣлы здѣшняго міра. Добрый старикъ этотъ въ

одинъ годъ лишился нѣжно-любимой жены, двухъ дочерей, и осиротѣлъ на чужой сторонѣ, въ старости лѣтъ. Единственное утѣшеніе его было, когда мать моя со мною приходила къ нему, и онъ могъ плакать, могъ говорить съ нею о милыхъ, утраченныхъ имъ, о своей доброй Генріеттѣ, о своихъ незабвенныхъ Элизѣ и Юліи. По цѣлымъ часамъ стоялъ я иногда и слушалъ, когда онъ, забывши весь міръ, одинъ въ своей кирхѣ, игралъ на органахъ—я слушалъ божественные звуки Моцарта и Генделя, и голова моя горѣла, пока я не начиналъ неутѣшно рыдать. Тогда старикъ переставалъ играть, и обнималъ меня со слезами..... Мы казались друзьями, — ровесниками.......

Изъ этого міра романической жизни и мечтаній, вдругъ перешелъ я

въ міръ совершенно противополож-ный. Дѣдъ мой услышалъ о смерти моей матери. Одиноко, грустно проводилъ онъ жизнь среди своихъ богатствъ. Въ больницу, гдѣ лежалъ отецъ мой, явился этотъ старикъ: все было забыто; горесть примирила ихъ. Я воображалъ себѣ дѣда строгимъ, угрюмымъ богачемъ: увидѣлъ сѣдаго, убитаго печалью старика, который обнималъ меня, называлъ своимъ милымъ Антіохомъ. Отецъ мой выздоровѣлъ, снова вступилъ въ службу; я переселился къ моему дѣду. Вскорѣ Бессарабская чума лишила меня отца....

Дѣдъ мой жилъ, какъ богатый Русскій помѣщикъ, окруженный многочисленною дворнею, льстецами, прислужниками. Меня, его единственнаго наслѣдника, облелѣяли всѣ прихоти, всѣ изобрѣтенія роскоши.

Но грубый міръ страстей, какой увидѣлъ я у дѣда, старика, обманываемаго всѣмъ, что его окружало, не только не увлекъ меня, но отвратилъ отъ себя, и увеличилъ противоположность мечтательной души моей и дѣйствительной жизни. Все время, котораго не проводилъ я въ учебной своей комнатѣ, съ множествомъ учителей, для меня нанятыхъ, былъ я съ моимъ дѣдомъ—какъ говорится, не слышавшимъ во мнѣ души; или бродилъ по окрестнымъ лѣсамъ, съ книгою, съ мечтами; или скакалъ по полямъ на борзомъ конѣ. Сосѣди наши, добрые грубые люди—особливо сосѣдки, матушки, тетушки, кузины, дочьки ихъ — заставляли меня съ особенною охотою скрываться въ мое уединеніе.» Выраженіе Антіоха сдѣлалось колкимъ, насмѣшливымъ,

когда онъ описывалъ мнѣ грубую, безжизненную жизнь деревенскаго быта: помѣщиковъ, переходящихъ отъ овина къ висту; помѣщицъ, занятыхъ, то ѣздою въ гости, то сватаньемъ дочерей. Но съ большею насмѣшкою говорилъ онъ мнѣ о сельскихъ красавицахъ, полныхъ, здоровыхъ, съ румяными щеками, съ блѣдною душею, красивыми личиками, безобразными сердцами....

«Я искалъ душъ въ этихъ прозябающихъ тѣлахъ» — говорилъ Антіохъ.» Часто увлекался я добродушіемъ отцовъ, простотою матерей, и взрослымъ младенчествомъ дѣтей ихъ. Но грубыя формы ихъ вскорѣ отталкивали меня; и всего грустнѣе мнѣ было видѣть, когда я находилъ слѣды чего-то прекраснаго, высокаго, насильно заглушеннаго среди рѣпейника и полыни су-

етъ и мѣлкихъ отношеній. Я готовъ былъ тогда жаловаться на Провидѣніе, сѣющее безплодныя сѣмена, или попускающее расклевывать ихъ галкамъ и воронамъ ничтожныхъ отношеній, душить ихъ бѣленѣ и чертополоху невѣжества.»

«Я выпросился у дѣда моего въ Гёттингенскій Университетъ. Мнѣ и потому несносно было оставаться долѣе въ деревнѣ, что меня тамъ не взлюбили наконецъ, называли философомъ—страшная брань, въ устахъ тамошнихъ обитателей—чудакомъ, нелюдимомъ, насмѣшникомъ.

«Германія парникъ, гдѣ воспитываетъ Человѣчество самыя рѣдкія растѣнія, унесенныя человѣкомъ изъ Рая; но она парникъ, Леонидъ! а не раздольное поле, на которомъ свободно возрастали-бы величественныя пальмы и вѣковыя творенія

человѣческой природы. Германія снимаетъ съ лампадъ просвѣщенія нагаръ, но за то отъ нея пахнетъ масломъ — сказалъ, не помню кто, и сказалъ справедливо. Однакожъ, въ ней провелъ я лучшія минуты жизни, въ ней, и еще въ Италіянской природѣ, и между Швейцарскими горами, гдѣ пѣсня приволья отдается между утесами горными, и вторитъ шуму вѣчныхъ водопадовъ....

«Внезапная смерть дѣда заставила меня возвратиться въ Россію, о которой сильно билось сердце мое на чужбинѣ. Не зная разлуки съ отчизною, не знаешь и грусти по отчизнѣ; не знаешь, какую прелесть имѣетъ самый воздухъ родины, какое очарованіе заключается въ снѣгахъ ея, какъ весело слышать нашъ Русскій, сильный языкъ! Я увидѣлъ себя обладателемъ больша-

го имѣнія; сила души моей не удовлетворялась болѣе однимъ ученьемъ. Мнѣ хотѣлось забыть и мечты мои, и противоположности жизни, въ дѣятельныхъ, достойныхъ мужа трудахъ; хотѣлось узнать и большой свѣтъ.

«Мой другъ! кто рано началъ жить вещественною жизнью, тому остается еще необозримая надежда спасенія въ жизни души; но бѣденъ, кто провелъ много лѣтъ въ мірѣ мечтаній, въ мірѣ духа, и думаетъ потомъ обольстится оболочкою этого міра, міромъ вещественнымъ! Такъ путешествіе отрада для души неопытной, обольщаемой живыми впечатлѣніями общественной жизни и природы; но оно жестокое средство разочарованія для испытаннаго жильца міра! Богатые Лорды Англійскіе проѣзжаютъ черезъ

всю Европу, нерѣдко для того только, чтобы навести пистолетъ на разочарованную голову свою, по возвращеніи въ свои великолѣпные за́мки. Есть путешествія, въ которыхъ душа человѣческая могла-бы еще забыться: путешествія по бурнымъ безднамъ Океана, среди льдовъ, скипѣвшихся съ облаками подъ полюсомъ, среди палящихъ степей и пальмовыхъ оазисовъ Африки, среди дѣвственныхъ дебрей Америки. Но такой-ли міръ для души Петербургскій проспектъ, и эти размраморенныя, раззолоченныя залы и гостинныя? Кто привыкъ къ крѣпкому питью, тому хуже воды оржадъ, прохлаждающій щеголеватаго партенёра кадрили. Вода, по крайней мѣрѣ, вовсе безвкусна, а бальный оржадъ что-то мутное, что-то приторное. . . . Несносно!

« Если-бы горѣла война, изумлявшая Европу въ 1812-мъ году, если-бы грудью своею ломилъ нашу Русь тогдашній великанъ, которому мечами вырубили народы могилу въ утесахъ острова Св. Елены, подъ заздравнымъ кубкомъ смерти можно-бы отдохнуть душею; если-бъ я былъ поэтомъ, могъ въ очарованныхъ пѣсняхъ высказывать себя, я также отдохнулъ-бы тогда: я разлился-бы по душамъ людей гармоническими звуками, и буря души моей исчезла-бы въ громахъ и молніяхъ Поэзіи; если-бы я могъ, хотя не словами, но звуками только оживлять мечты, которымъ тѣсно въ вещественныхъ оковахъ.... Но ты знаешь, что я не поэтъ, и не музыкантъ! Непослушная рука моя всегда отказывалась изображать душу мою и въ краскахъ, и въ очер-

кахъ живописныхъ. О Рафаэль, о Моцартъ, о Шиллеръ! кто далъ вамъ божественныя ваши краски, звуки и слова? Для чего-же даны они были вамъ, а не даны мнѣ? И для чего не передали вы никому тайны созданій вашихъ? Или вы думали, что люди недостойны вашихъ тайнъ? И для чего-же судьба дала мнѣ чувства, съ которыми я понимаю всю ничтожность, всю безжизненность моихъ порывовъ, смотря на небесную Мадонну, слушая Requiem, и читая Résignation? Звуковъ, цвѣтовъ, словъ! восклицаю я— ихъ дайте мнѣ, чтобы сказаться на землѣ небу! Или дайте-же мнѣ душу, которая слилась-бы со мною въ пламени любви. . . . И что-же вокругъ меня? Куклы, съ завялыми цвѣтами жизни, съ цѣпями связей и приличій! Чего имъ отъ меня на-

добно? Моего золота, которое отвратительно мнѣ, когда я вспоминаю, что мать моя умирала, а у меня не было гривны денегъ купить ей лекарства. И эту купленную любовь, эту продажную дружбу, эти обшитыя мишурою разсчета почести, будутъ занимать меня?... Никогда!»

Вы назовете Антіоха моего безумцемъ, мечтателемъ? Не противорѣчу вамъ, не хвалю его, но—таковъ онъ былъ. Не осуждайте его хоть потому, что впослѣдствіи онъ расплатился дорого за все, что чувствовалъ, о чемъ говорилъ и мечталъ. Простите ему, хоть за эту цѣну, его безуміе, и, если угодно, извлеките изъ этого нравственный выводъ, постарайтесь еще болѣе похолодѣть, покрѣпче затянуться въ формы, приличія, и обыкновенныя,

благоразумныя, настоящія понятія о жизни. *Его примѣръ будь намъ наукой:* не слишкомъ высоко залетать на нашихъ восковыхъ крыльяхъ. Лучше дремать на берегу лужи, нежели тонуть, хотя-бы и въ Океанѣ.....— Леонидъ улыбнулся и продолжалъ разсказъ.

—Не все, что высказалъ я вамъ, говорено было нами во время прогулки на Чичаговой дачѣ, въ этотъ незабвенный для меня вечеръ, послѣ котораго мы почти не разставались съ Антіохомъ. Каждый разъ привязывался я къ нему болѣе и болѣе, каждый разъ лучше узнавалъ я эту душу, пылкую, независимую, добрую, какъ у младенца, свѣтлую, какъ у добродѣтельнаго старца, пламенную, какъ мысль влюбленнаго юноши. Не знаю, что полюбилъ Антіохъ во мнѣ. Можетъ быть,

дѣтское самоотверженіе, съ какимъ вслушивался я въ голосъ его сердца, въ высокіе отзывы души его.

Тогда узналъ я, что̀ дѣлывалъ Антіохъ, запираясь у себя дома, и отказывая посѣтителямъ. Склонность къ мечтательности, воспитанная всею его жизнію, увлекала Антіоха въ міръ таинственныхъ знаній, этихъ неопредѣленныхъ догадокъ души человѣческой, которыхъ никогда не разгадаетъ она вполнѣ. Изслѣдованія тайнъ Природы и Человѣка заставляли его забывать время, когда онъ занимался ими. Изслѣдованія Магнетизма, Ѳеософія, Психологія, были любимыми его занятіями. Онъ терялся въ пѣнѣ мудрости, которая кружитъ голову вихрями таинственности и Мистики. Знанія, извѣстныя намъ подъ названіями Кабалистики, Хироманіи, Физіогно-

мики, казались Антіоху только грубою корою, подъ которою скрываются тайны глубокой мудрости.

Я не могъ раздѣлять съ нимъ любимыхъ его упражненій, однакожъ слушалъ и заслушивался, когда онъ, съ жаромъ, вдохновенно, говорилъ мнѣ о таинственной мудрости Востока, раскрывалъ мнѣ міръ, куда возлетаетъ на мгновеніе душа поэта и художника, и который грубо отзывается въ народныхъ повѣрьяхъ, суевѣріяхъ, преданіяхъ, легендахъ. Антіохъ не зналъ предѣловъ въ этомъ мірѣ. Эккартсгаузенъ, Шведенборгъ, Шубартъ, Бемъ были самымъ любимымъ его чтеніемъ. — Тайны Природы могутъ быть постижимы тогда только, когда мы смотримъ на нихъ просвѣтлѣннымъ зрѣніемъ души — говорилъ онъ.—Кто исчислитъ мѣру воли че-

ловѣка, совлеченной всѣхъ цѣпей вещественныхъ? Гдѣ мѣра и той божественной Вѣрѣ, которая можетъ двигать горы съ ихъ мѣста, той дщери небесной Софіи, сестры Любви и Надежды? Природа гіероглифъ, и все вещественное есть символъ невещественнаго, все земное неземнаго, все духовное духовнаго. Можемъ-ли пренебречь этотъ міръ, доступный духу человѣческому?

« Мечтатель! » говорилъ я иногда Антіоху — « ты погубишь себя! Мало тебѣ идеаловъ, которыхъ не находишь въ жизни: ты хочешь изъ нихъ создать цѣлый міръ, и въ этомъ мірѣ открывать тайны, которыя непостижимы человѣку!

— Но онѣ постижимы ему въ зрящемъ состояніи ума, во временной смерти тѣла, снѣ, и въ веществен-

номъ соединеніи съ Природою—магнетизмѣ? Но, если я и грежу, если это и сонъ обольстительный, не лучше-ли сонъ этотъ бѣдной вашей существенности? Если сонъ приставляетъ крылья тѣлу—мечта подвязываетъ крылья душѣ, и тогда нѣтъ для нея ни времени, ни пространства. О, мой Леонидъ! Если дружбу мою столько разъ, со слезами, называлъ ты благословеніемъ неба, зачѣмъ не могу я изобразить тебѣ, что̀ сказала-бы родная душа о моей любви, о любви выше ничтожныхъ условій земли и міра! Да, правда: эта любовь не для земли; ее угадала-бы одна; одна душа, созданная вмѣстѣ съ моею душею, и раздѣленная послѣ того. Леонидъ! назови меня сумашедшимъ, но Пиѳагоръ не ошибался: я вѣрю его жизни до рожденія—

и въ этой жизни—вѣрю я—было существо, дышавшее одной душею со мной вмѣстѣ. Я встрѣчусь нѣкогда съ нимъ и здѣсь; встрѣча наша будетъ нашею смертію; пережить ее невозможно! Умремъ, моя мечта! умремъ; да и на что жить намъ, когда въ одно мгновеніе перваго взора мы истощимъ вѣка жизни?...

Не знаю: поняли-ль вы теперь странную, если угодно, уродливую душу Антіоха, которая открывалась только мнѣ одному, и никому болѣе? Для другихъ продолжалъ онъ быть прежнимъ, насмѣшливымъ, холоднымъ молодымъ человѣкомъ, не перемѣнялъ образа своей жизни, жилъ по старому, служилъ, какъ другіе....

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ какой-то шарлатанъ: называю его такъ потому, что его не льзя было назвать ни артистомъ, ни ученымъ человѣкомъ. Онъ, правда, не объявлялъ о себѣ въ Газетахъ, не вывѣшивалъ надъ своею квартирою огромной, размалеванной холстины днемъ, ни темнаго фонаря съ свѣтлою надписью по вечерамъ, и называлъ себя Людовикомъ *фонъ*-Шреккенфельдомъ; однакожъ разослалъ при театральныхъ аффишкахъ извѣстіе, для Любителей Изящныхъ Искуствъ, о Мнемо-физико-магическихъ вечерахъ, какіе намѣренъ давать Петербургской публикѣ, и «льстилъ себя надеждою благосклоннаго посѣщенія.» Въ огромной залѣ давалъ онъ эти вечера. Цѣна за входъ назначена была десять рублей, и зала каждый разъ была пол-

на. Въ самомъ дѣлѣ—было чего посмотрѣть. Удивительныя машины, непонятные автоматы, блестящіе физическіе опыты, занимали прежде всего посѣтителей. Потомъ, приглашенные лучшіе артисты разыгрывали самыя фантастическія музыкальныя пьесы; иногда Фантасмагорія, Кинезотографія, Пиротехника, Китайскія тѣни, изумляли всѣхъ своею волшебною роскошью. Но молодыхъ посѣтителей болѣе всего привлекала къ Шреккенфельду дѣвушка, которую называлъ онъ своею дочерью.

Не знаю, какъ описать вамъ Адельгейду: она уподоблялась дикой симфоніи Беетховена, и дѣвамъ Валкиріямъ, о которыхъ пѣвали Скандинавскіе Скальды. Ростъ ея былъ средній, лицо удивительной бѣлизны, но не представляло

ни стройной красоты Греческой, ни выразительной красоты Востока, ни пламеннаго очарованія красоты Итальянской; оно было задумчиво-прелестно, походило на лица Мадоннъ Альбрехта Дюрера. Чрезвычайно стройная, съ русыми, въ длинные локоны завитыми волосами, въ бѣломъ платьѣ, Адельгейда казалась духомъ той Поэзіи, который вдохновлялъ Шиллера, когда онъ описывалъ свою Теклу, и Гёте, когда онъ изображалъ свою Миньону. Вечера Шреккенфельда отличались тѣмъ отъ обыкновенныхъ зрѣлищъ за плату, что хозяинъ и дочь его не собирали при входѣ билетовъ, и собраніе у нихъ походило на вечернее сборище гостей. Шреккенфельдъ и Адельгейда казались добрыми хозяевами, и пока Артисты разыгрывали разныя музы-

кальныя пьесы, ливрейные слуги угощали посѣтителей безъ всякой платы, а онъ и она занимали гостей разговорами, самыми увлекательными, веселыми, разнообразными. Потомъ, какъ будто нечаянно, хозяинъ начиналъ разсуждать о Природѣ, ея таинствахъ, и принимался за опыты. Но всѣ ждали нетерпѣливо того времени, когда Адельгейда являлась на сцену. Она обладала удивительными дарованіями въ Музыкѣ, говорила на нѣсколькихъ языкахъ, и, не смотря на ея всегдашнюю холодность и задумчивость, разговоръ Адельгейды былъ блестящъ, увлекателенъ. Замѣтно было, что она выходила на сцену неохотно. Обыкновенно начинала она игрою на фортепіано, а чаще на арфѣ. Задумчивость ея исчезала постепенно — игра переходила въ

фантазію; звуки лились, какъ будто изъ ея души; голосъ ея соединялся съ звуками арфы. Тогда глаза ея начинали сверкать огнемъ восторга. Она пѣла, декламировала, оставляла арфу, читала стихи Гёте, Шиллера, Бюргера, Клопштока. Раздавались звуки невидимой гармоники, скрытой отъ зрителей, и потрясали душу. Каждый думалъ тогда, что видитъ въ Адельгейдѣ какое-то воздушное существо, каждый ждалъ, что она разсѣется, исчезнетъ легкимъ туманомъ. Тогда только раздавались рукоплесканія зрителей, когда Адельгейда уходила со сцены, скрывалась отъ взоровъ, и къ звукамъ гармоники присоединялся шумный хоръ музыкантовъ. Адельгейда не являлась уже къ зрителямъ послѣ игры и декламаціи, и Шреккенфельдъ

оканчивалъ вечера изумительными фокусами, или фантасмагоріею.

Слухи о вечерахъ Шреккенфельда, и особенно объ его Адельгейдѣ, превлекали къ нему молодежъ. Каждый шелъ посмотрѣть на нее, какъ на кочевую комедіянтку, походную пѣвицу. Но каждаго изумлялъ взглядъ на нее и, особенно, разговоръ ея. Свобода обращенія Адельгейды съ молодыми людьми представляла разительную противоположность съ ея холодностью. Одинъ взоръ Адельгейды останавливалъ двусмысленный разговоръ, или дерзкое слово самаго безразсуднаго вѣтренника, а ея дарованія заставляли забывать, что она была дочь какого-то шарлатана, и показывала опыты необыкновенныхъ дарованій своихъ за деньги.

Шреккенфельдъ скоро составилъ

у себя особенные, частные вечера, давая публичные вечера только одинъ разъ въ недѣлю. Онъ занималъ богатую квартиру, и всякій, кто былъ порядочно одѣтъ, и знакомилъ съ нимъ на публичныхъ его вечерахъ, имѣлъ право придти къ нему на частный вечеръ, и привести съ собою знакомаго. Совершенная свобода была въ этихъ собраніяхъ, хотя видъ Адельгейды удерживалъ всѣхъ въ совершенной благопристойности. Шреккенфельдъ былъ неистощимъ въ занятіи гостей: пѣніе, Музыка, опыты ученые, декламація и игра Адельгейды, занимали однихъ — большая карточная игра другихъ. Шреккенфельдъ держалъ огромный банкъ, выигрывалъ и проигрывалъ большія суммы, хотя самъ никогда не садился играть, и только повсюду надзиралъ своими зелеными,

лягушечьими глазами. Онъ внушалъ всѣмъ какое-то невольное отвращеніе, такъ, какъ Адельгейда всѣхъ привлекала собою. Не льзя было не удивляться обширнымъ знаніямъ Шреккенфельда; притомъ, онъ свободно говорилъ на пяти, или шести языкахъ; но всякое движеніе его было разочтено, продажно. Онъ казался всезнающимъ демономъ, а Адельгейда духомъ свѣта, котораго заклялъ, очаровалъ этотъ демонъ, и держитъ въ цѣпяхъ. Внезапный восторгъ, одушевлявшій задумчивую Адельгейду при Музыкѣ и Поэзіи, можно было почесть мгновеніемъ, въ которое этотъ Ангелъ свѣта вспоминаетъ о своемъ прежнемъ небѣ.

Посѣтивъ раза три Шреккенфельда, я, какъ и другіе, былъ очарованъ Адельгейдою. Но это не была

любовь. Я смотрѣлъ на Адельгейду, какъ на волшебное привидѣніе какое-то, какъ на созданіе изъ звуковъ Музыки и словъ Поэзіи. Съ восторгомъ говорилъ я объ ней Антіоху. Онъ смѣялся, и отвѣчалъ мнѣ, что одинъ видъ шарлатана ему отвратителенъ; и, не смотря на то, что многіе шарлатаны обладаютъ тайнами знаній, неизвѣстными ученымъ, дарованіями, какими могли-бы гордиться художники, онъ всегда видитъ въ нихъ презрѣнныхъ торгашей божественными дарами, ремесленниковъ, унижающихъ величіе человѣка.

« Признаюсь тебѣ, Леонидъ, что женщина, показывающая за деньги свои дарованія, есть для меня твореніе нестерпимое. Я могу равнодушно смотрѣть на паяца, на фокусника, но на пѣвицу — не могу,

все равно, что на эквилибристку! Смѣйся, но я не пошелъ слушать Каталани въ ея концертѣ, и слышалъ ее въ частномъ домѣ: я не пошелъ-бы въ концертъ ни Малибранъ, ни Пасты! Одинъ видъ приставника, который отбираетъ у меня билетъ при входѣ, поворачиваетъ мое сердце, и разрушаетъ для меня очарованіе. Иное дѣло въ Театрѣ, гдѣ все является мнѣ въ какомъ-то оптическомъ обманѣ.

Но я уговорилъ его идти къ Шреккенфельду. Антіохъ сѣлъ въ дальнемъ углу залы, холодно слушалъ музыку, невнимательно смотрѣлъ на опыты Шреккенфельда. Онъ видѣлъ и Адельгейду, но казалось, не замѣчалъ ея. Въ ту минуту, когда Адельгейда сѣла за арфу,

обратила взоры къ небесамъ, и начала тихими аккордами, движенiе Антiоха заставило меня взглянуть на него. Я увидѣлъ, что глаза его загорѣлись. Чудные звуки арфы слились съ голосомъ Адельгейды — Антiохъ едва могъ сидѣть на мѣстѣ. Неизъяснимая грусть, смѣшанная съ какою-то радостью, что-то непонятное для меня изображалось на лицѣ Антiоха. Надобно сказать, что въ этотъ роковой вечеръ и Адельгейда была очаровательна, неизобразима! Когда она оставила арфу, и начала декламировать, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ горячими щеками, съ глазами, полными слезъ — я не посмѣлъ-бы влюбиться въ нее: такъ не-земна казалась мнѣ Адельгейда! она читала чудное посвященiе Фауста, и эти, столь извѣстныя слова:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
Versuch'ich wohl euch diessmal fest zu halten?
Fühl'ich mein Herz noch jenem Wahn geneigt (*)? —

казались импровизаціею въ устахъ Адельгейды; казалось, что мы слышимъ ихъ въ первый разъ! Когда-же «звуки смычка, водимаго по сердцу человѣческому» (какъ сказалъ о гармоникѣ нашъ извѣстный поэтъ), раздались въ залѣ, и среди ихъ умолкающихъ, замирающихъ переливовъ, Адельгейда произнесла:

Und mich ergreist ein längst entwöhntes Sehnen
Nach jenem stillen ernsten Geisterreich.
Es schwebet nun in unbestimmten Tönen,
Mein lispelnd Lied, der Aeolsharfe gleich,

(*) Опять ты здѣсь, мой благодатный геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять, съ толпой знакомыхъ привидѣній,
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей!

Жуковскій.

Ein Schauer fasst mich, Thräne folgt den Thränen,
Das strenge Herz es fühlt sich mild und weich;
Was ich besitze seh'ich wie in weiten,
Und was verschwand wird mir zu Wirklich-
-keiten (*)!

Слезы потекли изъ глазъ ея... Антіохъ закрылъ свои глаза плашкомъ, и пока раздавались рукоплесканія, онъ поспѣшно ушелъ изъ собранія.

Дня три послѣ того не удалось мнѣ видѣться съ Антіохомъ. Я за-

---

(*) И снова въ томномъ сердцѣ возникаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ,
И душу хладную разогрѣваетъ.
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ:
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ;
Погибшее опять одушевленнымъ.....

Жуковскій.

сталъ его смущеннаго, блѣднаго. Противъ обыкновенія, онъ не ходилъ въ нашъ Департаментъ, и дома ничего не дѣлалъ, расхаживалъ взадъ и впередъ, сложа руки.

— Ты боленъ, Антіохъ? — спросилъ я.

« Нѣтъ, кажется; а впрочемъ, можетъ быть, и боленъ. » Онъ замолчалъ, продолжалъ ходить, и вдругъ остановился передо мною, когда я сѣлъ, и въ безпокойств смотрѣлъ на него.

« Леонидъ! » сказалъ онъ мнѣ. — « Какой злой духъ внушилъ тебѣ мысль увлечь меня къ Шреккенфельду, къ этому демону, волшебнику? Въ какомъ мірѣ жилъ я эти дни? Что̀ я чувствовалъ? Что̀ это заговорило для меня во всей Природѣ? Что̀ вложило душу и голосъ во всѣ бездушные предметы,

и слило голоса всего въ одинъ звукъ, въ одно имя, которое безпрестанно рѣжетъ мнѣ слухъ мой, вползаетъ въ душу мою адскою змѣею, сосетъ мое сердце?

— Антіохъ! неуже-ли Адельгейда произвела на тебя такое сильное впечатлѣніе?

«Впечатлѣніе! Не любовь-ли скажешь ты? Неуже-ли это любовь — любовь этотъ палящій ядъ, который течетъ теперь по моимъ жиламъ, и въ каждой изъ нихъ бьется тысячью аневризмовъ? О, нѣтъ! Это не любовь! Я не люблю, не уважаю Адельгейды—торговки своими дарованіями, дочери воплощеннаго Демона! Я—презираю ее! Но это какое-то очарованіе, отъ котораго, какъ отъ взора гремучей змѣи, спирается мое дыханье, кружится моя голова.... Это какое-то

непонятное чувство, похожее на усиліе, съ какимъ вспоминаемъ мы о чемъ-то быломъ, о чемъ-то знакомомъ, забытомъ нами.... Леонидъ! я видалъ, я зналъ когда-то Адельгейду — да, я зналъ ее, зналъ..... О, въ этотъ никто не разувѣритъ меня!.... Я зналъ ее гдѣ-то; она была тогда Ангеломъ Божіимъ! И слѣды грусти на лицѣ ея, и этотъ взоръ, искавшій кого-то въ толпѣ, все сказываетъ, что она жила гдѣ-то, въ странѣ той, гдѣ я видалъ ее, гдѣ и она знала меня..... Но гдѣ, гдѣ? Не на Альпахъ-ли раздавался ея голосъ, и закипѣлъ въ моемъ сердцѣ слезами памяти? Не на Лаго-ли Маджіоре онъ носился надо мною, и западалъ въ душу, съ памятью объ яхонтовомъ небѣ Италіи?»

Антіохъ разсказалъ мнѣ, что

третьяго дня, оставивъ собраніе Шреккенфельда, онъ бродилъ всю ночь, самъ не зная гдѣ. Слова, голосъ, музыка Адельгейды преслѣдовали его, терзали, заставляли его плакать; и только говоръ пробудившагося, зашевелившагося по улицамъ народа напомнилъ ему самого себя. Онъ заперся у себя дома; и на другой день, самъ не зная какъ, вечеромъ, желая подышать свободнымъ воздухомъ, рѣшась идти за городъ, или на взморье, онъ опять очутился у Шреккенфельда, сѣлъ въ углу, и смотрѣлъ на Адельгейду. «Думаю»—продолжалъ Антіохъ «что я походилъ на всѣхъ другихъ, бывшихъ у проклятаго шарлатана этого, потому, что никто не изумлялся, не дивился мнѣ. Помню, что кто-то даже рекомендовалъ меня Шреккенфельду. А если-бы знали люди,

что тогда былъ я, что была тогда душа моя!.....»

Адельгейда декламировала на сей разъ только пѣсню Теклы. Не стану читать вамъ Нѣмецкаго подлинника. Въ плѣнительныхъ стихахъ Жуковскаго, можетъ быть, вамъ будетъ понятнѣе этотъ «Голосъ съ того свѣта»:

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла.....
О другъ! я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила!
Нашла-ли ихъ? Сбылись-ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь: обмана сердцу нѣтъ —
Сбылося все! Я въ сторонѣ свиданья,
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ!
Другъ! на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ!
О милый! здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто — ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ!

Не унывай! Минувшее съ тобою!
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ.
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою —
Сверши одинъ начатое вдвоемъ!

Адельгейды не спало; но Антіохъ не двигался съ мѣста, сидѣлъ неподвижно, и тогда только опомнился, когда Шреккенфельдъ подошелъ къ нему и что-то началъ ему говорить. Антіохъ увидѣлъ, что всѣ разошлись, зала опустѣла, и онъ былъ одинъ. Схвативъ шляпу свою, онъ поспѣшилъ за другими. Шреккенфельдъ провожалъ его самымъ учтивымъ образомъ, и просилъ посѣщать впредь, потому, что онъ видитъ въ немъ особеннаго знатока и любителя Изящныхъ Искуствъ.

«Видъ его, какая-то злобная радость, какая-то демонская улыбка были мнѣ такъ отвратительны, что я далъ себѣ слово — никогда не бывать у него болѣе.

«Но, вообрази, что вчера я опять очутился у него; меня влекла какая-то невидимая, непостижимая сила. Адельгейда декламировала пѣсню Миньоны (*).... Но она была выше, лучше, чудеснѣе Миньоны........

Антіохъ закрылъ лицо руками, и бросился въ кресла.

«Антіохъ!» сказалъ я — «ты любишь Адельгейду!»

— Нѣтъ!

«Что-же это, если не любовь?—

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?

(*) Ты зналъ-ли край, гдѣ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Златой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ,
И вѣтерокъ край неба холодитъ,
И тихо миртъ, и гордо лавръ стоитъ?
Туда, туда!

Жуковскій.

спросилъ я его. Не знаю самъ, какъ пришелъ мнѣ тогда въ голову этотъ стихъ.

— Прочь съ твоимъ водянымъ Петраркою—вскричалъ нетерпѣливо Антіохъ — прочь съ стихами! Я проклинаю ихъ: они сводятъ съ ума добрыхъ людей! Не отъ нихъ-ли столько народа, который былъ-бы порядочнымъ народомъ, сдѣлалось никуда негодными повѣсами! И не глупость-ли заниматься дѣтскимъ подборомъ созвучныхъ словъ, нанизывать ихъ вмѣстѣ, на нитку одной идеи, и этой погремушкой дурачить потомъ другихъ, заставлять ихъ вѣрить, что будто въ этой игрѣ колокольчиковъ заключечено что-то небесное, божественное! Дурацкую шапку, дурацкую шапку Гёте, Шиллеру, всѣмъ, всѣмъ поэтамъ, за то, что они за-

водятъ насъ въ глупыя положенія, разлучаютъ съ дѣломъ, съ настоящею жизнію, разстроиваютъ насъ своими нелѣпыми мечтами!...

Онъ замолчалъ, ходилъ большими шагами, и вдругъ спросилъ меня очень спокойно: «А согласись, что ты не слыхивалъ, кто-бы читалъ стихи лучше Адельгейды? Не показываетъ-ли это глубокое сочувствіе Поэзіи, это не постижимое сліяніе восторга Музыки и стиховъ, души, нѣкогда бывшей великою, Ангеломъ, Пери—не знаю чѣмъ! И вотъ она: человѣкъ, ничтожный, какъ другіе—дѣлаетъ книксъ за десять рублей, которые ты даешь ей, чтобы она, и съ отцомъ своимъ, не издохла съ голоду! Ха, ха, ха!

Я молчалъ. И что̀ могъ я сказать? Какой отводъ поставить противъ

этой бури, разразившейся надъ пороховымъ арсеналомъ?

Und mich ergreift ein längst entwöhntes Sehnen
Nach jenem stillen ernsten Geisterreich —

произнесъ глухо Антіохъ. Видно было, что съ усиліемъ хотѣлъ онъ обновить на лицѣ своемъ обыкновенную, презрительную, насмѣшливую улыбку, но забылъ — какихъ мускуловъ движеніемъ производилась она! «Право, Леонидъ!» сказалъ онъ — «я не люблю Адельгейды; но только меня мучитъ мысль: гдѣ видѣлъ я ее? Гдѣ, гдѣ? Не помню, не знаю; но я ее видалъ — и это время было самое счастливое въ моей жизни, блаженное время! Мнѣ кажется, что если-бы я могъ только его припомнить, то одного этого воспоминанія было-бы достаточно для счастія всей остальной моей

жизни! Леонидъ! не говорилъ-ли, не сказывалъ-ли я тебѣ чего нибудь подобнаго, о какой нибудь дѣвушкѣ?»

Я трепеталъ, и не могъ выговорить ни одного слова. Увы! я предчувствовалъ, я предвидѣлъ гибель, въ которую упалъ Антіохъ; я припоминалъ слова его: «Умремъ, моя мечта, умремъ, да и на что намъ жить?» Я соображалъ его мечтательный характеръ, его мистическое направленіе; трепеталъ, что онъ попался теперь въ руки шарлатана, всѣми поступками доказывавшаго, что для него нѣтъ ни Бога, ни грѣха; въ руки бродящей пѣвицы, походной комедіянтки, которая самое кокетство, можетъ быть, почитаетъ однимъ изъ средствъ пропитанія.....

Въ этотъ вечеръ явился я къ Шреккенфельду, предчувствуя, что Антіохъ будетъ тамъ; я желалъ разсмотрѣть все, поклявшись быть Ангеломъ-хранителемъ моего друга. Шреккенфельдъ былъ ко мнѣ отмѣн, но ласковъ. «Придетъ-ли сегодня вашъ почтенный пріятель, Г. Антіохъ?» спросилъ онъ меня. «Мы приготовляемъ репетицію Беетховеновой Симфоніи, а онъ, кажется, отличный знатокъ и любитель. Пойдемъ-те къ намъ. Здѣсь намъ помѣшаютъ.» Въ залѣ сидѣло за карточными столами нѣсколько игроковъ.

Мы прошли черезъ нѣсколько комнатъ, и очутились въ круглой, внутренней комнатѣ. Тутъ нѣсколько человѣкъ разбирали партитуру и готовили инструменты. Адельгейда держала въ рукахъ ноты, задро-

жала, услышавъ голосъ отца, и съ трепетомъ обернулась къ намъ; при взглядѣ на меня, глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди, и, казалось, облегчилъ ее. Съ изумленіемъ прочиталъ я въ глазахъ Адельгейды чувство: «Слава Богу! это не онъ!»

До сихъ поръ я видалъ ее только на сценѣ, въ видѣ пѣвицы, актрисы; теперь въ первый разъ увидѣлъ я ее по домашнему, въ простомъ, хотя и щегольскомъ, капотѣ. Она показалась мнѣ такъ мила, въ движеніяхъ ея была такая простота, въ глазахъ ея свѣтилась такая чистая невинность, что мнѣ стало совѣстно самого себя, когда я вспомнилъ всѣ оскорбительныя подозрѣнія, какими обременялъ Адельгейду.

Все вокругъ меня показывало довольство. Серебряный чайный сер-

визъ стоялъ на столикѣ. Адельгейда подошла къ нему, и начала приготовлять чай. Вмѣсто разговорчивой, блестящей пѣвицы, я видѣлъ молчаливую, тихую дѣвушку, задумчивую, грустную. Шреккенфельдъ, усадивъ меня, началъ веселый разговоръ. Адельгейда молчала.

— Неуже-ли, милое, чудное созданіе! — думалъ я, смотря на нее, пока говорилъ Шреккенфельдъ—неуже-ли тебѣ суждено погубить моего друга, моего пламеннаго Антіоха? Между вами нѣтъ, и не можетъ быть никакихъ отношеній: ты не для него, и онъ не для тебя! Вижу, что ты сама чувствуешь униженное, презрительное свое состояніе; иначе, отъ чего-же грусть твоя? Отъ чего это глубокое выраженіе печали на лицѣ твоемъ?

Тутъ явился слуга, и сказалъ что-то Шреккенфельду. Онъ поспѣшно вышелъ, и черезъ минуту мы снова услышали голосъ его: онъ возвращался — съ нимъ былъ Антіохъ.

Задумчивъ, мраченъ вошелъ Антіохъ. Презрѣніе, негодованіе изображались на лицѣ его, и онъ былъ ужасно блѣденъ. Взглядъ на Адельгейду не произвелъ въ немъ никакой радости. Я замѣтилъ только одно выраженіе, какъ будто Антіохъ, съ трудомъ, совершенно разсѣянный, что-то старался вспомнить. Еще внимательнѣе глядѣлъ я на Адельгейду: она затрепетала, услышавъ голосъ, увидѣвъ самого Антіоха; щеки ея вспыхнули, но какъ будто отъ усиленной скорби, отъ негодованія; глаза ея поднялись къ небу, опустились въ землю, и украдкою отерла она слезу.

Началась репетиція Симфоніи. Антіохъ, молча, сѣлъ въ сторонѣ; Шреккенфельдъ давалъ какіе-то знаки Адельгейдѣ; взоръ Адельгейды обратился къ отцу, и въ глазахъ отца сверкнулъ тогда ужасающій гнѣвъ, злость. Поспѣшно вышла Адельгейда. Шреккенфельдъ мгновенно перемѣнилъ свою, удивительно подвижную физіогномію въ самую ласковую, сѣлъ подлѣ меня, и занялъ меня разговоромъ, какъ будто не обращая вовсе вниманія на Антіоха. Но мы замолчали, когда безумные звуки Бетховена начали развиваться въ неизобразимыхъ аккордахъ. Среди глубокой тишины всѣхъ, вдругъ услышалъ я позади себя восклицаніе Антіоха: «Это она!» Съ безпокойствомъ оборачиваюсь, и вижу, что Адельгейда сидитъ подлѣ Антіоха, и глядитъ на него, испуганная, съ

изумленіемъ. Рука ея была въ рукѣ Антіоха. Радость, восторгъ, изумленіе, небесное чувство Поэзіи, изображались въ глазахъ его; жаркій румянецъ горѣлъ на его щекахъ. «Это она — я узналъ ее!» говорилъ Антіохъ, забывъ, что тутъ есть посторонніе свидѣтели, что тутъ отецъ Адельгейды. Она вырвала у него свою руку, отступила на два шага, и поспѣшно ушла изъ комнаты.

Къ счастію музыканты, занятые разбираньемъ трудныхъ нотъ, ничего не слыхали и не замѣтили. Антіохъ смотрѣлъ на дверь комнаты, куда удалилась Адельгейда, смотрѣлъ, какъ изступленный, какъ будто все сосредоточилось для него въ одинъ взглядъ, въ одинъ образъ—

этотъ образъ, на одно мгновеніе, пролетѣлъ мимо его, и унесъ у него жизнь и умъ, и всѣ идеи его, всѣ понятія, все прошедшее и будущее! Волненіе души его видно было въ неизобразимой борьбѣ физіогноміи, гдѣ радость смѣнялась печалью, восторгъ уныніемъ, увѣренность недоумѣніемъ. Всю Исторію сердца человѣческаго прочиталъ-бы на лицѣ Антіоха тотъ, кто умѣлъ-бы схватить всѣ измѣнявшіеся быстро переходы страстей, обхватившихъ его на вѣки пламеннымъ вихремъ..... Человѣкъ и жизнь исчезли въ немъ: въ раскаленномъ взорѣ, какимъ преслѣдовалъ онъ удалившуюся Адельгейду, я видѣлъ взоръ больнаго горячкою, въ ту непостижимую минуту, когда тихая минута кончины укрощаетъ тѣлесныя терзанія болѣзни, оставляя всю силу духа,

возбужденнаго натянутыми нервами, и непримѣтно сливаетъ идею вѣчнаго покоя Смерти съ полнотою дѣятельности, обхватившею тѣлесный и душевный міръ — Жизнію.

Какое-то тихое, радостное спокойствіе, какое-то чувство наслажденія осталось наконецъ на лицѣ, и означилось во всѣхъ движеніяхъ Антіоха. Когда подошелъ къ нему я, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и сказалъ : « Пойдемъ ! Я подѣлюсь съ тобой тѣмъ, чего никто изъ людей не знаетъ, и что я узналъ теперь!» Когда приблизился къ нему Шрекkенфельдъ, улыбка дѣтскаго лукавства мелькнула на устахъ Антіоха. «Позвольте намъ идти теперь, любезный Г-нъ Шреккенфельдъ,» сказалъ онъ. «Могу-ли надѣяться, что вы не запретите мнѣ иногда приходить, раздѣлять ваши семейст-

венныя наслажденія.» Шреккенфельдъ улыбнулся адски, и, казалось, проницалъ въ душу Антіоха своими ядовитыми глазами. «Г-нъ Антіохъ!» отвѣчалъ онъ—«дверь моего дома никогда не будетъ затворена для любителя и знатока Искуствъ, вамъ подобнаго; тѣмъ болѣе, если къ этому присовокупляется личное уваженіе къ его особѣ.» — Посѣтите и вы меня, любезный Г-нъ Шреккенфельдъ. Буду вамъ сердечно радъ; вотъ мой адресъ! — Антіохъ подалъ ему карточку, и дружески пожалъ ему руку.

Мы вышли, и почти бѣжали по улицѣ. Иногда Антіохъ останавливался, складывалъ руки, и медленно произносилъ: «Адельгейда, Адельгейда!» какъ будто это имя надобно было ему вдыхать въ себя съ воздухомъ, чтобы поддержать свое бытіе. Я хотѣлъ начать раз-

говоръ; но Антіохъ схватывалъ меня за руку, влекъ съ собою, и говорилъ: «Молчи, ради Бога, молчи..... Адельгейда, Адельгейда!»— Мы пришли на квартиру его, и Антіохъ заперъ за собою двери.

Я думалъ, что онъ задушитъ меня въ своихъ объятіяхъ: такъ крѣпко обнялъ онъ меня. Онъ прыгалъ, какъ дитя; онъ смѣялся, хохоталъ, и слезы текли между тѣмъ по щекамъ его, горящимъ неестественнымъ жаромъ. «О Леонидъ! я нашелъ ее, нашелъ мою половину души! Загадка жизни моей, загадка жизни Человѣчества найдена мною» — воскликнулъ наконецъ Антіохъ. «И такъ судьба испытывала, терзала, готовила меня, чтобы я разрѣшилъ наконецъ міру, сказалъ людямъ тайну ихъ бытія? Теперь я все понимаю: и тоску, и грусть

мою, и мученія души! И какъ терзался я, приближаясь къ разрѣшенію тайны высочайшаго блаженства, къ бытію цѣльною полною душею! Мой взоръ проникаетъ теперь всю Природу: я понимаю, что дѣлая повсюду удѣломъ человѣка борьбу духа и вещества, величайшее блаженство наше — Смерть, Судьба нарочно отдѣляетъ отъ насъ разными ничтожными призраками и привидѣніями — болѣзнью, страхомъ, недоумѣніемъ! И человѣкъ трепещетъ этихъ бумажныхъ духовъ Фрейшица, этой дикой музыки смертнаго стона, которой привыкло пугаться его воображеніе. Мы бродимъ по землѣ, ища роднаго душѣ и сердцу, бродимъ, не находимъ, падаемъ отъ усталости; тогда Судьба начинаетъ жалѣть объ насъ, укачиваетъ насъ въ вѣчной люлькѣ, въ гробѣ;

и мы засыпаемъ навсегда, какъ дѣти, утомленныя бѣганьемъ, но передъ сномъ трепещущія всего — и шороха мыши, и стука въ окошко, пока все не забудется въ игривыхъ фантазіяхъ сна крѣпкаго! Замѣть, какъ искусно скрыта отъ насъ прежняя жизнь наша, наша Urleben, а такъ-же и жизнь будущая. Если-бы мы знали прежнее наше бытіе — мы не могли-бы существовать здѣсь, на бѣдной нашей землѣ: мы не остались-бы на ней, если-бы знали и понимали, что̀ послѣдуетъ и за земною жизнью! Какой-же я выродокъ, за что я такъ уродливо счастливъ, что все это суждено мнѣ понять здѣсь? Ахъ, Леонидъ! придумай мнѣ слова, составь мнѣ азбуку, которыми могъ-бы я высказать, написать людямъ все то, чему хотѣлъ-бы я научить ихъ,

что хотѣлъ-бы разсказать имъ. Я узналъ изъ этого языка только одно слово: *Адельгейда!* Понимаешь-ли ты это слово? Я произнесу его тебѣ тихо, медленно: *А-дель-гейда!* Слышишь-ли, чувствуешь-ли ты, что оно соединяетъ въ себѣ и звуки Музыки, и слова Поэзіи, и цвѣты Живописи, и формы Ваянія, и всѣ мечты души, и всѣ думы сердца? О такихъ словахъ думаетъ душа, ихъ ищетъ она, ихъ слышитъ и не понимаетъ она въ ревѣ морскихъ волнъ, въ грохотѣ грома, въ пѣніи соловья, въ пѣсняхъ поэтовъ! У поэтовъ впрочемъ, и трудно понять ихъ: вѣдь они безумцы. Спроси объ этомъ философовъ, и они растолкуютъ тебѣ, что поэты говорятъ безъ сознанія, и потому думаютъ украсить такія слова гремушками, мишурою словъ,

рифмъ, всякаго вздора. А Природа выговариваетъ такія слова такъ ясно, громко, просто.... Виновата-ли она, что мы глухи? Возьми мое слово: *Адельгейда*, произнеси его — какая симфонія сравнится съ нимъ? Напиши, вырѣжь его — какое изваяніе осмѣлиться подлѣ него поставить? — Тутъ все: мысль, душа, жизнь, весь міръ.»......

Послѣ того Антіохъ опять начиналъ говорить: *Адельгейда*, *Адельгейда!* Наконецъ идеи его приняли какое-то опредѣленное, систематическое направленіе, и онъ стройно началъ разсказывать мнѣ, гдѣ и когда видалъ онъ Адельгейду.

Какъ жаль, что я не могу пересказать вамъ разсказа Антіохова! Помните-ли вы слова Байрона:

Her thoughts
Were combinations of disjointed things,
And forms impapable and unperceived
Of others'sight, familiar were to hers,
And this the world calls phrensy (*).....

Да, свѣтъ называетъ это безуміемъ! Но что мудрость наша? Игра въ жмурки! Счастливъ, кто хоть за что нибудь, хоть за сумасшествіе ухватился......

— Ты видѣлъ, что я признавалъ съ перваго взгляда въ Адельгейдѣ что-то знакомое, родное; что я старался вспомнить только: гдѣ зналъ я Адельгейду? Когда нынѣ пришелъ я къ Шреккенфельду, ког-

---

(*) Ея мысли были уравненіемъ несоединяемыхъ предметовъ, и образы, недоступные и незамѣтные зрѣнію другихъ, были знакомы ей — а люди называютъ это безуміемъ.....

да онъ взялъ меня за руку, и повелъ въ свою комнату, мнѣ казалось, что смертельныя судороги гнули всѣ мои кости, и смерть была въ груди моей. Вы занялись Музыкою; я не замѣтилъ, какъ явилась, и когда сѣла подлѣ меня Адельгейда. Она сказала мнѣ только одно слово: назвала только меня по имени; она только поглядѣла на меня, и — забывши все, я схватилъ въ восторгѣ ея руку! Это слово, этотъ взглядъ, это прикосновеніе, пояснили мнѣ въ одно мгновеніе все, и я невольно воскликнулъ: «Это она!» Все прежнее обновилось въ душѣ моей, и сдѣлалось мнѣ совершенно ясно.

— Леонидъ! только одного боюсь я: этотъ Шреккенфельдъ, эта Адельгейда, не мечты-ли какія нибудь, созданныя моимъ воображеніемъ? Ты

гораздо хладнокровнѣе меня, хоть я и самъ себя очень хорошо понимаю и чувствую — скажи: точно-ли она и онъ существуютъ? Кажется, я не ошибаюсь: я видѣлъ, что она глядитъ, говоритъ; я чувствовалъ, взявъ ее за руку, что теплая кровь льется въ рукѣ Адельгейды: стало быть она не привидѣніе! И Шреккенфельдъ также говоритъ, ходитъ; онъ обѣщалъ быть у меня.......

«Что говоришь ты, Антіохъ!»— То, что если онъ и она привидѣнія, оптическій обманъ..... Да, замѣть, что я всегда вижу ихъ только вечеромъ.... Если это мечта, и я — сумасшедшій! — Онъ сильно ударилъ себя въ голову.

—О, мой Антіохъ! Къ несчастью— это не мечта. Шреккенфельдъ и Адельгейда существуютъ!

« Къ несчастію? Почему-жъ: къ несчастью, если они существуютъ? Я только требую удостовѣренія твоего въ этомъ; остальнаго ни ты, ни онъ, ни она не знаете. Шреккенфельдъ думаетъ, что она дочь его..... ха, ха, ха! Какая дочь: это моя душа — половина моей души.....

« Видишь-ли что: есть страна въ мірѣ, чудная страна — ее называютъ: Италія. Тамъ все великое, все прекрасное. Столько изящныхъ созданій тамъ, что нѣтъ другаго равнаго количества въ цѣломъ мірѣ. Вообрази, что тамъ былъ человѣкъ, умѣвшій изобразить земными красками, цвѣтною нашею грязью, преображеннаго Бога; тамъ есть храмъ, куполъ котораго кажется небомъ— такъ великъ онъ — и этотъ куполъ виситъ надъ людьми цѣлые вѣка,

ничѣмъ не поддержанный; тамъ есть такое изображеніе красоты въ мертвомъ мраморѣ, что передъ нимъ красота самой очаровательной дѣвы кажется безобразіемъ; тамъ есть города, утонувшіе въ виноградникахъ, миртовыхъ, лавровыхъ, померанцовыхъ лѣсахъ; другіе построены на волнахъ моря; другіе на городахъ, зарытыхъ вѣками въ землю. Тамъ былъ народъ, нѣкогда обладавшій цѣлымъ міромъ: Сѣверъ, Западъ и Востокъ стремились къ нему туда, боролись тамъ съ нимъ— слѣды борьбы ихъ остались въ исполинскихъ развалинахъ, обломками которыхъ бросали они другъ въ друга, и эти обломки величиной съ наши города. Тамъ смерть и жизнь слиты вмѣстѣ, вмѣстѣ любовь и мука, слезы и пѣніе — горы горятъ, въ морѣ отражаютъ-

ся волшебные невидимые сады и за̀мки Фей; на горячемъ пеплѣ огнедышащихъ горъ растетъ багряный виноградъ, зрѣетъ маслина; обломки столицы міра окружаютъ тлетворныя болота..... Тамъ родился Наполеонъ; оттуда шагнулъ онъ на тронъ полусвѣта; оттуда, надышавшись въ послѣдній разъ вдохновеннаго воздуха, пошелъ онъ еще испытать игру судебъ.... тамъ видѣлъ я Адельгейду! Помню эту хижину, въ цвѣтникѣ, на берегу моря — этотъ голубой, опаловый цвѣтъ вечерняго неба — эту пѣсню рыбака..... Адельгейда стояла на дикой скалѣ; арфа была подлѣ нея; она пѣла — я слушалъ, не видалъ, какъ скрылась она, и на другой день напрасно искалъ я безвѣстной моей пѣвицы. Но она была тогда не то, что теперь, и въ ея

образѣ я не узналъ тогда души моей......

«Можетъ быть, она и не замѣтила встрѣчи со мною, такъ, какъ, можетъ быть, она забыла тотъ міръ, гдѣ прежде, до Италіи, мы жили нѣкогда съ нею, нераздѣльнымъ, однимъ бытіемъ. А! что̀ Италія передъ тѣмъ міромъ? Муравейникъ, на которомъ расцвѣла бѣдная незабудка! Этотъ міръ.... немного описаній его найдешь ты у Шекспира, еще у Мильтона..... еще у Тасса..... еще у Фирдуси.... Но все это такъ мало и недостаточно! На Востокѣ есть преданіе, что очарованные Райскіе сады не скрылись съ земли, но только сдѣлались не видимы, переносятся съ мѣста на мѣсто, и на одно мгновеніе дѣлаются иногда видимыми человѣку. Есть минуты, когда въ

нихъ можно войдти, подышать ихъ Райскими ароматами, напиться жемчужной, живой воды ихъ, отвѣдать ихъ золотиетаго винограда; но они тотчасъ исчезаютъ, переносятся за тысячи верстъ, и счастливецъ остается, или на голой, палящей степи Ю., или на холодныхъ льдахъ Сѣвера..... Въ этой-то невидимой странѣ было существо, которое теперь бродитъ двойственно по землѣ, подъ именемъ Антіоха и Адельгейды. Шреккенфельдъ, мнимый отецъ половины меня, злой демонъ: онъ очаровалъ Адельгейду, и далъ ей отдѣльное бытіе. Мысль неба хранилась въ моей половинѣ души; но это былъ лучъ, упавшій въ бездну мрака. Адельгейда, заклятая демономъ, ничего не пойметъ, пока я не скажу ей волшебнаго слова: «Люблю тебя, Адельгей-

да, половина души моей!» Когда она сознаетъ себя, и скажетъ мнѣ: «Люблю тебя Антіохъ»—тогда очарованіе разрушится. Предчувствую, что Шреккенфельдъ понимаетъ опасность; что онъ употребитъ все волшебство свое..... Но я обману его, я украду у него самого себя. Мнѣ стоитъ только напомнить Адельгейдѣ о давно-минувшемъ мірѣ, о нездѣшнемъ бытіи нашемъ..... тогда.... но, я не могу предвидѣть будущаго: вѣдь я человѣкъ, и потому не знаю, какъ свершится таинственный союзъ души моей. Останемся-ли мы въ мірѣ, или, говоря по человѣчески, умремъ—вѣдь мнѣ все равно.... Но мнѣ надобно подумать, поступить осторожно.... Перечитаю еще разъ Бема и Шведенборга. У нихъ это описано довольно подробно и хорошо. Между

тѣмъ самъ Демонъ мой дается въ хитрый обманъ мой: я притворюсь ему другомъ, и потомъ» ....

Бродящіе глаза Антіоха устремились на Черкесскій кинжалъ, висѣвшій у него на стѣнѣ. Онъ содрогнулся, подумалъ. «О, нѣтъ! не то, совѣмъ не то!» сказалъ онъ, сѣлъ за столикъ свой, и придвинулъ къ себѣ дѣловыя бумаги.

«Надобно поработать немного, Леонидъ,» промолвилъ онъ, улыбаясь. «Завтра день доклада Директору. Прощай!»

Я пробылъ еще нѣсколько времени у Антіоха. Онъ не говорилъ ничего болѣе объ Адельгейдѣ, спокойно занимался бумагами, подробно разсказывалъ мнѣ содержаніе ихъ, и то, что хочетъ писать.

Нѣсколько разъ щупалъ я себѣ голову, идя домой, гдѣ меня ожидали также дѣла. Слова друга моего были слова безумца; но ихъ стройность, порядокъ идей, и то, что онъ превосходно говорилъ мнѣ потомъ о своихъ обыкновенныхъ занятіяхъ, совершенно смѣшивали меня. «Что-же это такое?» спрашивалъ я самъ себя. «Неуже-ли въ самомъ дѣлѣ это закрывали жрецы Изиды непроницаемымъ покровомъ, и только безуміе есть истинное проявленіе мудрости и откровеніе тайнъ бытія?

Утромъ встрѣтился я съ Антіохомъ въ нашемъ Департаментѣ. Кто не зналъ случившагося съ нимъ, тотъ не замѣтилъ-бы ничего. Только глаза его были ярче обыкновеннаго; но онъ говорилъ прекрасно, умно, былъ даже по прежнему ко-

локъ и насмѣшливъ. Однакожъ, кто-то нечаянно произнесъ имя Адельгейды — объ ней часто говаривали наши товарищи. Антіохъ вздрогнулъ, какъ будто отъ электрическаго удара; но, онъ смолчалъ, и улыбка оживила лицо его.

На другой день, утромъ, пришелъ я къ Антіоху. Слуга его отворилъ мнѣ дверь. «Не велѣно никого пускать» — сказалъ онъ. — И меня? — «Объ васъ ничего не сказано.» — Пусти-же. — «Но у барина сидитъ какой-то неизвѣстный мнѣ господинъ, и они занимаются чѣмъ-то.»

Антіохъ услышалъ мой голосъ, вышелъ самъ, и ввелъ меня въ свой кабинетъ. Тамъ сидѣлъ у него — Шреккенфельдъ.

Другъ мой казался спокойнымъ, тихимъ, любезнымъ, ласковымъ; на столѣ разложены были разныя мистическія сочиненія, разставлены были разные физическіе инструменты. Давая мнѣ знаки глазами, чтобы я молчалъ, Антіохъ просилъ Шреккенфельда продолжать. Шреккенфельдъ казался совершенно занятымъ предметомъ разговора, какъ будто не замѣчавшимъ ни знаковъ Антіоха, ни моего присутствія. Они говорили по Итальянски. Худо разумѣя этотъ языкъ, я однакожъ понималъ, что рѣчь идетъ о томъ, что всегда увлекало моего друга. Таинственная Ѳеософія, семь Зефиротовъ, Соломоновъ Храмъ, сліяніе душъ, высшее созерцаніе Неба и Земли—вотъ, что изъяснялъ Шреккенфельдъ, по временамъ разсказывая о разныхъ любопытныхъ опы-

шахъ и приложеніяхъ. Наконецъ, онъ дружески раскланялся, и ушелъ.

— Ну, все идетъ, какъ надобно! — сказалъ мнѣ тогда Антіохъ, съ радостною усмѣшкою.—Представь себѣ, что этотъ Демонъ рѣшительно поддается мнѣ? Теперь надобно только поступать осторожнѣе. Помаленьку начну я изъяснять Адельгейдѣ скрытую отъ нея тайну до бытія земнаго. Нѣчего дѣлать! Таковъ Человѣкъ, падшій Ангелъ, въ земной своей оболочкѣ, что ему надобно начинать говорить обыкновенными идеями. Яркій свѣтъ, вдругъ блеснувшій, можетъ ослѣпить человѣка. И на солнце глядятъ сквозь закопченое стекло; а что̀ свѣтъ солнца нашего противъ того свѣта! Стану увлекать Адельгейду словами любви, стану говорить ей о дружбѣ, о не-земныхъ идеалахъ земнаго

счастія, какъ будто счастье можетъ быть на этой землѣ. Мнѣ забавно, что я буду казаться влюбленнымъ, тихонько вздыхать, шептать: «Милая Адельгейда! люблю тебя!» Буду произносить эти слова, какъ произносятъ ихъ всѣ люди, не понимая волшебнаго ихъ смысла, не зная даже того голоса, какимъ надобно произносить ихъ.—«Люблю» — говорить Адельгейдѣ: «люблю», когда я только ею и существую, и если-бы не было Адельгейды, такъ все равно, что одна половина меня ходила-бы по Петербургскимъ тротуарамъ. Вотъ забавный былъ-бы гуляка, Леонидъ! Вообрази себѣ половину туловища и головы, съ одной рукой, съ одной ногой; и этотъ уродъ прогуливается, смотритъ однимъ глазомъ, нюхаетъ табакъ, жметъ руку знакомымъ. А между тѣмъ такіе ду-

шевные уроды ходятъ вокругъ насъ, живутъ, говорятъ, и никто не смѣется надъ ними.....

Спрашиваю: что̀ могъ я сдѣлать? Чѣмъ пособить моему другу? Я терялся въ размышленіяхъ. Лечить можно только то, на что извѣстны лекарства; но цѣлый міръ лекарей до сихъ поръ не умѣетъ лечить душевныхъ болѣзней. Бѣдные Медики заботятся только о тѣлѣ, и производятъ опыты только надъ трупами тѣлесными. Антіохъ былъ боленъ душею; но кто могъ когда нибудь разанатомировать трупъ души, и сказать: чѣмъ можно пособить въ той, или другой душевной болѣзни? Меня утѣшала еще нѣсколько мысль, что я не видѣлъ перемѣны ни въ здоровьѣ, ни въ

дѣйствіяхъ Антіоха. Напротивъ, онъ расцвѣлъ, казалось, новымъ здоровьемъ, былъ веселъ, милъ, одѣвался щегольски. Но онъ рѣшительно не сталъ ходить никуда, кромѣ Шрекенфельда. Тамъ, запершись съ этимъ шарлатаномъ, просиживалъ онъ цѣлые часы, или дома также запирался съ нимъ. Они казались друзьями совершенными. Я старался оправдывать друга моего передъ знакомыми, спрашивавшими меня, что сдѣлалось съ Антіохомъ. Но скоро всѣ замѣтили, что Антіохъ безпрестанно бываетъ у Шреккенфельда; начали говорить объ этомъ; клубокъ сплетней навертывался болѣе и болѣе, перекатываясь отъ одного къ другому, и сдѣлался наконецъ такимъ огромнымъ шаромъ, что задавилъ всякую осторожность. Какъ обрадовались тогда всѣ тѣ, кого

уничтожалъ прежде Антіохъ своимъ превосходствомъ! Какими острыми бритвами явились язычки самыхъ милыхъ дѣвушекъ! Каждая изъ нихъ говорила о привязанности Антіоха къ бродягѣ, актрисѣ, пѣвицѣ, Богъ знаетъ къ чему; и въ словахъ каждой ясно видна была мысль: «Видите-ли: онъ презиралъ мною потому, что недостоинъ былъ моей любви, и хорошо понималъ это?» — А друзья, друзья? Какъ вѣрно сказалъ нашъ поэтъ, что

....нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью повторенной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой-бы вашъ другъ, съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой....

О, друзья платили за злословіе

женщинъ и дѣвушекъ самою чистою монетою: и легкое словцо мимоходомъ, и двусмысленная улыбка при имени Антіоха, и полный разсказъ, съ прибавкою злобныхъ догадокъ, и отвратительное сожалѣніе объ Антіохѣ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ и любезномъ—все было истощено, и всего казалось еще мало за прежнее! Мужчины рады были мстить ему даже и за то одно, что, по всѣмъ слухамъ, Антіохъ успѣлъ, въ чемъ не успѣвали другіе — успѣлъ очаровать красавицу, и обмануть бдительность отца ея.

Бѣдная Адельгейда! какъ объ ней говорили.... не стану повторять вамъ! Все, что только можно сказать о самой развратной кокеткѣ, было сказано....

Между тѣмъ, я былъ свидѣтелемъ обхожденія этой странной дѣвушки съ Антіохомъ. Онъ сдѣлался у отца ея домашнимъ человѣкомъ, часто обѣдалъ, просиживалъ вечера у Шреккенфельда, не скрывалъ любви, потому, что нарочно не хотѣлъ скрывать ея, слѣдуя постоянно своему плану. Какъ самая хитрая кокетка, онъ изучалъ, казалось, каждое свое движеніе, каждое слово, каждый взоръ свой. Весь умъ, вся сила души Антіоха были устремлены къ тому, чтобы высказать, дать выразумѣть Адельгейдѣ самую пламенную страсть. Самъ Антіохъ думалъ, что онъ нарочно изучаетъ всѣ возможныя тайны искуства любить. Онъ точно изучалъ даже всѣ свои движенія, когда разставался съ Адельгейдою, обдумывалъ, что̀ и какъ ему говорить; но — видя

Адельгейду, онъ забывалъ все это, и вся душа его переливалась въ его слова, взоры, движенія — начиналъ-ли онъ говорить Адельгейдѣ о страданіяхъ отверженной любви; исчислялъ-ли безсонныя ночи; описывалъ-ли жегучесть слезъ, проливаемыхъ безнадежною любовью въ минуты всеобщаго спокойствія; изображалъ-ли страшные сны, терзающіе насъ за думы любви; говорилъ-ли о нестерпимомъ чувствѣ ревности, ко всему, что приближаетъся къ предмету страсти нашей, ко всему — даже къ вѣтерку, который вьется въ его локонѣ; описывалъ-ли, напротивъ, блаженство взаимной страсти, одушевленіе всего въ глазахъ любимаго и любящаго человѣка; сказывалъ-ли о высотѣ, на которую возноситъ человѣка любовь, уничтожающая всѣ препятст-

вія состояній, званій, лѣтъ, времени, всѣ земныя отношенія — все это было пламенемъ, громомъ и молніею, Шекспировымъ сонетомъ, пѣснею Испанской дѣвы! Адельгейда слушала, молчала, говорила мало, потупляла глаза, или неподвижно устремляла ихъ на Антіоха, дышала тяжело, тяжко, бурно, какъ говоритъ Пушкинъ. Рука ея трепетала въ рукѣ Антіоховой. Иногда она казалась вся переселившеюся въ его рѣчи, жила только слухомъ. Иногда казалась безчувственною, непонимающею, или нарочно перебивала его слова, нарочно заводила самый обыкновенный разговоръ, и старалась увлечь, удержать при этомъ разговорѣ Антіоха, какъ будто боясь его словъ о Любви, о Поэзіи. Среди самаго жаркаго разговора, она вдругъ уходила, и когда являлась послѣ

шого, глаза ея были красны отъ слезъ. Шреккенфельдъ, по видимому, ни чего не замѣчалъ, былъ всегда веселъ, любезенъ. Между тѣмъ, постепенно, многое перемѣнилось въ его общественныхъ отношеніяхъ.

Антіохъ, вскорѣ послѣ сближенія своего съ нимъ, сталъ говорить, какъ отвратительна для него дѣвушка, показывающая дарованія свои въ публикѣ; какъ тяжело сердцу человѣка, который полюбилъ-бы такую дѣвушку, видѣть, что она дѣлитъ безцѣнныя наслажденія сердца и души съ бездушною толпою. Шреккенфельдъ сначала заспорилъ, говорилъ, что человѣкъ, который скрываетъ данныя ему отъ Бога дарованія, не передаетъ ихъ въ полнотѣ людямъ, лишаетъ людей высокихъ наслажденій Изящными Искусствами, похожъ на недостойнаго скуп-

ца. «Въ одномъ человѣкѣ должно сосредоточить весь міръ»—говорилъ Антіохъ. — Эгоизмъ непростительный!—возражалъ Шрекkенфельдъ. Но вскорѣ онъ согласился, и Адельгейда перестала играть на арфѣ, пѣть и декламировать передъ публикою. Она даже не являлась на публичныхъ вечерахъ Шрекkенфельда, и оставалась въ своей комнатѣ, гдѣ нерѣдко въ это время были съ нею Антіохъ, я, двое, трое знакомыхъ, или старая, угрюмая женщина, называвшаяся ея теткою. Адельгейда пѣла, играла для насъ однихъ: но ея игра и пѣніе были тогда бездушны, холодны, и изрѣдка только одушевлялись прежнимъ восторгомъ. Она потеряла душу—можно-бъ было сказать, смотря на нее теперь, и знавши ее прежде. Впрочемъ, Адельгейда и не могла по прежнему

пѣть и декламировать, даже потому, что въ здоровьѣ ея произошла видимая перемѣна: грудь ея стала слаба, дыханіе тяжело. Съ тѣхъ поръ, какъ Адельгейда перестала показываться, вечера Шреккенфельда потеряли свою прелесть; вообще стали менѣе ходить къ нему и потому, что клевета неутомимо чернила самаго Шреккенфельда, и все, что его окружало, что онъ дѣлалъ. На частные вечера являлись по прежнему; но здѣсь оказалась перемѣна. Множество шалуновъ стало собираться къ Шреккенфельду; карточная игра усилилась. Часто происходили сцены буйныя, и только хладнокровіе, необыкновенный умъ и ловкость хозяина могли удерживать дальнѣйшую огласку и непріятныя послѣдствія.

— М. Г. — сказалъ мнѣ однажды Директоръ нашего Департамента, когда я пришелъ къ нему съ бумагами — вы человѣкъ молодой, и хорошая репутація должна быть для васъ драгоцѣнна. Бывши другомъ вашего почтеннаго родителя, я долгомъ почитаю предостеречь васъ, и замѣтить вамъ, что до меня дошли весьма непріятные для васъ слухи. —

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Мнѣ сказали, что вы пристрастились къ карточной игрѣ, и посѣщаете общества, не дѣлающія чести вашему имени.

Негодованіе взволновало мою кровь.

— Я замѣчаю также, что вы не по прежнему прилежны, и слишкомъ увлекаетесь знакомствомъ человѣка, который можетъ вамъ повредить — Г-на Антіоха.

Его знакомство могло безчестить меня!!

Г-нъ Антіохъ человѣкъ богатый— хладнокровно продолжалъ мой Директоръ — онъ можетъ неглижировать службою и своими поступками, хотя и ему, если вы другъ его, должны-бы вы посовѣтовать быть осторожнѣе.

Директоръ хорошо зналъ характеръ Антіоха: одинъ взглядъ заставилъ-бы его немедленно подать въ отставку; а у Директора была дочь, перезрѣлая Агнеса, лѣтъ двадцати семи; онъ былъ притомъ по уши въ долгахъ, и двѣ тысячи душъ Антіоха были такою для него рекомендаціею, что милости сыпались на него, и заставляли товарищей завистничать.

Я хотѣлъ оправдываться, хотѣлъ говорить смѣло, но покраснѣлъ и

смѣшался, когда Директоръ упомянулъ имя Шреккенфельда и Адельгейды.

— Говорятъ, что вы бываете у этого шарлатана, и что Г-нъ Антіохъ находится даже въ связи съ его развратною дочерью. Кто не шалилъ смолода? И даже, кто не перебѣсится, того добродѣтель ненадежна; но всему, сударь, есть мѣра. Знайте, что этотъ человѣкъ, этотъ бродяга Шреккенфельдъ, становится подозрительнымъ, и Полиція уже присматриваетъ за нимъ, и за тѣми, кто къ нему ходитъ. Говорятъ, что онъ обыгрываетъ навѣрную, а, можетъ быть, что нибудь и хуже — остерегитесь.....

Намъ помѣшали продолжать разговоръ. Съ отчаяніемъ увидѣлъ я, куда бѣдственная судьба завлекла

Антіоха. Могъ-ли я теперь оставить его? Какъ могъ я раскрыть ему глаза? Какъ разувѣрить порядочныхъ людей, что самая гнусная клевета очерняла Адельгейду? Какъ можно было растолковать имъ состояніе души Антіоха? Въ тоже время, я не могъ скрыть отъ самого себя, что слухи объ отвратительномъ Шреккенфельдѣ могли быть, хотя отчасти, правдивы, и что этотъ человѣкъ былъ способенъ на всякое злое дѣло. Я не зналъ тогда, что бѣдствіе было уже близ- отъ моего несчастнаго друга— ближе, нежели я воображалъ....

Въ число людей избранныхъ, друзей своего дома, Шреккенфельдъ допустилъ одного дерзкаго молодаго офицера, богача, и шалуна отъ-

явленнаго. Антіохъ, я, нѣсколько артистовъ, этотъ Офицеръ, и двое друзей его, обѣдали у Шреккенфельда. За столомъ лилось Шампанское. Офицеръ пилъ много; Антіохъ не пилъ почти ничего: онъ сидѣлъ подлѣ Адельгейды, и разговаривалъ тихо, съ особеннымъ жаромъ, среди общаго, шумнаго разговора. Адельгейда слушала его, вздыхала, краснѣла — въ первый разъ Антіохъ говорилъ ей тогда о своей безумной идеѣ бытія прежде жизни...... Видно было, что уединенный разговоръ, ихъ, и замѣтное волненіе Адельгейды, приводили Офицера въ большую досаду. Еще за столомъ онъ позволилъ себѣ нѣсколько дерзостей на счетъ Адельгейды. Послѣ обѣда, онъ предложилъ банкъ, бросилъ кучу денегъ товарищу, и самъ старался сѣсть подлѣ Адельгейды. Хо-

лодность ея совершенно взбѣсила его; онъ позволилъ себѣ нѣсколько такихъ словъ, отъ которыхъ Адельгейда съ ужасомъ вскочила, и отбѣжала отъ него. Шреккенфельдъ принужденъ былъ вступиться. Наглецъ сдѣлался грубъ. Шреккенфельдъ самъ разгорячился, и забылъ себя. «Бродяга, шарлатанъ!» вскричалъ Офицеръ — «я прибью тебя; и, въ доказательство, какъ мало уважаю я тобою — Адельгейда должна поцѣловать меня сей часъ, или ты получишь пощечину».... Онъ бросился къ Адельгейдѣ — она помертвѣла и лишилась чувствъ.......

— Прочь! — вскричалъ Антіохъ, молчавшій до сихъ поръ, и не принимавшій никакого участія въ ссорѣ. Сильною рукою оттолкнулъ онъ дерзкаго. Въ неистовствѣ бросился на него Офицеръ. «Понимаешь-

ли ты, подъячій, что должно тебѣ дѣлать?» вскричалъ онъ. — Не знаю понимаешь-ли ты, пьяный буянъ, что ты дѣлаешь — отвѣчалъ горячо Антіохъ. «Пистолетъ или шпагу? Выбирай немедленно» — кричалъ Офицеръ. Мы хотѣли утишить ссору, но все было тщетно. Соперники не слушали, не хотѣли ни на минуту откладывать. Съ отчаяніемъ въ душѣ, я долженъ былъ сопровождать моего друга за городъ. Дорогою Антіохъ не говорилъ со мною ни слова. И тогда только, какъ стали заряжать пистолеты, онъ обнялъ меня и сказалъ: «Теперь я понимаю еще болѣе загадку жизни: Адельгейда умретъ, и смерть соединитъ меня съ нею. Прости, радуйся счастью друга твоего!» Весело сталъ онъ на барьеръ; еще разъ пожалъ мнѣ руку.... Состояніе

мое было неизъяснимо .... Раздался выстрѣлъ — пистолетъ выпалъ изъ руки Антіоха — я бросился къ нему. «Странно! Ничего,» сказалъ онъ мнѣ — «я раненъ только!» Соперникъ его лежалъ на землѣ: пуля изломала у него ребро; у Антіоха пуля только скользнула по плечу.

Уже вечеромъ возвратились мы въ Петербургъ. Антіохъ казался глубоко задумчивымъ, и опять ничего не говорилъ со мною. Я не имѣлъ силъ сказать ни одного слова. Антіохъ велѣлъ ѣхать прямо къ Шреккенфельду. Я хотѣлъ возражать. «Жизнь и смерть моя соединились въ этой минутѣ!» воскликнулъ Антіохъ. «Или не препятствуй мнѣ, или оставь, оставь меня, Леонидъ! оставь навсегда!» — Ни за что въ мірѣ! — вскричалъ я.

Шреккенфельда не было дома. Не было ни кого и гостей. Комнаты были пусты, темны. «Я хочу видѣть дѣвицу Шреккенфельдъ!» сказалъ Антіохъ слугѣ, оттолкнулъ его, и пошелъ прямо къ ней. Она сидѣла въ круглой комнатѣ, на диванѣ, блѣдная, едва живая. Старуха тетка была подлѣ нея. Едва отворилась дверь, едва вошелъ Антіохъ— *Мой Антіохъ!* вскричала Адельгейда, и бросилась въ его объятія.

Да, величайшая радость походитъ на сумасшествіе. Два несчастныя существа эти сжали другъ друга въ объятіяхъ, и прододолжительный поцѣлуй, въ которомъ отозвались всѣ ихъ чувства, вся жизнь, запечатлѣлъ роковой союзъ ихъ..... Антіохъ сѣлъ на диванъ, Адельгейда подлѣ него; голова ея склонилась на плечо Антіоха; глаза ея устремлены

были на его глаза, рука ея обвилась вокругъ его шеи.... Онъ началъ говорить — Адельгейда также говорила ему, задыхаясь, спѣша, какъ будто стараясь поскорѣе высказать все, и боясь, что послѣ того потеряетъ навсегда даръ слова..... Я сидѣлъ въ сторонѣ, смотрѣлъ на нихъ, и — я не охотникъ плакать, но — слезы невольно капали изъ глазъ моихъ.....

Не думайте, что они объясняли другъ другу свои чувства — нѣтъ! это были безпорядочныя, отрывистыя слова: память прошедшаго, блаженство настоящаго, мечта будущаго, пламень сердца, жаръ души, тихій поцѣлуй, тяжкій вздохъ — мысль въ образахъ поэтическихъ, слово въ фантастическихъ идеяхъ, гармоническіе звуки неба, жизнь земная въ высокихъ идеалахъ! Что говаривалъ мнѣ прежде Антіохъ о сво-

ихъ безумныхъ мечтахъ, казалось льдомъ передъ тѣмъ, что онъ говорилъ теперь Адельгейдѣ.... Адельгейда была очаровательна въ неестественномъ состояніи души своей; Антіохъ одушевлялся чѣмъ-то не-земнымъ.....

Растворилась дверь, и вошелъ Шреккенфельдъ. Съ пронзительнымъ воплемъ бросилась Адельгейда отъ Антіоха, и лицо ея, горѣвшее огнемъ любви и восторга, поблѣднѣло, какъ будто она увидѣла передъ собою демона адскаго.... Глаза ея сдѣлались дики....

— Шреккенфельдъ казался смущеннымъ, разстроеннымъ. Антіохъ глядѣлъ на него неподвижными глазами, не вставая съ своего мѣста.

М. Г. — сказалъ Шреккенфельдъ — кажется, дальнѣйшія объясненія не нужны? Честь моей дочери погибла,

и несчастная исторія обезславитъ ее, погубитъ меня, если вы не сдѣлаете того, къ чему долгъ обязываетъ каждаго благороднаго человѣка.

«Что̀ говоришь ты, воплощенный демонъ?»—воскликнулъ Антіохъ, быстро вскакивая съ дивана. «Что̀ сказалъ ты?»

— Адельгейду никто не могъ поцѣловать, кромѣ ея жениха. Вы вошли въ домъ мой подъ видомъ друга; я позволилъ вамъ вступить въ домашній кругъ мой: вы поступили безчестно; вы употребили во зло мою довѣренность, вы—обольстили дочь мою!

Антіохъ затрепеталъ. «Мерзавецъ,» вскричалъ онъ — «злой духъ, демонъ тмы! выбирай лучше слова свои! *Или* ты думаешь, что я не могу уже этою рукою навести

пистолетъ на твою голову, и разбить гадкую форму, подъ которою обладаешь ты половиною души моей!»

— Вы должны жениться на моей дочери, М. Г., или — вы безчестный обольститель!

«Жениться,» сказалъ тихо Антіохъ, водя пальцомъ по лбу своему— «жениться! Когда она самъ я? Какая досада: я совсѣмъ не понимаю теперь этого слова! Какое бишь его значеніе? Heirathen, se marier..... Но вѣдь не льзя жениться даже на родной сестрѣ, не только на собственной душѣ своей?... А, злой духъ! ты смѣешься надо мною!»

Шреккенфельдъ изумился словамъ Антіоха. «Говорите яснѣе, М. Г.,» сказалъ онъ. «Я отдаю вамъ руку моей Адельгейды, или вы будете имѣть дѣло съ раздраженнымъ от-

цомъ : я природный дворянинъ Нѣмецкій !

— Адельгейда будетъ *моя ?* Ты отдашь ее мнѣ ? — поспѣшно спросилъ Антіохъ.

Шреккенфельдъ гореспно улыбнулся. « Разумѣется , если она будетъ вашею женою , то она будетъ вашею , и я отдамъ ее вамъ.... И что мнѣ теперь въ ней : спасеніе ея зависитъ отъ васъ.... я погубилъ ее и себя. . . .

« Ты выдумываешь какія-то условія ; я ихъ не понимаю ; но это послѣдній обманъ твой. Если съ твоего согласія она будетъ моею , тогда власть твоя уничтожится. Руку, Адельгейда! Скорѣе ко мнѣ , Адельгейда , моя Адельгейда !

Шреккенфельдъ хотѣлъ взять Адельгейду за руку , и подвести къ Ан-

тіоху. Но съ смертельнымъ ужасомъ отступила Адельгейда.

« Позорный обманъ ! » вскричала она. « Никогда ! » Она упала на колѣна передъ Антіохомъ. « Прости меня, мой Антіохъ ! прости, ради Бога, прости! Я недостойна тебя, великодушный, благородный человѣкъ, существо не-земное ! Этотъ старикъ увлекалъ тебя; я принуждена была участвовать въ его обманѣ. Онъ хотѣлъ купить твое богатство мною, хотѣлъ завлечь тебя, велѣлъ мнѣ притворяться въ тебя влюбленною..... Душа моя противилась этому. Сколько плакала я, сколько разъ хотѣла открыть тебѣ весь умыселъ.... Но ты самъ сдѣлался моимъ Ангеломъ хранителемъ: ты растолковалъ мнѣ тайну бытія моего; ты сказалъ мнѣ, что я тебѣ родная; что я полови-

на души — я твоя, твоя, Антіохъ! Никто, ничто не разлучитъ насъ. Если это называется любовью, я люблю тебя, Антіохъ, люблю, какъ никогда не любили, никогда не умѣли любить на землѣ! Прости, что я не понимала этого прежде, и повиновалась этому человѣку»... Адельгейда дико засмѣялась. «Онъ увѣрилъ меня, что онъ отецъ мой!»

Изумленіе заставило всѣхъ насъ безмолвствовать. Но послѣднія слова Адельгейды взбѣсили Шреккенфельда. «Дочь недостойная!» вскричалъ онъ.

Съ воплемъ бросилась Адельгейда въ объятія Антіоха. «Спаси, спаси меня, мой Антіохъ! Я думала, что этотъ демонъ отецъ мой, и повиновалась ему! Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ прежде тайны моего бытія!»

— Моя Адельгейда!

« Твоя, твоя, не правда ли? На вѣкъ твоя? А не дочь его, этого демона? Развѣ ты не знаешь, что если ты назовешь меня твоею, то я никогда уже не разлучусь съ тобою? Мы переселимся туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ нѣтъ ни Адельгейдъ, ни Антіоховъ, ни Шреккенфельдовъ — гдѣ я и ты одно, гдѣ дышатъ любовью, гдѣ жизнь есть одна радость, гдѣ нѣтъ ни земли, ни неба — мой Антіохъ! Dahin, dahin (туда, туда)! »

Она лишилась чувствъ, крѣпко обхвативши руками Антіоха. Спѣшили помочь ей, но тщетно: сильный обморокъ продолжался. Въ отчаяніи бѣгалъ тогда по комнатѣ Шреккенфельдъ. Антіохъ сидѣлъ подлѣ дивана, на который положили безчувственную Адельгейду; онъ не говорилъ ни слова, держалъ ея ру-

ку, ждалъ, казалось, когда откроетъ она глаза; но ждалъ тихо, спокойно, не оказывая ни малѣйшаго знака ужаса — только блѣденъ былъ онъ не человѣчески. . .

Явился лѣкарь, за которымъ посылалъ Шрекенфельдъ, и объявилъ, что у Адельгейды сильная горячка. Она открыла глаза, съ ужасомъ поднялась, и вскричала: «Гдѣ Антіохъ? Неуже-ли онъ ушелъ!»

— Онъ здѣсь, Адельгейда! — отвѣчалъ ей Антіохъ. Радость блеснула въ глазахъ Адельгейды. «Не уходи, не уходи отъ меня, мой Антіохъ, жизнь, душа моя — больше нежели жизнь — жизнь проходитъ, любовь остается! — Глаза ея устремились тогда на Шреккенфельда. «Ахъ! и онъ здѣсь, здѣсь! Ради Бога, спаси меня, Антіохъ!» закричала она, и снова лишилась

чувствъ. Лекарь совѣтовалъ Шрекенфельду удалиться. Въ отчаяніи вышелъ онъ въ другую комнату. Я послѣдовалъ за нимъ. Мнѣ жалко стало этого несчастнаго человѣка: онъ не былъ уже коварнымъ, отвратительнымъ шарлатаномъ — онъ былъ отецъ, онъ плакалъ!

Что сказать вамъ? Я видѣлъ раздирающее душу зрѣлище: я видѣлъ разрушеніе Адельгейды, прекраснаго, юнаго, цвѣтущаго созданія! Подлѣ смертнаго одра ея сидѣлъ мой другъ — въ явномъ помѣшательствѣ, о которомъ я не могъ болѣе сомнѣваться. Три дня и три ночи сидѣлъ онъ, почти не отходя отъ Адельгейды, забываясь сномъ на минуту.

Я терялъ милыхъ мнѣ людей, ви-

далъ страшно умирающихъ. Да, всегда

.....страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка....

Но никогда не видалъ, и—не увижу я ничего подобнаго, столь терзательнаго, мучительнаго! Смертельная, злая горячка нисколько не безобразила Адельгейды: щеки ея пылали, глаза горѣли, распущенные волосы ея вились локонами по плечамъ и груди; но со втораго дня лекарь объявилъ, что смерть ея неизбѣжна. Она не отпускала отъ себя Антіоха, и если онъ уходилъ на минуту, она начинала жаловаться, плакать, какъ дитя, и Антіохъ былъ безпрерывно подлѣ нея. Въ первыя сутки Адельгейда безпрестанно говорила съ нимъ, о его безумныхъ мечтахъ, о

своей смерти, какъ о своемъ вѣчномъ союзѣ съ половиною души своей улыбалась, смѣялась, въ бреду мечтались ей прелестные сады, гдѣ вѣтерокъ навѣваетъ любовь, гдѣ слезы радости освѣжаютъ землю, гдѣ думы счастія спѣютъ въ гроздахъ, гдѣ поцѣлуи летаютъ пѣвистыми птичками.... Иногда она снова начинала просить прощенія, что участвовала въ обманахъ отца своего. Тогда раскрывала она всю прекрасную, ангельскую свою душу, и слезами смывала съ нея легкую тѣнь вины своей.....

Шреккенфельдъ сидѣлъ въ другой комнатѣ, слышалъ все, не смѣлъ появиться передъ дочерью, и терзался муками совѣсти и раскаянія. Онъ самъ разсказалъ мнѣ все. Исторію его, дополненную разными свѣдѣніями, отъ другихъ собранными, я объясню вамъ коротко.

Онъ былъ сынъ Нѣмецкаго дворянина, и получилъ порядочное состояніе. Страсть къ ученью отвлекла его отъ всѣхъ другихъ занятій, а безразсудная мысль о Философскомъ камнѣ превратила все его состояніе въ газъ и дымъ. Ловкій, оборотливый, онъ вошелъ тогда въ тайныя Нѣмецкія общества, былъ участникомъ всѣхъ Тугендбундовъ, и принужденъ былъ бѣжать въ Италію. Тамъ женился онъ и родилась его Адельгейда. Связи его по тайнымъ обществамъ доставляли ему средства жить; но карточная игра раззоряла его. Крайность заставила его сдѣлаться картежнымъ обманщикомъ; ссора съ однимъ сильнымъ Итальянскимъ вельможею заставила бѣжать изъ Италіи. Онъ рѣшился сдѣлаться фокусникомъ, и проѣхалъ Европу, показывая опыты

Фантасмагоріи, Химіи, Физики. Пользуясь необыкновенными дарованіями дочери, которую любилъ страстно, онъ заставлялъ играть и пѣть свою Адельгейду передъ публикою; но связи и долги отвсюду гнали его. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ началъ свои обыкновенныя представленія, замѣтилъ Антіоха, и угадалъ страсть его къ Адельгейдѣ. Мысль, что дочь его можетъ сдѣлаться женою богатаго Русскаго дворянина, заставила Шреккенфельда употребить для сего всю хитрость, весь умъ свой. Онъ особенно воспользовался мистическимъ расположеніемъ Антіохова характера, и заставлялъ Адельгейду оказывать ему вниманіе, не понимая, что благородная душа Адельгейды ужасалась притворства; что Адельгейда любила уже Антіоха страстно, но

чувствовала, какъ низко, недостойно ея завлекать Антіоха въ сѣти. Она пренебрегала своимъ униженнымъ званіемъ, и отчаяніе болѣе всего вдохновляло ее, когда она должна была выходить передъ публику. Тѣмъ выше становился въ глазахъ ея Антіохъ, великодушный, полусумасшедшій отъ любви къ ней, пламенный. Ей хотѣлось показать ему все несходство положеній ихъ: она страшилась мысли: быть его женою, думая, что унизитъ, обезславитъ собою Антіоха. Въ этомъ отношеніи, въ сознаніи высокой души своей и низкаго званія, несчастнаго положенія отца своего и себя самой, Адельгейда точно была свѣтлый Ангелъ, очарованный Демономъ, которому не можетъ онъ противиться. Видя дерзость, вольное обхожденіе мужчинъ, приходившихъ

къ ея отцу, положеніе котораго становилось болѣе и болѣе затруднительно — она трепетала ежеминутно. И какимъ Ангеломъ-спасителемъ показался ей Антіохъ, когда онъ такъ смѣло заступился за нее! Когда она опомнилась, узнала, что Антіохъ поѣхалъ драться съ наглецомъ, оскорбившимъ ее, тогда узнала она и всю мѣру любви своей къ нему. «Я не переживу его! Боже! спаси Антіоха и возьми жизнь мою!» говорила она, стоя на колѣняхъ, и молясь со слезами. Антіохъ явился; радость ея при видѣ Антіоха перешла въ совершенное безуміе.... Жить послѣ сего было невозможно....

На другія сутки Адельгейда говорила мало, но безпрестанно глядѣла на Антіоха, держала руку его, радостно улыбалась, шептала ему:

« Dahin! Dahin! Скоро исполнится все, что говорилъ ты мнѣ.... Вѣдь ты меня простилъ? Вѣдь ты мой Антіохъ?»

Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude (*)!

Это были послѣднія слова. Адельгейда казалась послѣ сего забывшеюся. Утромъ на четвертый день, Шреккенфельдъ привлачился къ ея постели, и, стоя на колѣняхъ, обливался слезами. Адельгейда вдругъ открыла глаза—обратила взоръ на отца своего, улыбнулась—взглянула на Антіоха, хотѣла приподняться, хотѣла протянуть къ нему руку — не могла — отъ Антіоха подняла она глаза свои къ небу, и закрыла ихъ навсегда....

(*) Минутна скорбь — блаженство безконечно!
Переводъ *Жуковскаго.*

Состояніе Антіоха во все это время можно было назвать безчувствіемъ. Когда отлучаясь на короткое время изъ жилища Шреккенфельда, я возвращался въ него—постоянно находилъ я Антіоха неподвижнаго близъ постели Адельгейды; когда раздѣляя съ нимъ ночь, засыпалъ я безпокойнымъ сномъ, и потомъ просыпался—при слабомъ мерцаніи лампы, я видѣлъ Антіоха, неподвижно облокотившагося на изголовье Адельгейды, считавшаго каждое ея дыханіе. Казалось, что для него ничто болѣе не существовало, и онъ самъ не чувствовалъ ни себя, ни другихъ. Когда подходилъ я къ нему, желая уговорить его успокоиться, онъ пожималъ мою руку, давалъ мнѣ знакъ молчать, и снова обращался къ Адельгейдѣ. Никто кромѣ его не подавалъ ей ни

питья, ни лекарства: ни отъ кого болѣе не брала она ихъ. Понималъ-ли Антіохъ ужасъ своего положенія? Не думаю. Онъ не показывалъ ни малѣйшаго знака чувства, и говорилъ мало, даже и съ самою Адельгейдою, какъ будто боясь пропустить какое нибудь слово ея, какъ будто наслушиваясь ея рѣчей, наглядываясь на нее. По мѣрѣ того однакожъ, какъ Адельгейда ослабѣвала, Антіохъ болѣе и болѣе начиналъ понимать себя, складывалъ руки, судорожно сжималъ ихъ, обращалъ взоры къ небу, и потомъ ко мнѣ, какъ будто спрашивая меня: «Что̀ это такое, другъ мой?»

Адельгейды уже не было, а онъ все еще держалъ руку ея. «Отъ чего такъ озябла она? Посмотрите: рука ея холодна, какъ ледъ! Она вся поблѣднѣла!» сказалъ наконецъ

Антіохъ, и въ испугѣ вскочилъ съ своего мѣста. « Леонидъ! посмотри, что съ нею сдѣлалось? Посмотри!» говорилъ онъ, толкая меня къ Адельгейдѣ. Я обнялъ его со слезами. Антіохъ не плакалъ, хотя глаза его были красные и опухшіе. «Она не можетъ умереть,» говорилъ онъ, «не можетъ, потому, что я еще живъ. Что̀-же это такое? Какой это странный переломъ болѣзни? Эти Доктора ничего не понимаютъ въ психологическихъ явленіяхъ!» Онъ схватилъ себя за волосы, и вырвалъ клокъ ихъ, не чувствуя, что дѣлаетъ. Въ безсиліи склонился онъ ко мнѣ, глаза его закрылись—онъ былъ безчувственъ и неподвиженъ. Признаюсь: я желалъ ему смерти. . . . Но смерть надолго забыла Антіоха.

Безчувственнаго перенесли мы его въ карету, и на рукахъ вынесли изъ кареты въ его квартиру. Докторъ, призванный мною, сказалъ, что это не обморокъ; что Антіохъ спитъ.... Не помню, какъ-то по-Латини назвалъ онъ этотъ сонъ. Только это не былъ сонъ смерти. Ровно черезъ сутки, Антіохъ проснулся, бодро всталъ, надѣлъ свой всегдашній шлафрокъ, казался задумчивымъ, глубоко размышляющимъ, поглядѣлъ на меня, но не оказалъ ни печали, ни радости, ни какого признака жизни. Болѣе часа ходилъ онъ по комнатѣ, когда пришелъ Докторъ, и хотѣлъ посмотрѣть его пульсъ. Молча Антіохъ подалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Я сталъ говорить съ нимъ. Онъ смотрѣлъ на меня, не сказалъ ничего, и опять началъ ходить. Потомъ

сѣлъ онъ за свой столикъ, вынулъ десть бумаги, взялъ перо, приготовился писать, остановился, долго думалъ, бросилъ перо, взялъ карандашъ, теръ лобъ свой съ нетерпѣніемъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. «Завтра!» сказалъ наконецъ Антіохъ задумчиво, бережно спряталъ бумагу, легъ на диванъ свой, и скоро заснулъ.

Пришедши на другой день, я засталъ Антіоха уже вставшимъ. Онъ опять сидѣлъ за своимъ столикомъ, держалъ перо, думалъ, не отвѣчалъ на мои слова. Лекарь, приставленный къ нему, сказывалъ мнѣ, что всю ночь Антіохъ проспалъ какимъ-то безчувственнымъ сномъ.

Цѣлый день просидѣлъ онъ опять за своимъ столикомъ, и иногда только прохаживался по комнатѣ, думая,

молча, потомъ опять садился и думалъ. Видно было, что онъ слышитъ слова и видитъ людей, потому, что когда мы стали просить его принять лекарство, онъ съ досадою и поспѣшно выпилъ его. Когда я говорилъ ему о прежней дружбѣ нашей, онъ поглядѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова, какъ будто человѣкъ ничего непонимающій.

Такъ прошла цѣлая недѣля, и въ Антіохѣ не было никакой перемѣны. Онъ вставалъ поутру, не обращая ни на что вниманія, спѣшилъ сѣсть за столикъ свой, и цѣлый день просиживалъ за нимъ, держа, то перо, то карандашъ, задумывался, думалъ, печально прохаживаясь иногда по комнатѣ, и вечеромъ ложился спать, съ глубокимъ вздохомъ произнеся: «Ну, завтра!»

Болѣе не слыхали мы отъ него ни слова.

Доктора, которымъ разсказывалъ я всю исторію Антіоха, рѣшили, что онъ въ сумасшествіи особеннаго рода; что лечить его не льзя обыкновеннымъ образомъ; что обыкновенное лѣченіе сумасшедшихъ можетъ только привести его въ яростное безуміе, и что можно надѣяться изцѣленія его со временемъ. Сонъ Антіоха всегда походилъ на безчувствіе смерти: его не льзя было разбудить; ѣлъ и пилъ онъ весьма мало, и то когда принуждали его. Я нанялъ для него квартиру на дачѣ, въ прелестномъ мѣстоположеніи. Ночью, во время сна, мы перевезли туда Антіоха. Онъ проснулся поутру, изумился казалось, обглядѣлся кругомъ, но увидѣвъ свой столикъ, бумагу, перо и карандашъ,

поспѣшно сѣлъ къ столику, и просидѣлъ цѣлый день задумавшись, какъ будто стараясь что-то вспомнить. Вечеромъ онъ легъ по обыкновенію спать, и проснувшись на другой день опять просидѣлъ его за своимъ столикомъ. Идти никуда не хотѣлъ онъ; иногда съ безчувствіемъ взглядывалъ въ окно, и тотчасъ отворачивался. Однажды, веселое общество гуляющихъ проходило подъ окномъ его — онъ поглядѣлъ, и отворотился къ своему столику.

Мы испытывали лечить его Музыкою. Когда раздались звуки арфы, Антіохъ бросилъ перо, сталъ слушать, но черезъ минуту, съ негодованіемъ покачалъ головою, опять взялъ перо, и не оказывалъ болѣе никакого вниманія.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Мнѣ надобно было ѣхать изъ Петербурга; я препоручилъ Антіоха честному старику, который согласился жить съ нимъ, и Доктору, который хотѣлъ навѣщать его каждый день.

Поѣздка моя была довольно продолжительна. Отправленный по казенной надобности, я не могъ имѣть постоянной переписки. Меня увѣдомляли по временамъ, что Антіохъ остается въ прежнемъ положеніи, но — не все сказывали мнѣ!

Во время отлучки моей пріѣхали въ Петербургъ родственники Антіоха, и взяли въ управленіе все имѣніе его. Безчеловѣчные перевезли Антіоха въ домъ ума лишенныхъ. Честный старикъ, приставленный мною, умолилъ ихъ взять для него особую комнату, и перевезъ туда

его столикъ, бумагу, перо и карандашъ. Антіохъ проснулся на другой день въ домѣ сумасшедшихъ, и, не обращая ни на что вниманія, сѣлъ думать за свой столикъ.

Великій Боже! я увидѣлъ Антіоха и ужаснулся. Онъ вовсе не узналъ меня, взглянулъ на меня, когда я пришелъ, и снова принялся думать. Онъ былъ худъ; кожа присохла къ костямъ его; длинная борода выросла у него въ это время, и голова его была почти сѣдая. Только глаза, все еще блиставшіе, хотя желтые, показывали тѣнь прежняго Антіоха. Прежній, прекрасный шлафрокъ его, висѣвшій лоскутьями, былъ надѣтъ на него.

Я не хотѣлъ переводить Антіоха никуда: не все-ли для него было равно, въ домѣ-ли сумасшедшихъ былъ-бы онъ, или у меня,

потому, что уже ничто не могло ни занять, ни развлечь его, а нескромное любопытство людей могло быть для него тягостнѣе въ моей квартирѣ. На лѣто хотѣлъ я опять нанять дачу, и туда взять съ собою Антіоха. Доктора̀ давно отказались лечить его.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти Адельгейды, въ одно прекрасное утро, когда солнце ярко освѣтило комнату Антіоха, онъ проснулся, поспѣшно сѣлъ за свой столикъ, и вдругъ радостно закричалъ: Это она, это она! Приставникъ бросился къ нему. Указывая на слово, написанное на бумагѣ, Антіохъ съ восторгомъ говорилъ ему: «Видишь-ли, видишь-ли? Это она, это душа моя — я вспомнилъ, вспомнилъ таинственное слово, которымъ могу призвать ее къ себѣ.... Мнѣ кажется,

я долго думалъ объ этомъ словѣ! Неуже-ли ты его не знаешь? Теперь къ ней, къ ней!» — Приставникъ обрадовался, услыша въ первый разъ Антіоха говорящаго. Онъ думалъ, что Антіохъ излечился. Антіохъ долго, съ наслажденіемъ, смотрѣлъ на написанное имъ слово, горячо поцѣловалъ его, хотѣлъ встать, и вдругъ свалился опять на стулъ свой; голова его склонилась на бумагу; перо выпало изъ рукъ его....

Я прибѣжалъ опрометью, когда меня извѣстили, и засталъ Антіоха еще въ этомъ положеніи. Но онъ былъ уже холоденъ. На бумагѣ написано было его рукою: *Адельгейда.*

Леонидъ кончилъ свой разсказъ. Мы всѣ молчали. Читатели припомнятъ, что въ числѣ слушателей были двѣ дѣвушки, одна веселая, съ черными глазами, другая задумчивая, съ голубыми. Веселая встала, и пошла прочь, сказавъ: «Онъ все выдумалъ: такъ не любятъ, и что за радость такъ любить?»

Леонидъ не отвѣчалъ ей ни слова; но когда мы, мужчины, составили кружокъ, и стали разсуждать всякой по своему, Леонидъ придвинулся къ другой дѣвушкѣ. Она плакала, закрывая глаза платкомъ. Леонидъ взялъ ея руку, и поцѣловалъ украдкою, не говоря ни слова.

— Вы не выдумали?—сказала она, вдругъ взглянувъ на Леонида.

«И не думалъ —» отвѣчалъ Леонидъ. — Неуже-ли и вы скажете: *такъ не любятъ?*

— О, нѣтъ! Вѣрю, чувствую, что такъ можно любить; но.... Леонидъ?

«Если иначе не смѣешь любить, скажите, милый другъ: не блаженство-ли безуміе Антіоха и смерть Адельгейды?»

Я не вслушался въ отвѣтъ, и не знаю, что̀ отвѣчали Леониду.

РАЗСКАЗЫ

РУССКАГО СОЛДАТА.

Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ — да, есть непріятели больше — больше и богадѣльни — проклятая немогузнайка, намѣка, догадка, лживка, лукавка, краснословка, кратскомолвка, двуличка, вѣжливка, безтолковка кличка, что безтолково выговаривать: *край, прикакъ, афокъ, ваиркакъ, рокъ, адъ,* и проч. и проч.—стыдно сказать.

Поученіе Суворова солдатамъ.

ЧАСТЬ I.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

А что, мужичекъ, какъ ты поживаешь? — « А, што, родимый, нѣча Господа гнѣвить; не безъ милости отъ Господа; день прошелъ, такъ и до насъ дошелъ »...

Кажется, это было въ 1817, или 1818 году. Мнѣ надобно было ѣхать въ Острогожскъ и Воронежъ; я жилъ тогда въ Курскѣ. До сихъ поръ между настоящими Русскими купцами нѣтъ обычая ѣздить на почтовыхъ. Только со времени учрежденія дилижансовъ, купцы для ѣзды между Петербургомъ и Москвою оставили вольныхъ ямщиковъ и из-

вощиковъ. Но въ другихъ мѣстахъ Россіи, повсюду, они ѣздятъ еще на *вольныхъ*, то есть, нанимаютъ условною цѣною пару, тройку лошадей на нѣкоторое разстояніе, гдѣ извощикъ смѣняется, или *сдаетъ* ѣздока другому; тотъ везетъ его опять извѣстное разстояніе, и сдаетъ третьему. Такъ отъ Тамбова, отъ Херсона, можете доѣхать въ Архангельскъ, въ Казань, въ Смоленскъ. Этотъ порядокъ ѣзды идетъ издревле, съ того времени, когда еще не было на Руси ни почтовыхъ лошадей, ни подороженъ, и до сихъ поръ сохраняется онъ между купцами, не смотря на большія неудобства. Главное неудобство то, что нынѣ, съ потерею многихъ старинныхъ обычаевъ, потерялись между нашими ямщиками и извощиками вѣрность даннаго слова и взаимная

честность, по которой, за цѣну условленную, на примѣръ, въ Харьковѣ, они свято довозили ѣздока до Москвы и до Вологды. Измѣнить ее никто не осмѣливался. Какой нибудь ямщикъ Серпуховской, нарушивъ святость договора, никогда не смѣлъ-бы потомъ отправить съ своей стороны проѣзжаго въ Харьковъ: въ Бѣлгородѣ какомъ нибудь, проѣзжаго, отправленнаго по договору ямщика нарушителя своего слова, не повезли-бы далѣе, потому, что молва изъ устъ въ уста провозглашала-бы *не честнымъ* нарушителя по всей дорогѣ; старики положили-бы повсюду: по договору такого-то проѣзжихъ не возить, и — на тысячѣ верстахъ никто не дерзнулъ-бы взять сдачу отъ негодяя. Все это теперь утратилось; бѣдный проѣзжій подверженъ по до-

рогѣ всяческимъ обманамъ, притѣсненіямъ; у него забираютъ впередъ деньги, заставляютъ его прибавлять, надоѣдаютъ ему требованіями на водку, везутъ худо, и безъ Русскихъ поговорокъ, которыя услышите отъ каждаго мужика, и которыхъ не найдете ни въ какомъ Словарѣ. . . . Да, вы найдете ихъ въ книгѣ *Паула Якоба Марпергера*, Moscowitischer Kaufmann, изданной въ Любекѣ въ 1723 году. Авторъ приложилъ необходимые для путешественника слова и разговоры, на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Онъ былъ мастеръ говорить по Русски, какъ видимъ изъ этихъ разговоровъ; онъ увѣряетъ, на примѣръ, что *покараулъ мои сани*, по Русски говорится: *stoi taem gdié phzanie stoïd*; что *stote gchotsjes potché mutot tawar*? зна-

читъ: *что просишь ты за этотъ товаръ?* что Jachotssju tebié piath aregchie dam—*я тебѣ дамъ оплеуху*, и проч. — Вотъ онъ, приводя одну Русскую дорожную поговорку сказываетъ, что по Нѣмецки это переводится: fahre geschwind (*поѣзжай скорѣе*). Безъ этого *fahre geschwind*, вольные ямщики везутъ васъ, какъ прѣсное молоко. «Вѣдь мы не почтовые, а вольные!» говоритъ вамъ ямщикъ, на крикъ вашъ: «*пошелъ*,» и невольно заставляетъ вспомнить пословицу: «воля не холя, а добра коня портитъ.» Однакожъ, купцы соглашаются лучше терпѣть всякое притѣсненіе, платить дороже, спорить, шумѣть, кричать, а не ѣдутъ на почтовыхъ лошадяхъ. Тутъ много причинъ. Во первыхъ, купецъ обыкновенно ѣдетъ цѣлымъ домомъ; иногда везетъ съ собой

товаръ, всегда деньги, и кучу постелей, подушекъ, ковровъ, полстей, подстилокъ, одѣялъ, запасовъ, припасовъ, на дождливое время шинель, на холодное тулупъ, на морозное шубу; и кромѣ того дюжину коробокъ, коробковъ, сулеекъ, погребцовъ, чемодановъ, фляжекъ, кульковъ, сумъ, и проч. и проч. — Нерѣдко четверо, часто трое, никогда менѣе двухъ *хозяевъ* не сидитъ въ этомъ подвижномъ домѣ, называемомъ *повозкою*, укрытомъ, обшитомъ, обитомъ сукномъ, холстиной, кожей, рогожами, обгороженномъ, загроможденномъ сзади, и спереди и на передкѣ коробами и всякою всячиною. Какой почтовой ямщикъ повезетъ, даже свезетъ съ мѣста эту громаду — ямщикъ, привыкшій запрягать свою тощую клячу лычкомъ и ремеш-

комъ, ставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ, и столь-же мало думающій: снесетъ-ли онъ завтра свою голову, сколь мало помышляющій о томъ, какъ поберечь ему сѣдока и свою лошадь! Давай такому ямщику сѣдока лихаго, у котораго вся поклажа сжалась въ маленькій чемоданчикъ, на защиту противъ вѣтра и непогоды всего только какой нибудь клокъ сукна, или лоскутокъ бурки; давай ему курьера, который, зацѣпивъ трубку зубами, имѣетъ непостижимую способность усидѣть на веревочкѣ, и не только усидѣть, но и выспаться, пока остовъ тѣлеги, безъ подстилки, безъ покрышки, летитъ на гору и подъ гору, тощія клячи несутся скорѣе вихря, и ямщикъ въ дыроватомъ балахонѣ, иногда въ шапкѣ лѣтомъ, въ шляпѣ зимою, закатываетъ, хлещетъ би-

чемъ съ плеча, и въ какомъ-то упоеніи поетъ во все горло: «*Ахъ! да западала! частымъ ельничкомъ, охъ! все березничкомъ, охъ! да зарастала! Ну! ну! ну!*» — Замѣтьте, когда встрѣтится вамъ въ дорогѣ эта отчаянная гоньба, и вмѣстѣ съ нею повозка на вольныхъ — разница между ними такая-же, какая между толстымъ откупщикомъ и отчаяннымъ посѣтителемъ питейнаго дома. Почтовой ямщикъ награждаетъ свою плохую наружность тѣмъ, что во всю прыть мчится мимо дорожнаго барина — огромной повозки, запряженной тремя огромными лошадьми, съ дюжимъ ямщикомъ въ красной рубахѣ, съ тремя колокольчиками на дугѣ, съ мѣдными бляхами и погремушками на сбруѣ. Спорымъ, но тихимъ и ровнымъ шагомъ ступаютъ между тѣмъ лошади воль-

наго; изъ повозки его выставляется борода купеческая, пробужденная мимолетнымъ визгомъ, и изъ подушекъ красноватое лицо глядитъ: кто это промчался мимо, и уже вдали, въ облакахъ пыли? — Во вторыхъ, тяжело ѣздить на вольныхъ нашему брату, не дорожному, домосѣду, но легче купцу, который по одной дорогѣ, изъ Москвы въ Харьковъ, Ростовъ, къ Макарью, изъ Вологды, Курска въ Москву, ѣдетъ въ сороковой разъ, иногда ѣздитъ по два, по три раза въ годъ. Ему все знакомо по дорогѣ; его вездѣ знаютъ, принимаютъ, растворяютъ предъ нимъ ворота, кланяются ему, вѣдаютъ его имя, и имена отца его и дѣдушки его; передъ нимъ ставятъ хлѣбъ, соль; всѣ дородныя хозяйки и хорошенькія ихъ дочери извѣстны

ему по именамъ; онъ знаетъ, гдѣ надобно поберечься, гдѣ остановиться, гдѣ побраниться, гдѣ подарить, поласкать. Вотъ онъ, на примѣръ, на постояломъ дворѣ, въ какой нибудь *Лопаснѣ*, *Ивановкѣ*, *Липцахъ*, *Красной слободѣ*; передъ нимъ на столѣ кипитъ огромный самоваръ, лежитъ Московскій калачъ, разставлены Гжельскія чашки, кулекъ съ икрою, балыкомъ, сайкою — вѣдь постныхъ дней у насъ двѣ трети въ году. — И краснѣя, и потѣя въ свѣтлицѣ *стараго знакомаго*, ямщика, онъ располагается господиномъ, пьетъ, ѣстъ, закусываетъ, шутитъ, говоритъ, договаривается, споритъ; и онъ и хозяинъ называютъ другъ друга *пріятелями*, *знакомыми*, величаютъ по имени, по отечеству; оба клянутся, что сказываютъ *крайнюю* и *по-*

слѣднюю цѣну, указываютъ на образъ Николая Чудотворца, ссылаются на худые кормы; хозяинъ споритъ, что *обрѣзные* червонцы, какими платитъ проѣзжій, совсѣмъ не въ ходу; тотъ утверждаетъ, что вездѣ ихъ берутъ, что другихъ денегъ теперь въ цѣлой Москвѣ нѣтъ. И вотъ они поспорили, увѣрились, что нашла коса на камень, утвердились во взаимномъ уваженіи къ ловкости и уму одинъ другаго, и — наконецъ поладили; повозка подкатилась, и купецъ безпечно залегъ въ свои подушки и перины до новаго знакомаго, гдѣ перемѣняетъ онъ лошадей съ прежними обрядами, спорами, уговорами, божбою. Возможно-ли вообразить такого ѣздока, пріѣхавшаго на почтовую станцію, гдѣ 14-го класса Смотритель, сухо, безъ всякихъ воз-

раженій, отвѣтитъ ему: «*Нѣтъ лошадей!*» а Смотрительша, въ чепчикѣ и запачканномъ длинномъ плащѣ, пользуясь задержкою, предложитъ тощій кофе, пока общипанный почтовой Староста, почесывая голову, споритъ, что урода, повозку пріѣзжаго, съ мѣста не стянутъ три лошади, и что на трехъ сѣдоковъ велѣно по указу припрягать четвертую лошадь.... Гдѣ поэзія самовара, ласковой хозяйки, калачей, сайки, икры? Вы знаете, что на почтовой станціи надобно все покупать у Смотрителя, а безъ того....

Но — я чувствую, что къ старости становишься болтливъ, особливо вспоминая что нибудь изъ своей молодости: началъ о томъ, какъ мнѣ надобно было, лѣтъ семнадцать, или шестнадцать тому,

ѣхать изъ Курска въ Острогожскъ, а заговорилъ объ ямщикахъ, о почтовыхъ станціяхъ. Впрочемъ, лишнее слово, только-бы не въ осужденіе ближняго, право, не бѣда. Люблю широкій, просторный разсказъ, гдѣ всякой всячинѣ свободно лечь и потянуться. А притомъ, можетъ быть, не всякому знакомо то, что я разсказывалъ, и я докончу, какъ пошелъ разсказъ мой, тѣмъ, что такимъ-то образомъ до сихъ поръ сохраняется у насъ на Руси особенное братство ямщиковъ и проѣзжихъ, съ своими тайнами, не меньше *ложныхъ* тайнъ какой нибудь Шотландской Звѣзды. Въ каждомъ городѣ значительномъ есть особыя Ямскія, гдѣ живутъ ямщики, и гдѣ у нихъ свой міръ, свои нравы, обычаи, обряды. Въ Москвѣ такихъ Ямскихъ Слободъ нѣсколько: *Тверская*, *Перея-*

славская , *Рогожская* , и проч.—Подите туда : это не Москва, это какой-то особенный городъ ; иначе домы построены , иначе люди живутъ , одѣваются , говорятъ ; это такіе уголки въ Москвѣ , гдѣ всего болѣе сохранилось до нынѣ *Русской старины*, хотя и тамъ уже домы перестроиваются , и старая Русь пропадаетъ, вмѣстѣ съ появленіемъ бритья бородъ , ресторацій , Французскихъ хлѣбовъ, Нѣмецкаго платья и гильдейскаго честолюбія. Но отсюда выходятъ всѣ эти безчисленные, безконечные обозы ; отсюда выѣзжаютъ купеческія вольныя тройки ; здѣсь тѣснятся всѣ пріѣзжающіе въ Москву ямщики и извощики; здѣсь можете подрядить тысячу тѣлегъ, хоть до Одессы и до Архангельска; можете нанять извощика куда угодно—только не далѣе предѣловъ

Русскаго царства и не въ царство Небесное. Вамъ дадутъ тройку жирныхъ, огромныхъ лошадей, и если у васъ нѣтъ своей повозки, то и съ огромною ямщицкою повозкою, укутанною рогожами, съ рѣзнымъ задкомъ у кибитки, выложеннымъ разноцвѣтною фольгою, и повезутъ васъ въ *Питеръ*, *Курескъ*, *Смоленескъ*, *Володимеръ*, останавливаясь на своихъ особенныхъ станціяхъ, и минуя почтовыя. Ѣхавши въ Курскъ, вы проѣдете мимо Подольска и остановитесь въ *Лопаснѣ*; ѣхавши въ Петербургъ, мимо Черной Грязи, въ селѣ *Чашниковѣ*—40 верстъ отъ Москвы; здѣсь ямщикъ дастъ *вздохнуть* своимъ лошадямъ, и повезетъ васъ до *Клина*, а отъ Клина, на свѣжей тройкѣ, васъ доставятъ *не кормя* въ Тверь, и *поставятъ* въ условленный часъ, по договору, въ

тамошнюю Ямскую, минуя замаранный Тверской *Городъ Миланъ*, гдѣ съ тощимъ животомъ вы любуетесь на изображенія изъ Шекспировыхъ Трагедій, и не можете рѣшить: что тутъ хуже — чай, кофе, или обѣдъ?

Ямскія Слободы, сказалъ я, есть у насъ во всѣхъ значительныхъ городахъ; но ямщики нѣкоторыхъ городовъ особенно славятся своими лошадьми, своимъ достаткомъ, своею ѣздою. Таковы ямщики *Московскіе*, *Коломенскіе*; ямщики *Курскіе* также знамениты. Любо посмотрѣть на ихъ опрятные, высокіе домы, съ кровлями почти перпендикулярными, съ раскрашенными окнами, съ крытыми обширными дворами, гдѣ все завалено кибитками, ободьями, рогожами, колодами, дегтярными бочьками, телегами, и гдѣ останавли-

ваются обозы, и иногда тѣсно бываетъ отъ возовъ и лошадей; любо посмотрѣть и на самихъ ямщиковъ, крѣпкихъ, сильныхъ, здоровыхъ, рыжебородыхъ, подъ пару ихъ дюжимъ лошадямъ, которыя могутъ выѣхать 80, 100 верстъ въ сутки, которыхъ хозяинъ бережетъ и лѣлѣетъ, какъ друзей. Странна жизнь ямщика: спокойно сидитъ онъ у воротъ своего дома, въ кругу сосѣдей, на прилавочкѣ, толкуетъ, дремлетъ послѣ сытнаго обѣда, или отдыхаетъ, проглотивши дюжины двѣ чашекъ чаю — приходитъ человѣкъ, и черезъ два часа, ямщикъ уже помолился Богу, надѣлъ дорожный зипунъ, простился съ родными; и черезъ нѣсколько часовъ еще, онъ уже катитъ на тройкѣ своей по Московской, Арзамазской, Воронежской дорогѣ, или тихо пе-

реступаетъ подлѣ *обоза*, который отправился въ Бердичевъ, въ *Адесту*, въ *Липецкъ*, если угодно, или *Бериславль*, *Королевецъ*. Прежде, когда многіе Курскіе купцы торговали за границу, Лейпцигъ, Бреславль, Кенигсбергъ были знакомы Курскимъ ямщикамъ, такъ-же близко и коротко, какъ ихъ сосѣдка, Коренная ярмарка. Мнѣ случалось видать и возвращеніе ямщиковъ домой. Ничего, никто не кричитъ отъ радости, отъ удивленія о томъ, что отецъ, братъ, сынъ воротился послѣ полугодоваго отсутствія. Спокойнѡ убираютъ, поятъ лошадей, и, сытно пообѣдавши, прохрапѣвши часовъ пять съ дороги, ямщикъ, между прочимъ только, разсказываетъ товарищамъ, сидя вечеромъ у воротъ, и то если спросятъ его: » *А што, таго, гдѣ ты*

бывши?» разсказываетъ, что онъ *ѣздилъ* въ Одессу, а оттуда *наняли* его въ Николаевъ; потомъ *довелось* въ Астрахань; тамъ *вышла работа* въ Эривань, а откуда онъ *взялся свезти* ѣздока *на долгихъ* въ Темтюши, изъ Казани *наложилъ* товаръ до Москвы, и потомъ черезъ Рязань пріѣхалъ домой. Другіе не дивятся нисколько, а черезъ сутки, пожалуй, пріѣзжій ямщикъ наймется опять, хоть въ *Аршаву* (Варшаву).

На *долгихъ.* — Знаете-ли, что это такое? Это значитъ, что васъ договариваются, въ положенный срокъ, довезти отъ одного мѣста до другаго на однѣхъ и тѣхъ-же лошадяхъ, останавливаясь ночевать и *кормить* лошадей по дорогѣ. Кому не куда спѣшить, такая ѣзда, особливо лѣтомъ, особливо въ обществѣ

добрыхъ товарищей, безпечна и весела. Такъ на ярмарки, большею частію, купцы ѣздятъ на долгихъ, и иногда собирается ихъ по 10-ти, по 20-ти троекъ. Въ такомъ случаѣ, останавливаются ночевать и обѣдать, обыкновенно, внѣ селеній, гдѣ нибудь подъ лѣсомъ, на берегу рѣки, и — тутъ полный досугъ Русскому духу и дорожному досугу! Все забыто — и барышъ и убытокъ; разводятъ огонь, накупаютъ припасовъ, варятъ, жарятъ, кипятятъ самовары; на разостланныхъ коврахъ, тюфякахъ, подъ *тапами*, разбитыми въ видѣ палатокъ, идетъ ужинъ, обѣдъ; за тѣмъ слѣдуетъ отдыхъ; кто поетъ, кто спитъ, кто споритъ, говоритъ, и часто хоръ стариковъ:

Склонитеся вѣки,
Всѣ, и со человѣки,

Къ Россійской Державѣ,
Ко Восточной главѣ,
Сущей нынѣ,
Во благостынѣ —

сливается съ хоромъ молодежи:

Вы мешитеся улицы,
Вы мешитеся, широкія;
Становитеся городы,
Городы съ пригородочками,
Теремы съ притеремочками!

Наступаетъ ночь. Огонь погасъ, все убрано, снесено въ повозки; проѣзжіе крѣпко спятъ въ повозкахъ, закрытые рогожами и кожами; брезжетъ востокъ раннею зарею; ямщики напоили лошадей, впрягли, и съ словомъ: « *Господи благослови!* » повозки катятся съ спящими сѣдоками, до перваго мѣста, гдѣ снова останавливается поѣздъ кормить лошадей, а сѣдоки обѣдать, прокачавшись, какъ въ колыбели, 35, 40 верстъ.

Все это измѣняется теперь. Но такъ бывало еще за 20 лѣтъ. Я помню это.

Вотъ, когда мнѣ въ 1817, или 1818 году, надобно было отправиться въ Острогожокъ — впрочемъ не привести-бы мнѣ на память читателямъ этою поѣздкою того Нѣмецкаго путешественника, который ѣздилъ когда-то на своемъ вѣку изъ Данцига въ Штольпе, и послѣ того 40 лѣтъ разсказывалъ объ этомъ... Спѣшить мнѣ было не куда, и я рѣшился ѣхать на долгихъ. Притомъ, мнѣ надобно было нанять надежнаго, добраго ямщика, потому, что со мной было много денегъ, а ѣхалъ я одинъ. Отправляюсь въ Ямскую слободу. Положеніе этой слободы, и вообще Курска, прелестно. Городъ стоитъ на горѣ, которую обтекаетъ рѣка Тускорь,

и съ нѣкоторыхъ мѣстъ взоръ обнимаетъ пространство, усѣянное деревеньками, селами, перелѣсками, нивами, верстъ на 20-ть. Если вы будете въ Курскѣ, совѣтую вамъ пойдти на берегъ Тускори, къ бывшему Троицкому монастырю, и полюбоваться оттуда видомъ на Стрѣлецкую слободу, окрестности ея и скатъ подъ гору къ Тускори. Не менѣе хорошъ видъ и на Ямскую слободу, которая раздвинулась по луговой сторонѣ рѣки, на Коренской дорогѣ.

Но, поспѣшимъ разсказомъ.—Мнѣ попался здоровый, плечистый, рыжій ямщикъ, взялся ѣздить со мною, сколько мнѣ угодно, и на другой день, въ огромной повозкѣ, прочной, крѣпкой, набитой свѣжимъ сѣномъ, запряженной тройкою лоша-

дей, съ парою колокольчиковъ на дугѣ, покатились мы съ *Васильемъ* — такъ звали моего ямщика. Помню это красное лицо, эти плеча, эту голову, гдѣ *между глазъ* могла помѣститься *калена стрѣла*. Василій былъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, веселый, словоохотный, большой мастеръ пѣть заунывныя пѣсни; онъ выпивалъ едва не полштофа зеленà вина для аппетита, и никогда не бывалъ пьянъ; ѣлъ онъ ужасно, не спрашивалъ что ему давали ѣсть, смотрѣлъ только на *количество*, а не на *качество*, могъ пить пиво, хлѣбать молоко, ѣсть рыбу и кислую капусту, пить чай, въ одно и тоже время. Обѣдъ оканчивался у него ковшемъ воды, не менѣе знаменитаго Торова рога Скандинавской Эдды. Послѣ того онъ ложился спать подъ повозку, спалъ, хра-

пѣлъ, какъ Илья Муромецъ. Но удивительно: этотъ-же человѣкъ не зналъ устали въ работѣ, могъ не спать сутки, сидя на передкѣ, вѣрно просыпался, когда надобно было поить лошадей, задавать имъ овса, и за нихъ готовъ былъ онъ самъ отказываться отъ сна, пищи и питья; и не жаловаться, и пѣть пѣсню подъ голосъ своего тощаго желудка. Смѣло можно было при немъ не бояться разбойника, оставить повозку, уйдти впередъ, отстать, или спать безъ просыпа. Василій былъ удивительно *бывалый человѣкъ*; вообразите, что онъ побывалъ даже въ Парижѣ, подрядившись изъ Лейпцига, въ 1814 году, везти какіе-то казенные снаряды. Онъ разсказывалъ.... но, прочитайте Статейныя донесенія старинныхъ Русскихъ Пословъ, на при-

мѣръ, изъ Италіи, о томъ, какъ: «Городъ Флоренскъ, безмѣрно стро-«енъ, сограждень палатами пре-«высокими, а столповъ превысо-«кихъ, саженъ по 50-ти и больше, «во Флоренскѣ шесть. А кирки, или «*мечети*, зѣло стройны, и иную «дѣлають уже лѣтъ 20-ть, а еще «дѣлать лѣтъ 20-ть, все камень «аспидъ, трутъ пилами. А стоитъ «городъ межъ великими и высокими «горами; а длина градскому мѣсту «и съ уѣздомъ верстъ 13-ть, а то «все горы. А извычай у жителей «такой: мужи и жены честные, и «дѣти, ходятъ всѣ въ *скуратахъ*, «сирѣчь, въ личинахъ всякихъ цвѣ-«товъ. Да, казали намъ казенныя «палаты, палата съ сосудами од-«нозолотыми и съ вещами драги-«ми, кресла Княжія съ камень-«емъ драгимъ, и съ жемчугомъ боль-

« шимъ, жемчугъ иной въ орѣхъ « есть. . . .» Вотъ на это походили и разсказы Василья о *Паризіи* и *Леонтьевѣ* (Ліонѣ), *Нунціи* и *Тавлери* (Нанси и Тюльери). Онъ сказывалъ за диво, что Французскіе мужики носятъ *башмаки деревянные*, и называютъ ихъ *суботы*. Вообще, по Французски говорилъ онъ довольно порядочно; сказывалъ мнѣ, что Французы называютъ хлѣбъ *пень*, масло *быръ*, воду *охъ*; что самая злая брань, если скажешь Французу: *Наполеонъ капутъ*; что по Французски: *жонопранъпопо*, значитъ: « Не знаю ничего » (je ne comprends pas). — « Хороши земли,» заключалъ онъ, « да все нехристь, бѣсъ ихъ знаетъ, какая; и кто погонится за барышемъ, да поѣдетъ въ ту сторону, въ рукахъ у него будетъ много, а въ карманѣ ни-

чего.»—Надобно знать, что путешествія бѣднаго Василья за границу кончились встрѣчею на обратномъ пути съ Башкирами, которые, отъ нѣчего взять, отняли у него всѣ деньги, и обмѣняли лошадей его на клячи, такъ, что онъ едва могъ доѣхать до Святой Руси, и то въ казенномъ обозѣ.

Мы выѣхали съ нимъ изъ Курска рано утромъ; погода была прекрасная, начало Іюля, небо яхонтовое, поля изумрудныя, нивы золотыя. Дорога шла между селеніями, полями, рощицами; народъ былъ разсыпанъ по полямъ; все казалось мнѣ такимъ веселымъ, счастливымъ, цвѣтущимъ, потому, что я самъ былъ молодъ, здоровъ, веселъ, какъ птица небесная, и готовъ видѣть въ каждомъ человѣкѣ друга. Печаль скользила у меня тогда по сердцу,

какъ ласточка нижетъ мимолетомъ по землѣ, а радость выглядывала изъ закаждаго кусточка, и качалась на каждомъ василькѣ между хлѣбными колосьями. Встрѣчи съ сельскими помѣщиками, съ ихъ барынями и барышнями, съ лихими кирасирами, квартировавшими тогда въ Курской губерніи, съ купцами, ѣхавшими съ Старо-Оскольской ярмарки — все это было предметомъ моего любопытства, наблюденій, забавы, знакомства, и проч. и проч.

Надобно сказать однакожъ, что мѣста, по которымъ мы проѣзжали, были, въ самомъ дѣлѣ, большею частію, удивительно милыя. Природа не являлась тутъ въ грозномъ величіи какого нибудь Кавказа, какой нибудь Сибири; но за то, какъ кокетка, наряжалась она въ пестрые луга, тѣнистыя рощицы, уби-

ралась живописными селеніями, смотрѣлась въ зеркальныя рѣчьки и змѣистые ручейки, разстилалась полосатыми жатвами, загаралась алою, палевою, оранжевою зарею, засыпала подъ покрываломъ ночи, сплошь унизаннымъ золотыми звѣздами. Помню мѣсто, положеніе *Стужина*, маленькаго селенія, верстъ 40 отъ Стараго Оскола — что за прелесть! Въ длинной лощинѣ, крутоберегой, обросшей кустарникомъ, вьется серебряная рѣчька, и по ней разбросаны хижинки; съ обѣихъ сторонъ дорога въ гору, и на этихъ горахъ, какъ шахматъ, бѣлѣютъ, желтѣютъ, пестрѣютъ безконечныя поля съ хлѣбомъ. Тамъ лѣниво тянется обозъ Малороссіянъ на волахъ; здѣсь раздается пѣсня поселянина; тамъ природа бросила перелѣсокъ; здѣсь человѣкъ

выставилъ шпицъ церкви и кровлю своего сельскаго дома. Какъ нарочно, темная туча всходила вдалекѣ, и молнія дрожала въ ней, и рисовала свои огненные узоры, когда съ другой стороны еще ярко свѣтило солнце между облаками; и эти облака обрисовывали собою вокругъ солнца исполинскія снѣговыя горы, съ позолочеными и раскрашенными вершинами. Но еще лучше положеніе небольшаго городка Стараго Оскола, гдѣ на горѣ, смотря на рѣку и на окрестности, при заходящемъ солнцѣ, я, какъ умѣлъ тогда, долго любовался и мечталъ, почитая себя поэтомъ, потому, что читалъ Жуковскаго, самъ кропалъ плохіе стихи, и плакалъ за романами Монтольё и Августа Лафонтена. И въ дорогу съ собой взялъ я, помнится, *Мальви-*

ну, да что-то Делилевское: мнѣ хотѣлось перевести ея.... Какой вздоръ не взойдетъ въ молодую голову!...

Вечеромъ на третій день, мы остановились ночевать верстахъ въ 70-ти за Старымъ Осколомъ, въ деревнѣ *Становой*, уже въ Воронежской губерніи. Это была обширная Малороссійская деревня, съ вымазанными глиною, выбѣленными известкою хатами, съ Малороссійскими нравами и обычаями, и я попалъ въ самое шумное сборище усатой *Гетманьщины*. У хозяина, гдѣ мы остановились, продавали горѣлку: былъ какой-то праздникъ, и что̀ за разгулье, за пляски, за разговоры! На меня сначала посматривали косо, какъ на *Москаля*; но вскорѣ меня полюбила *Казацкая душа*, когда я принялся хвалить

ее, разговаривать съ нею, подчивать стариковъ чаемъ, табакомъ, самъ разсказывать о Хмѣльницкомъ, все, что читалъ объ немъ у Голикова и Рубана, а еще болѣе съ любопытствомъ слушать разсказы другихъ. Помню, что моя любезность обратила на себя особенное вниманіе стараго Казака *Никиты Шимченка*, съ длинными усами, въ высокой казацкой шапкѣ, съ гордою поступью, съ сѣдымъ *чубомъ* на головѣ. Онъ пилъ со мною чай, говорилъ о старинѣ, о переселеніи Острогожскихъ Казаковъ въ эту сторону, заставилъ даже какого-то скрыпача пѣть и играть, другихъ плясать.

Къ удивленію моему, Шимченко былъ даже большой грамотѣй, восхищался *Энеидою* Котляревскаго,

и наизусть читалъ мнѣ изъ нея множество мѣстъ.

Солнце было еще высоко, когда мы пріѣхали; досыта наговорившись и наслушавшись, я отправился, съ *Моими Бездѣлками* въ рукахъ, насладиться зрѣлищемъ заходящаго солнца, и гулять по деревнѣ; таковъ былъ тогда обычай у всякаго, кто почиталъ себя поэтомъ, ходилъ, гулялъ—наконецъ, сѣлъ у воротъ одной хаты, и размечтался о счастьи простой, сельской жизни, слыша пѣсни, шумъ и говоръ въ хатѣ и по улицѣ, видя всюду веселыя толпы народа, съ гудками и дудками ходившія по улицѣ. Подлѣ меня неожиданно помѣстился кякой-то сосѣдъ, не Малороссіянинъ, и я обрадовался, увидя *земляка*, на чужой сторонѣ. Это былъ отставной солдатъ, сѣ-

дой, безногой спарикъ, на деревяшкѣ; изношенная ленточка съ Георгіевскимъ кресшомъ, добрый, веселый видъ его, ласковый привѣтъ всѣхъ проходившихъ мимо его; что показывало, какъ уважала его цѣлая деревня—все это расположило меня къ бесѣдѣ съ добрымъ инвалидомъ. Онъ безъ памяти радъ былъ, встрѣтя такого ласковаго, привѣтливаго земляка, и безпрестанно называлъ меня, *Ваше Благородіе*.

Я узналъ отъ моего собесѣдника, что онъ родомъ изъ Курской губерніи, изъ однодворцевъ, былъ отданъ въ военную службу, долго служилъ, потерялъ ногу въ Финляндіи, воротился на родину, оставилъ ее, бродилъ въ разныхъ сторонахъ, и наконецъ поселился въ Становой, гдѣ исправляетъ долж-

ность волостнаго писаря, по воскресеньямъ замѣняетъ должность звонаря и пѣвчаго въ ближнемъ селѣ, и рѣшился окончить странническую жизнь свою между здѣшними обывателями. « Все Хохлацкій народъ, Ваше Благородіе, и добрѣе Русскаго; только не тронь ихъ Казацкой хвастовни; да и простъ, Ваше Благородіе, хоть по виду и кажется такой смышленый, важный. »

Безконечный разговоръ завязался наконецъ между нами. Здравый, простой умъ, какой-то Философско-комическій взглядъ на все въ мірѣ, особливо разсказы о томъ, гдѣ бывалъ, что видѣлъ, что перенесъ мой инвалидъ, заняли у насъ нѣсколько часовъ. Уже свечерѣлъ, потухъ день; прекрасная лѣтняя ночь наступила, ночь тихая, мѣ-

сячная, теплая, послѣ дождя, бывшаго днемъ, а мы все еще разговаривали. Онъ подробно разсказалъ мнѣ всю свою исторію, всѣ свои похожденія. То, увлеченный живостью своего разсказа, вставалъ онъ, вытягивался, маршировалъ, забывая о своей деревяшкѣ; то чертилъ палкой на пескѣ расположеніе лагерей, желая дать мнѣ понятіе о битвахъ и сраженіяхъ, гдѣ бывалъ; то, въ уныніи, умолкалъ, набивалъ свою *люльку*, тянулъ изъ нея дымъ, и въ разлетавшихся облокахъ дыма, казалось, видѣлъ прежніе, разлетѣвшіеся дымомъ годы своей юности.

Добрый старикъ! тебя, вѣрно, нѣтъ уже теперь въ здѣшнемъ мірѣ! Если бесѣда со мною, тогда юнымъ, беззаботнымъ жителемъ свѣ-

та, усладила твою душу, за то и твои разсказы сильно врѣзались въ мое сердце. И теперь еще ясно могу я представить себѣ твои сѣдые волосы, твой кровью купленный крестъ; слышу еще, кажется, стукъ твоей деревяшки, твой голосъ; вижу твои выразительныя тѣлодвиженія, огонь сверкавшій въ глазахъ твоихъ, когда ты разсказывалъ мнѣ о гибельныхъ битвахъ, и слезу, появлявшуюся въ глазахъ твоихъ при воспоминаніи о родныхъ, нѣкогда близкихъ твоему сердцу; грустную улыбку, съ какою смотрѣлъ ты на свое состояніе, и улыбку радости, съ какою говорилъ ты объ успокоеніи костей своихъ въ нѣдрахъ матери земли. . . .

Желалъ-бы я передать другимъ что нибудь изъ твоихъ разсказовъ;

но тронутъ-ли они другихъ такъ, какъ трогали меня? Чѣмъ замѣнить твой видъ, твой взглядъ, твои движенія, твое простое краснорѣчіе сердца? Прибавляя что нибудь *искуственное*, я только обезображу твое добродушное повѣствованіе; но могу-ли я *пересказать* такъ, какъ говорилъ ты; могу-ли замѣнить твои поговорки, прибавки, побасенки, и этотъ смѣхъ сквозь слезы, и эти слезы сквозь смѣхъ, что такъ удивляло меня, еще непонимавшаго, какъ можно плакать и смѣяться въ одно время! И прежде того видалъ я, что сквозь дождевыя тучи свѣтило солнце, и радугой перепоясывало полнеба, отражаясь въ дождѣ, падавшемъ сквозь лучи солнечные. Я не зналъ тогда, что это всего болѣе похоже на слезы и улыбку человѣка.

Въ ближней рощѣ свисталъ и щелкалъ соловей; карастель скрыпѣлъ въ отдаленіи поля; лягушки дробили голоса въ своемъ болотномъ концертѣ; заря потухала на одномъ краю неба и загаралась на другомъ; иногда глухо раздавался голосъ кукушки въ лѣсу; люди рѣдѣли, засыпали. Мой Инвалидъ говорилъ мнѣ:

I.

— Вы знаете, что у насъ въ Курской губерніи есть много дворянъ большихъ помѣщиковъ, а еще больше мѣлкихъ. Есть цѣлыя деревни, и большія деревни, гдѣ всѣ жители дворяне, и у нихъ, у сотни человѣкъ, десять крестьянъ, и эти крестьяне служатъ всѣмъ поочередно. Наконецъ, есть еще у

насъ что-то такое, ни дворяне, ни крестьяне, а такъ, *самъ крестьянинъ и самъ баринъ*, и называется *Однодворецъ*. Говорятъ, будто это остатки какихъ-то прежнихъ дворянъ, потому, что у многихъ однодворцевъ есть свои крестьяне. Я называлъ себя однодворцемъ, какъ мы всѣ себя называли, а впрочемъ, право, мы не вѣдали, что это такое значитъ, такъ, какъ мѣлкое дворянство, жившее вокругъ насъ, знало о себѣ одно, что съ нихъ *рекрутчины не бываетъ*. Впрочемъ, эти высѣвки дворянъ жили въ такихъ-же хатахъ, какъ и мы; также одѣвались, также пахали, сѣяли, косили, жали, какъ всѣ мы; ѣли по нашему и пили по нашему. Одна только бывала бѣда съ ними связываться, что подравшись на ве-

сельѣ, мы просто мирились на другой день, а дворяне наши непремѣнно подавали просьбу *въ безчестьи.* Кромѣ того, все у насъ было общее, и согласное, и одинаковое; ссорились и дрались мы на межахъ одинаково, потому, что и наши и дворянскіе поля были пестрѣе рябой рожи, и перерѣзаны въ такіе мѣлкіе ремешки и клинушки, что разобрать ихъ не удалось-бы самому домовому дѣдушкѣ, не только Земскому Суду. Послѣ каждой просьбы, между нами начинался однакожъ судъ, дѣлался судебный осмотръ; оканчивалось тѣмъ, что выигравшій тяжбу долженъ былъ продать свой участокъ для оплаты расходовъ по суду; на продажѣ напивался весь міръ крещеный, подымалась на весельи новая ссора,

за ней драка, и — дѣло оканчивалось новою тяжбою.

Такъ жили мы, и дворяне, и однодворцы, подъ однимъ небомъ Божьимъ, жили изо дня въ день, и весело, не думая о завтрашнемъ днѣ; и житье наше такъ намъ всѣмъ нравилось, что — повѣрите-ли — многіе изъ нашихъ дворянъ, прослуживъ много лѣтъ въ военной службѣ, возвращались Поручиками, даже Капитанами на родину, надѣвали старые свои зипуны, и принимались снова за плугъ и соху. Вотъ было житье: подыми, встряхни, переворoти и выворoти—ничего не выпадетъ, ни изъ души, ни изъ головы, ни изъ кармана, кромѣ гроша на вино, да краюшки хлѣба на сегоднишній день! И чего-жъ вамъ больше? Былъ-ли у насъ въ оной годъ не урожай, ѣсть нече-

го—мы занимали у другихъ; отдавали, когда потомъ хлѣбъ родился, а вѣдь у Бога не положено, чтобы неурожай былъ всякій годъ? И такъ барышъ и убытокъ, веселье и горе, сытое брюхо и голодное, ѣздили у насъ на одних саняхъ. Ну, что-же, если не было у насъ ничего въ запасѣ, ни лишняго хлѣба, ни лишней коровы, ни лишняго гроша — да, на что запасъ? Мы думали такъ: «Коли Богъ создалъ какого человѣка, такъ, вѣрно, въ тоже время испекъ для него и краюшку хлѣба, которою ему надобно пропитаться въ мірѣ; и заботься-ли, не заботься-ли этотъ человѣкъ, а той краюшкѣ отъ него не отбѣгаться ни на краю міра.» Приходило горе—на утѣху было у насъ то, о чемъ давно сказано, что оно *веселитъ сердце человѣка*;

приходила радость—всякій просто радовался изо всѣхъ силъ. А впрочемъ, вѣдь и въ городахъ, и вездѣ, кто плачетъ, кто скачетъ; одинъ родится, другой умираетъ; кто родился, кричитъ; кто умеръ, тотъ молчитъ. Валилась-ли избушка, хозяинъ подпиралъ ее жердинкой, говоря: «Съ меня станетъ; съ мой вѣкъ простоитъ, а тамъ, какъ самъ свалюсь, и она развалится, такъ строй новую, кто захочетъ.» У кого не оставалось ни кола, ни двора, ни поля, ни избы, тотъ нанимался у другихъ, а старъ становился, къ работѣ негоденъ—ну, просилъ милостыни, и былъ увѣренъ, что сытъ будетъ, потому, что ни изъ одной хаты не говорили у насъ: «*Богъ подастъ,*» а подавали, что кто смогъ. Когда намъ нѣчего было дѣлать, мы ничего не

дѣлали, либо спали, а въ праздники ходили мы хороводами по деревнѣ, и проѣзжій какой нибудь богачъ, раздумавшись въ своей каретѣ, какъ, поди, завидовалъ нашему счастью и веселью, слушая наши веселыя пѣсни!

Насъ было въ семьѣ двое: Старшій братъ *Василій*, да я, *Сидоръ*, покорный слуга Вашего Благородія. Василій былъ старше меня десятью годами, сынъ отъ первой жены. Старику отцу вздумалось жениться на старости, когда первая жена его умерла; отъ другой жены родился я. Мнѣ и трехъ лѣтъ не было, когда самъ старикъ переселился на Божью ниву. Василій съ моей матерью стали хозяйничать—плохое хозяйство, правда, у старой бабы, да у молодаго парня — ну! что̀ дѣлать! За то

Василья женили рано, и жена его, здоровая баба, работала за трехъ. За то съ ней была такая бѣда, что рожала она за трехъ: въ нѣсколько лѣтъ у Василья было полдюжины ребятъ, а имъ каждый обѣдъ надобно было полдюжины ломтей хлѣба.

Пока все это такъ и сякъ дѣлалось, я росъ своимъ чередомъ, и о моемъ ребячествѣ многаго сказать вамъ не приходится. Сколько запомню, такъ сперва лежалъ я въ лубяномъ коробѣ, повѣшенномъ на палку подлѣ печи, и кричалъ почти цѣлый день, потому, что меня некому было унимать, да и нѣкогда. Потомъ ползалъ я по грязной избѣ, и взбираясь на лавку, падалъ, ушибался, плакалъ; тутъ высаживали меня на улицу, гдѣ, взбираясь на завалину, опять

падалъ я, ушибался и плакалъ. Иногда подходили ко мнѣ корова, коза, теленокъ, и, боясь ихъ, я кричалъ изъ всѣхъ силъ, такъ, что слышно было на другомъ концѣ деревни. Сосѣди сидѣли подлѣ своихъ хатъ, или шли мимо, да я хоть разкричись—никому дѣла до меня не было. Единственнымъ защитникомъ моимъ была старая, хромоногая собака, Жучко, съ которою дѣлились мы иногда кускомъ хлѣба, вмѣстѣ лежали на солнышкѣ, и вмѣстѣ защищались отъ коровъ, телятъ, козловъ, козъ и свиней, а въ награду я билъ Жучку, и любовался, какъ она визжитъ и ласкается ко мнѣ.

Какъ уцѣлѣлъ я, какъ не упалъ въ колодецъ, который былъ вырытъ подлѣ нашего дома, срубъ незакрытый, вровень съ землею, какъ

не выклевалъ мнѣ глаза гусь какой нибудь, или не забодала меня корова, какъ не сгорѣлъ я подлѣ печки, и какъ не раздавили меня возомъ, когда я выползалъ на средину улицы и сидѣлъ въ грязи, или игралъ пылью, и пугалъ мимоходящихъ курицъ и пѣтуховъ—право, не знаю. Но, видно, самъ Богъ хранитъ крестьянскаго сына, потому, что мы всѣ такъ росли, какъ росъ я; и потомъ видалъ я, что вездѣ наша братья, крестьяне, ростутъ такимъ образомъ, и выростаютъ.

Я поднялся на ноги, началъ ходить, просить не ревомъ, но словами, и тутъ ужь мнѣ стало жить и лучше и легче.

Надобно знать Вашему Благородію, что во всей деревнѣ нашей считалось дворовъ съ двадцать пять. Всѣ эти дворы были вытянуты подъ

одну кривую линію, въ два ряда, такъ, что составляли собою улицу, которая, какъ пьяное капральство, повихиваясь на обѣ стороны, шла по косогору въ логъ, гдѣ текла маленькая рѣчушка, глинистая, тинистая, почти пересыхавшая лѣтомъ; но весною она разливалась и затопляла весь логъ, такъ, что до самой осени грязь не пересыхала у насъ, особливо у гати, обсаженной ивами, гдѣ безпрестанно вязли лошади проѣзжающихъ, и гдѣ проѣзжающіе ругали нашу деревню, на чемъ свѣтъ стоитъ. Всѣ домы у насъ были черныя избы, закоптѣлыя отъ дыма, покрытыя соломою, которую стаскивали мы съ крышъ въ голодный годъ для корма скотины, а потомъ подновляли на зиму, если было чѣмъ подновить. У рѣдкаго двора была огорожа, или крытый сарай кру-

гомъ двора; почти каждый домъ былъ четыре-угольный срубъ, съ маленькими двумя окнами на улицу, съ пестрыми вокругъ нихъ рамками, и съ пузыремъ, или съ обломками стеколъ, такъ запачканныхъ, что ночь начиналась въ избахъ нашихъ двумя часами ранѣе, а оканчивалась двумя часами позже настоящей Божьей ночи. Къ такому срубу прилетались сѣни, гдѣ лѣтомъ спали мы, и держали скотину, гдѣ висѣли у насъ вѣники для бани, стояли кадки, кадушки, лежали дрова—тоненькій хворостъ, который рубили мы въ небольшой рощѣ, недалеко отъ нашей деревни. За тѣмъ съ другой стороны воротъ торчала мазаная плетушка для скотины; далѣе, сзади, былъ небольшой навѣсъ изъ тычинокъ, покрытый соломой, для лошадей; за тѣмъ

далѣе назадъ тянулись овинъ и гумно, низенькія мазанки, съ соломенною крышею; и все это окружено было поскотиной изъ палокъ, и тѣ часто сжигали мы, потому, что въ дровахъ терпѣли большую нужду; соломы едва доставало у насъ скотинѣ; гречневую шелуху мы съѣдали сами, подмѣшивая съ лебедой, да съ мякиной, и посыпая мукой, а другаго топлива мы не знали, потому, что ничего не слыхали мы объ этомъ отъ своихъ стариковъ. На дворахъ мы не только не чистили, а еще старались умножить грязь и навозъ, потому, что этимъ только и успѣвали мы вырастить что нибудь на поляхъ, куда весной свозили все, что накоплялось во дворахъ нашихъ за цѣлый годъ.

Во всей деревнѣ только у двоихъ было по три лошади, да по

три коровы; у многихъ другихъ по двѣ, по одной, и наконецъ у остальныхъ—ничего не было, кромѣ рукъ, да ногъ. Такіе обыкновенно отдавали свои участки другимъ, либо обработывали ихъ *помочью*, то есть, ставили вина, поили всѣхъ, заставляли пахать, жать, косить, а потомъ платили половиною сборки хлѣба цѣловальнику за ссуду виномъ, на цѣлый годъ. Поля наши были всѣ чересполосныя; работать на нихъ уходили мы за двѣ, за три версты, но мѣняться участками не думали, хоть у инаго чужой участокъ былъ подлѣ двора, а свой черезъ болото, за рѣкой, подлѣ дальняго лѣса. Покосъ былъ у насъ особливо богатый: поемный лугъ съ осокою, половину которой скашивали сосѣди, за что каждую осень дрались мы съ ними и заво-

дили тяжбы. Право, не знаю, какъ еще мы умѣли платить подати, особливо, когда приходилось въ иное время лѣто проработать за поправкою дорогъ и мостиковъ по дорогамъ. У насъ впрочемъ, почиталось это за отдыхъ. Мы уходили на дороги цѣлыми семьями, вырывали себѣ землянки, спали въ нихъ безъ просыпа, а между дѣломъ заваливали кое-гдѣ ямы землицею, вмѣсто передѣлки мостиковъ обтесывали на нихъ бревешки, и, заплативъ положенное Исправнику, получали мы позволеніе воротиться домой, не думая о томъ, что съ первымъ обозомъ и первымъ дождемъ вся наша поправка какъ не бывала, а дома сидитъ у дверей голодъ и зубами пощелкиваетъ.

Ремесла у насъ не было никакого; да и что̀ стали-бы мы дѣлать? У

насъ не было даже липки, съ которой можно-бъ было содрать лычко, да сплести лапоть. Бабы и дѣвки ткали холстину на рубахи, сукно на зипуны отцамъ и мужьямъ, и на понявы себѣ, а дѣти ходили въ обноскахъ отцовскихъ и материнскихъ.

Какъ теперь вижу свою благословенную родину, хоть и давно оставилъ ее: на голой степи, по косогору, нѣсколько избушекъ, общипанныхъ, какъ послѣ пожара; кругомъ ни лѣска, ни перелѣска, а только поля съ плохимъ хлѣбомъ; подлѣ рѣки нѣсколько землянокъ, гдѣ мылись мы грязною водою; глинистая гать съ ветлами; грязь по колѣно по улицѣ, а зимою все занесено снѣгомъ, который едва отчищенъ у входа каждой избушки, и приваленъ грудами къ стѣ-

намъ ея: безъ этого мы замерзли-бы отъ холода, и случалось, что въ безснѣжныя, холодныя зимы, только на печи было и спасенье. Въ сторонѣ торчала у насъ вѣтряная мѣльница, какъ будто подсмѣиваясь, что у насъ ей нечего молоть, а съ другой стороны бродило около деревни нѣсколько десятковъ коровъ, козъ, барановъ и свиней, тощихъ, какъ мышь въ приказной избѣ, гдѣ кромѣ бумаги и приказнымъ закусить нечѣмъ. Въѣзжайте въ деревню—не говорю зимой, когда все спряталось въ канурки подъ снѣгъ, или въ рабочую пору, когда по всѣмъ избамъ могли прогуливаться воры, не опасаясь, чтобы имъ сыскалось что нибудь унести, хоть хозяевъ и хозяекъ никого нѣтъ дома, кромѣ полудюжины дряхлыхъ стариковъ и

старухъ — этотъ запоздалый на свѣтѣ народъ домовничалъ, и грѣлся на солнышкѣ, потому, что кровь его уже не грѣла, а двигаться силы у него не было. Но и въ такую пору, когда всѣ жители бывали въ деревнѣ, вы встрѣтили-бы по улицѣ только бабъ и дѣвокъ, въ рубахахъ и понявахъ, босыхъ, замаранныхъ; сидя у воротъ, онѣ пряли, или бродили по грязи, крича и загоняя коровъ и свиней; мужики у насъ подлѣ воротъ своихъ сиживали мало: они всѣ собирались обыкновенно у питейнаго дома, который всегда былъ чисто на чисто обметенъ отъ снѣга, обставленъ лавочками и украшенъ елками. Тамъ собирались мы ссориться, мириться, судить объ общественныхъ дѣлахъ, пока мальчишки, въ отцовскихъ старыхъ шапкахъ, въ ка-

кихъ нибудь обрѣзкахъ отцовскихъ тулуповъ и зипуновъ, бѣгали, дрались и кричали по улицѣ; вечеромъ весь этотъ народъ засыпалъ, кто гдѣ успѣлъ лечь, или свалиться, а по утру просыпался всякій тамъ, кто гдѣ съ вечера легъ, и велъ снова день до вечера, а за однимъ днемъ другой день, а за другимъ третій, и такъ далѣе. Но, повѣрите-ли? Плохо было наше житье—нѣчего сказать—а такъ много у человѣка есть способности веселиться его жизнью, что весь этотъ народъ веселился, смѣялся, боялся смерти и не хотѣлъ умирать, словно богачъ какой нибудь, у котораго въ Петербургѣ, либо въ Москвѣ, большой домъ на большой улицѣ! Да и состояніемъ своимъ были мы недовольны, думаете вы? Да, какъ не такъ! По-

пытайся-ка кто нибудь уговорить насъ переселиться въ другое мѣсто, гдѣ будетъ много хлѣба и денегъ, да житье иное — ну! на этакого злодѣя мы готовы были просьбу подать, не только Земскому Суду, но самому Сосѣдкѣ подъ печькой! Попытайся-ка кто нибудь и не на это, а на то только, чтобы уговорить насъ жить не постарому — и мѣста-бы не нашелъ этакой совѣтникъ, что со мной самимъ случилось въ послѣдствіи. Уговорить моихъ земляковъ перестроить домы получше, жить почище, ходить поопрятнѣе, и, вмѣсто питейнаго дома, чаще заглядывать въ церковь Божію, или поучить чему нибудь дѣтей своихъ—страху Господню, началу премудрости, на примѣръ — за это расплатился-бы дорого тотъ, кто

сталъ-бы объ этакихъ невидальщинахъ говорить!

Надобно сказать однакожь, къ похвалѣ моихъ земляковъ, что въ числѣ старинныхъ преданій, которымъ они вѣрили, и которыхъ нарушать не смѣли, были такія преданія, какихъ дай Богъ всякому, и какихъ, бродя послѣ того по свѣту, иногда не встрѣчалъ я и въ большихъ городахъ. Не смотря на то, что нерѣдко половинѣ деревни приходилось складывать зубы на полку, и забывать о старинной привычкѣ обѣдать каждый день непремѣнно; что нерѣдко приходилось снимать крышу съ домовъ для скотины, а самимъ ѣсть, что кому Богъ на сердцѣ положитъ — пѣшеходъ, въ глухую полночь, могъ пройдти съ кулькомъ золота по нашей деревнѣ, и никто не про-

нулъ-бы его. Мы не считали за грѣхъ драться за межу, пропивать свою послѣднюю копѣйку, либо просить милостыни, а никто изъ насъ, никогда, не вздумалъ-бы воспользоваться добромъ своего ближняго. Мы не вѣдали ни одной заповѣди по Катихизису, но, по преданію, знали мы, что не добромъ нажитое въ прокъ нейдетъ; что за душу христіанскую тяжелъ отвѣтъ Богу. — «Ребята, дѣло нечисто!» говорилъ какой нибудь старикъ на мірской сходкѣ, и—дѣло осуждали общимъ голосомъ.

Такова была моя родина, такъ жили, такъ мы были, а чтобы лучше растолковать Вашему Благородію все дѣло, такъ разскажу я вамъ мое собственное въ крестьянствѣ житье-бытье.

Когда началъ я ходить, и бѣ-

гать, и говорить, зимой, примѣромъ сказать, день начинался у меня обыкновенно тѣмъ, что просыпался я рано, когда еще до свѣта, съ лучиной въ свѣтцѣ, мать моя принималась топить печьку. Мнѣ было холодно, лёжа на печи, простывшей во время ночи, и еще мнѣ страхъ какъ хотѣлось ѣсть; я начиналъ хныкать и просить хлѣба, и наконецъ сползалъ съ печи, потому, что дымъ, разстилаясь облакомъ, могъ задушить меня на печи. Матери и брату не было никакой обо мнѣ надобности: онъ занимался своимъ хозяйствомъ, а она топила печь, начинала варить, и на мои слезы и жалобы отвѣчала только: «Молчи, чертенокъ!» Наконецъ я до того каждый разъ надоѣдалъ всѣмъ, что мнѣ давали нѣсколько толчковъ и кусокъ хлѣба, завертывали

меня въ старую шубу, и садили меня въ уголъ на лавкѣ. Тутъ я засыпалъ, и просыпался, когда уже дыму въ избѣ не было, становилось тепло, и на столѣ стояли пустыя, но горячія щи. Мы усердно принимались за нихъ, и, наѣвшись, забывалъ я горе, шумѣлъ, дрался съ Жучкой и съ кошкой, опять надоѣдалъ всѣмъ, такъ, что мнѣ давали оплеуху, напяливали на меня обрѣзокъ отцовской шубы, отцовскіе старые сапоги, старую его шапку, и выгоняли меня изъ избы вонъ. Я шелъ на улицу, гдѣ уже толпа мальчишекъ дралась, бѣгала, шумѣла, кидалась снѣжками; мерзла, плакала, согрѣвалась, опять мерзла, и я возвращался только вечеромъ, совсѣмъ окоченѣлый, отогрѣваться, дремать и просить ѣсть. Опять принимались мы за пустыя

щи, и меня закидывали, вмѣсто полѣна, на печьку, гдѣ спалъ я, пока на другой день не начинали вставать, ходить, топить печь, и дымъ не сгонялъ меня съ печи. Лѣтомъ перемѣны въ моемъ житьѣ бывало немного. Только просыпался я не отъ дыма; и безъ шубы, въ одной рубашкѣ и босой, прямо уходилъ на улицу, откуда только голодъ гналъ меня домой.

Но, знаете-ли, Ваше Благородіе, что при такой жизни, кто изъ насъ не умиралъ, тотъ былъ здоровъ и крѣпокъ, какъ изъ желѣза скованъ; лѣтъ трехъ, четырехъ уже началъ я помогать въ работѣ, водилъ лошадь на водопой, сидѣлъ на возу и правилъ, когда возили весной навозъ на пашню, таскалъ дрова въ избу, и вскорѣ замѣнялъ мать и брата во многомъ, во-

дился съ дѣтьми, бѣсился съ ними, ушибалъ ихъ, заводя въ шалости. Признаться сказать, когда я подросъ, то никто въ деревнѣ не сравнивался со мной въ работѣ, въ ухаживаньѣ за молодыми дѣвками, да никто не равнялся и въ проказахъ. Сталкивать въ грязь пьяныхъ стариковъ, подбивать глаза старшему себя, пугать бабъ изъ за-угла, лихо плясать съ дѣвками, и бурлацкую пѣсню пѣть — все это было Сидоркино дѣло. Только одного не любилъ я—зеленаго вина, и за то Цѣловальникъ первый не взлюбилъ меня. Второй не взлюбилъ меня Старостa, по особливымъ причинамъ.

Незнаю какъ, вздумалось мнѣ, будто можно жить не такъ, какъ всѣ мы, грѣшные, жили. Насмотрѣлся-ли я на другихъ людей, ѣздивши въ Корочу на базары, и про-

ѣзжая по большимъ деревнямъ, только денегъ своихъ въ питейный домъ я не носилъ; и когда не былъ въ хороводахъ, или въ полѣ, на какой нибудь работѣ, то работалъ дома, плелъ тынъ вокругъ двора, ладилъ тѣлегу, снаряжалъ соху. Старики только покачивали головою, говоря: «Да, что онъ? Умнѣе всѣхъ что-ли хочетъ быть?» А молодые товарищи особенно не взлюбили меня за то, что у нихъ ничего не было, а у меня начали появляться, то новая шляпа, то новая рубаха, то красный кушакъ.

Все еще бѣда-то была-бы не велика, что Староста, Цѣловальникъ и товарищи меня не жаловали: у красныхъ дѣвушекъ былъ я въ особенной милости, больше всѣхъ другихъ, прочихъ; съ двумя крѣпкими кулаками не боялся я никого;

а когда Староста высылалъ меня лишній разъ на дорогу, либо чаще другихъ наряжалъ въ подводу — я молчалъ, потому, что плеть обуха не перестегаетъ. Навязалось на меня совсѣмъ другое горе.

Въ ближней деревнѣ жила одна красотка, дочь тамошняго крестьянина. Ну, Ваше Благородіе, дѣло прошлое, а, право, что̀ за красотка такая была эта Дуняша—кровь съ молокомъ, и такая-же работница, какъ и дородница! Отецъ ея былъ мужикъ довольно зажиточный, и хоть дочерей былъ у него почти цѣлый десятокъ, однакожъ за каждою давалъ онъ по коровѣ, да по 50-ти рублей денегъ, хоть самъ жилъ нелучше нашего, и ходилъ въ зипунѣ хуже моего.

Проклятое это дѣло — сердечная зазноба! Хоть мы и не умѣли лю-

бить такъ, какъ любятъ бара да горожане, но, сказать вамъ правду, будто взбѣлѣнился я, узнавши Дуняшу. Пропала охота работать, не пилось, не ѣлось, все хотѣлось быть съ ней, глядѣть на нее, шутить, говорить съ нею. Дивился я тутъ двумъ вещамъ: тому, изволите видѣть, что и прежде я видалъ ее, да ничего особеннаго не чуялъ на сердцѣ. Но одинъ разъ какъ-то, пѣсню что-ли она запѣла: « *Не бѣлы-то снѣга* — тьфу пропасть! такъ вотъ и кольнуло меня въ самое сердце, и повѣсилъ я носъ, и съ тѣхъ поръ, словно напущеное, стала она мерещиться мнѣ и во снѣ и на яву. А вторая-то вещь, Ваше Благородіе, что съ тѣхъ поръ, какъ она мнѣ приглянулась, сталъ я передъ ней уракъ дуракомъ—ни пѣсни спѣть, ни сло-

ва вымолвишь! Со всѣми другими, бывало, откуда бодрость берется, поешь, пляшешь, цѣлуешься, будто вѣкъ жилъ—а съ ней.... куда тебѣ! И взглянуть не смѣешь. . . . Ребята наши стали замѣчать, что я, отъ чего-то, Богъ вѣсть, грущу; стали говорить, что я то и дѣло хожу въ сосѣднюю деревню, и забываю даже коней напоить — сижу, уткнувши глаза въ землю, будто мокрая курица, такъ, что въ эту пору баба могла меня обидить, а я слова не сказалъ-бы ей. Послѣ узналъ я, что и съ Дуняшею сдѣлалось тоже самое, такая-же невзгода, и подруги стали сперва шептать, потомъ говорить, а потомъ ужь и кричать во все горло, что дѣвка наша кого нибудь полюбила. Эти слухи дошли до отца ея, мужика сердитаго и строгаго. «Дунька!»

сказалъ онъ своей дочери—«что ты затѣяла такое? Знаешь-ли ты, что у тебя ужъ есть женихъ?» Женихъ этотъ былъ сынъ Старосты нашей деревни—нѣчего молвить, лихой малый, за то и первый буянъ и первый пьяница изъ всей деревни. Только меня и боялся этотъ сорванецъ, даромъ что у отца его была хата лучше другихъ, а у меня, кромѣ удали, въ карманѣ хоть выспись, а хата держалась на курьихъ ножкахъ, и въ той жили мы вмѣстѣ съ братомъ. Дуняша испугалась отцовскихъ рѣчей; руки у нея опустились; она не посмѣла сказать ни одного слова напротивъ, а только заплакала. «Плакать-то я не мѣшаю—слезы вода, особливо женскія» — продолжалъ старикъ — «а если затѣешь что нибудь непутное—береги спину!»

Легко приказывать, да подумалибы: легко-ли исполнять—вотъ въ чемъ дѣло зависитъ. На другой день въ Дуняшиной деревнѣ былъ праздникъ; мы всѣ собрались туда; начали хороводы, запѣли пѣсни: есть-ли, нѣтъ-ли хлѣбъ, а пиво вари и гостей зови—этакой былъ у насъ общій обычай, просимъ не погнѣваться! Дуняша вышла въ хороводъ такая грустная, такая печальная, и веселилась, будто по неволѣ, и вотъ вижу я, что Дуняши нѣтъ; безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ не взмилился! Бѣгу, и ищу ее, и нахожу, что она сидитъ на берегу пруда, подъ тыномъ, смотритъ на воду и плачетъ на взрыдъ. Меня самого такое горе взяло, какъ будто каждая слезинка ея кипяткомъ капала, прямо на мое сердце. « Дуняша! » сказалъ я. Она испу-

галась, а у меня откуда слова взялись; подошелъ я къ ней, присѣлъ подлѣ нея, хоть она и отодвигалась отъ меня. «Что ты смотришь на прудъ, глазъ не спускаешь? Или у тебя что нибудь недоброе на умѣ?» — Доброе-ли не доброе-ли, тебѣ что за дѣло? Хочу благословиться, да въ прудъ кинуться. — «Что ты, Дуняша, отъ чего?» — Да, отъ того, что жить не хочется. — «Да, отъ чего тебѣ жить не хочется?» — А тебѣ на что? — «А на то, что бросимся вмѣстѣ — и мнѣ житье надоѣло.» — А отъ чего тебѣ житье надоѣло? — «Да, отъ того, что я люблю тебя, Дуняша, а отецъ твой тебя за меня едва-ли выдастъ.» — Она заплакала, и вотъ пошли у насъ разговоры, и вотъ я узналъ, что Дуняша любитъ меня такъ, какъ я самъ люблю ее—ну, то есть,

очень шибко любитъ. Слово за слово, у меня сердце хотѣло изъ подъ реберъ выпрыгнуть отъ радости. « Чѣмъ съ дуру торопиться намъ съ тобой, такъ лучше попробуемъ сперва: авось твой отецъ надъ нами смилосердится. » И началъ я ей говорить такъ, что она и грусть забыла. Лукавый соблазнилъ меня — крѣпко обнялъ я Дуняшу, и поцѣловалъ, разъ, два, три.

Извините, Ваше Благородіе: много этому лѣтъ прошло, а все помнится, и, кажется, будто радостнѣе этого времени для меня во всю жизнь мою не было.

Мы и забыли съ Дуняшей, что кромѣ насъ еще есть люди на бѣломъ свѣтѣ, да еще и злые люди. « Не плачь-же и не кручинься, Дуняша, » говорилъ я ей. « Завтра-же пришлю я къ тебѣ сватовъ. Братъ

и мать у меня противиться не станутъ; мы съ тобой у нихъ не даромъ хлѣбъ станемъ ѣсть. Ну! и у отца твоего дѣти все дѣвки, сыновей нѣтъ; захочетъ онъ меня къ себѣ въ домъ принять, такъ лучше меня, конечно, не найдешъ работника. Да я въ кабалу къ нему пойду, хоть на десять лѣтъ!» Въ это время громкій смѣхъ раздался за нами — гляжу: изъ за тына смотритъ Старостинъ сынъ, и съ нимъ еще человѣкъ пять такихъ-же сорванцовъ. . . Дуняша ахнула, и чуть въ воду не свалилась со страха. Меня словно жаромъ обдало, да такъ и взорвало. Будто сумасшедшій, бросился я на моего злодѣя; онъ ударился бѣжать; я догналъ его: «Слушай,» говорилъ я, схвативъ его за воротъ, «если ты скажешь хоть кому нибудь о томъ, что ты

видѣлъ, такъ не быть тебѣ живому!» — Убьешь, такъ въ Сибирь пойдешь, а пока живъ, всѣмъ разсказывать стану — кричалъ онъ. Я отвѣсилъ ему оплеуху; онъ мнѣ отвѣчалъ тѣмъ-же; началась драка, товарищи его закричали, сбѣжался народъ. Едва разняли насъ, и проклятый пьяница все высказалъ. Отецъ Дуняшинъ сплеснулъ руками, народъ захохоталъ, и напрасно говорилъ я старику, и приводилъ Бога во свидѣтели, что Дуняша чиста, какъ голубь небесный, что я только поцѣловалъ ее.» Цѣловать безъ людей, подъ тыномъ — да чортъ васъ тутъ разберетъ!» кричалъ старикъ, иное дѣло цѣловаться при добрыхъ людяхъ, въ хороводѣ, а коли дѣвка за угломъ шепчется съ молодымъ парнемъ, такъ въ это время ея Ангелъ Хранитель плачетъ и улетаетъ отъ нея!» Староста нашъ

вступился за побои своего сына; но, увидѣвъ, что отецъ Дуняши отправился домой, я бросилъ Старосту, убѣжалъ изъ толпы, и успѣлъ прибѣжать къ отцу Дуняши, когда онъ только что вошелъ въ свою избу. Дуняша сидѣла въ углу и плакала.

— Стой, Панфилъ Артемьичъ — вскричалъ я — слушай: если ты тронешь дочь свою хоть синимъ волосомъ, такъ, вотъ тебѣ Богъ порукой, что я волоска въ бородѣ твоей не оставлю!—Старикъ остановился; я упалъ передъ нимъ на колѣни, и началъ говорить, какъ я люблю Дуняшу, какъ она меня любитъ, началъ просить его благословенія на свадьбу. « Тебѣ жениться на моей дочери, голь отпѣтая, тебѣ? — Что хочешь, Панфилъ Артемьичъ: возьми меня въ работ-

ники, закабали меня, не давай приданаго! — «Слушай, Сидоръ»—сказалъ старикъ — «вотъ я тебѣ образъ со стѣны сниму, что моей дочери за тобой не бывать, ужь и по тому одному, какъ ты меня изобидилъ.» — Тутъ Дуняша вскочила, бросилась въ ноги отцу, и сказала: «Если ты меня, батюшка, за него не выдашь — руки сама на себя положу, а за другаго не пойду!» — Смѣешь ты мнѣ говорить— вскричалъ отецъ—да я убью тебя!— «Прежде меня убей!» вскричалъ я. — Вдругъ старикъ остановился, схватилъ дочь за руку, толкнулъ ее ко мнѣ и вскричалъ: «Такъ, на—вотъ тебѣ ее, коли хочешь — женитесь, гдѣ хотите, живите, какъ хотите — только съ этого часа нѣтъ на васъ моего родительскаго благословенія; будьте вы

прокляты отнынѣ и до вѣка; пусть у васъ дѣти будутъ проклятыя; не сойди ни дождь, ни роса на ваше поле, ни Божіе благословеніе въ вашу семью!» — Мать Дуняши вступилась было за нее; но старикъ чуть не зашибъ ее кочергой; напрасно мы плакали, стояли на колѣняхъ, клялись въ своей честности и добродѣтели; — «Вонъ отсюда, проклятая!» кричалъ старикъ, и ничего не слушалъ.

— Что-же, Дуняша! — сказалъ я — отцовское проклятье не подтверждаетъ Господь, если оно неправедно. Пойдемъ!» — Она была, какъ помѣшанная; я взялъ ее подъ руку и повелъ въ свою деревню. Дуняша не противилась, только рыдала. Мы пробрались тихонько по загородамъ, удаляясь отъ народа, который, съ пѣснями и смѣхомъ, воз-

вращался въ нашу деревню. Но горе забѣжало впередъ насъ, и ждало насъ на родительскомъ порогѣ. Мать моя знала уже обо всемъ, не согласилась принять дочь проклятую отцомъ, разругала ее и меня, затворила дверь, и сказала, что если я не оставлю Дуняши, такъ не будетъ мнѣ мѣста ни въ отцовской хатѣ, ни въ материнскомъ сердцѣ.

Что станешь дѣлать! Сѣли мы на улицѣ; я молчу, Дуняша плачетъ. «Не благословляютъ люди, благословитъ Богъ!» сказалъ я наконецъ. — «Дуняша! ты одно теперь у меня на свѣтѣ, а я одно у тебя — пойдемъ!» Дуняша повиновалась, прижимаясь ко мнѣ, какъ испуганная птичка. Я вспомнилъ, что у меня есть старый дядя, въ деревнѣ за пять верстъ, и рѣшил-

ся идти къ нему. Дядя этотъ слылъ между всѣми крестьянами человѣкомъ гулливымъ, но добрымъ и богатымъ, любилъ меня, и помогалъ намъ кое-чѣмъ. Къ нему явился я теперь съ своею бѣдною невѣстою, повалился въ ноги, разсказалъ все дѣло. Старикъ и самъ женился въ молодости тайкомъ; увезъ свою невѣсту у богатаго мужика. Вѣдь это между крестьянствомъ часто бываетъ. Что-же ты будешь съ богатыми мужиками дѣлать: не отдаютъ дочерей добромъ! Дядя прослезился, смотря на насъ, и сказалъ женѣ своей: «Старуха! вѣдь дѣтей-то у насъ нѣтъ? Примемъ-ка мы сиротъ, оставленныхъ людьми!» И онъ принялъ меня и Дуняшу, сыгралъ свадьбу, и мы поселились у него.

Какъ отца, сталъ я почитать дядю, какъ мать, стала почитать Дуняша тетку; покоя не зналъ я, работая въ полѣ и въ домѣ. Что-же? Казалось, старика Богъ благословлялъ за его милосердіе. У кого поле выбивало градомъ — у него зелѣнѣло и желтѣло оно подъ богатою жатвою — смотрѣть любо. Подъ рукою Дуняши масло и молоко прибывало, какъ у Сарептской вдовицы, у которой Илья Пророкъ жилъ, а копѣйка раздувалась въ грошъ сама собою, и кликала къ себѣ гривну. Старикъ не могъ налюбоваться нами; старуха у него была превздорная кропотунья, но мы все терпѣли. Да, какъ и не терпѣть? Вѣдь мы любили, а съ любовью и горе лучше нелюбовной радости...

Но — велико дѣло благословеніе отцовское, Ваше Благородіе, и горе

тому человѣку, котораго не благословитъ отецъ, либо мать!» Богъ судья, праведно или неправедно кто проклинаетъ дѣтей своихъ, а всякое проклятіе тяжко лежитъ на совѣсти сына и дочери! Не смотря на привольную жизнь, ласку дяди, на то, что добрые люди вступались за насъ, и общій голосъ обвинялъ и мать мою, и тестя, за ихъ не милость — жизнь Дуняши была тяжкая. Иную ночь, всю на пролетъ, не спала она, бѣдная, и засыпая твердила: «Прости, прости меня, родной батюшка!» Иной день плакала, безъ всякой причины, говоря, что ей ни пить, ни ѣсть не хочется, и что сердце ея словно змѣя сосетъ. Я сокрушался, глядя на нее, хоть она еще дороже была для меня за свое горе. Вѣдь она отъ меня, за любовь мою страдала.

Прошелъ годъ, прошелъ другой, Богъ не благословлялъ насъ дѣтьми. И это казалось намъ наказаніемъ Божіимъ. Надобно вамъ сказать, что въ это время мать моя со мной помирилась. Братъ Василій, оставшись безъ меня одинъ, смотался на работѣ, но ничто не шло у него въ прокъ; крѣпко началъ онъ держаться чарки; что день, то хуже становилось его и материно житье. И вотъ, однажды мать сама пришла ко мнѣ, поплакала со мной, простила меня, и стала звать къ себѣ, чтобы на старости лѣтъ не покинуть ее. Дядя слышать не хотѣлъ; подарилъ ей пять рублей, обѣщалъ помогать брату, но меня не отпускалъ. Ослушаться его мнѣ было не льзя, но все мнѣ казалось, будто я не правъ противъ матери и брата, оставляя ихъ на невзгодьѣ

однихъ. Истинно, иногда дума такая бывало найдетъ, что ничему не радъ! Мнѣ казалось иногда, что и люди поглядываютъ на меня и на Дуняшу, переговариваютъ, подсмѣиваются, шепчутся, осуждаютъ насъ. Нечистая совѣсть плохое дѣло... Дуняша сохла, худѣла... Напрасно налагалъ я на себя обѣты, подавалъ милостыню, призывалъ знахарей — ничто не пособляло.

Но Богъ обрадовалъ насъ великою радостью. Дуняша сдѣлалась беременна, родила. Вы еще молоды, Ваше Благородіе, не женаты, и незнаете, какъ весело, и какъ вмѣстѣ тяжко отцовскому сердцу, слыша первый крикъ своего ребенка. Всѣмы безъ памяти веселились. Мнѣ такъ и мерещилось, что съ этого часа всѣ мои бѣды кончились. Только Дуняша плакала и горевала. «Охъ!»

говорила она, » не на радость родился ты, бѣдный! Чуетъ ретивое, что на тебя обрушится дѣдушкино проклятіе!» Я утѣшалъ, уговаривалъ ее. Но дядя приготовилъ ей утѣшеніе лучше моего. Въ тотъ день, какъ были у насъ крестины, и всѣ пировали у насъ, даже самъ батюшка Священникъ изволилъ пожаловать, дядя вводитъ въ избу... Кого-бы вы думали? — Отца Дуняши....

Позвольте, Ваше Благородіе, утереть слезку-дуру; выкатилась изъ сердечнаго, лѣваго глаза, и не спросилась у меня...

« За чѣмъ ты привезъ меня сюда?» говорилъ старикъ; но я и Дуняша были уже у ногъ его, а дядя подавалъ ему внука. Старикъ задрожалъ, бросился на лавку. Отецъ

Священникъ вступился за насъ; всѣ окружили его. Онъ ревѣлъ на взрыдъ, какъ старая баба. «Охъ, Дунька, Дунька!» говорилъ онъ — «много ты горя навела на меня, много сѣдины высушила на головѣ моей, много родной крови испортила! Не зналъ я прежде, какъ сильно я люблю тебя, и что, если и сниму я отцовское проклятіе, будешь-ли ты отъ этого счастлива? Чѣмъ заплатишь ты Богу за мои слезы? Ну! да, Богъ васъ проститъ, а я прощаю!»

Великая радость была послѣ того. Да только, знаетъ-ли человѣкъ, что будетъ съ нимъ на другой день! Всѣ мы разстались здоровы, веселы, а на завтра добрый дядя мой уже не проснулся. Жилъ, какъ христіанинъ, умеръ, какъ праведникъ; рука—видно хотѣлъ перекреститъ-

ся—тақъ и замерла у него на лбу, съ сложеннымъ крестомъ... Съ нимъ умерло и счастье мое. . .

Старуха тетка сдѣлалась хозяйкою, и на старости лѣтъ—сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро—не прошло полугода, сосваталась на молодомъ парнѣ, бобылѣ безродномъ, вышла за него, и намъ житья не стало отъ новаго хозяина. Между тѣмъ, мать и братъ звали насъ къ себѣ, и въ одинъ день услышали мы отъ тетки приказъ—опростать мѣсто, помолились, и поѣхали на мою родину. Худо пошло тутъ дѣло. У матери и брата Василья не было ни хлѣбца пылинки, ни живой животинки; изба, какъ рѣшето, хоть сѣй—да, сѣять-то было нѣчего! Сначала насъ ласкали, думая, что мы успѣли поживиться у дяди, а какъ увидѣли, что мы ни съ чѣмъ

пріѣхали, такъ все и опрокинулось на Дуняшу! И безъ того ей, бѣдняжкѣ, нелегко было привыкать ко нраву свекрови—тяжеленекъ былъ— не тѣмъ помянуть покойницу....

Ну, Ваше Благородіе, прошло тутъ времени немного, не успѣлъ еще я и одуматься, какъ бѣдѣ да горю пособить, затѣвалъ то и се, думалъ такъ и сякъ.... вдругъ сдѣлался нездоровъ нашъ мальчишко. Какой славный былъ, здоровякъ, красивый... Начала ходить по деревнѣ оспа, и пристала къ нашему Ѳедюшѣ — такъ его звали. Этого мало: у Дуняши самой не было еще оспы; и къ ней пристала окаянная. Три дня сидѣлъ я въ сѣняхъ, въ отгородкѣ, подлѣ жены и подлѣ сынишка, а на четвертый день — гдѣ былъ мой здоровый, красивый Ѳедя! Оспа искривила, изуродо-

вала его, и Богъ взялъ его къ себѣ, чтобы не оставался онъ калѣкой на семъ свѣтѣ, и не указывали-бы на него злые люди, приговаривая: «Видишь, каково отцовское-то проклятіе!»

Тяжко было мнѣ сколачивать гробъ моему дитяткѣ, и на своихъ рукахъ нести его въ могилку. Закопалъ я его въ общую нашу мать, сыру землю, горько поплакалъ, утеръ слезы и воротился. За чѣмъ? За тѣмъ, чтобы видѣть, какъ умираетъ Дуняша! На нее страшно было поглядѣть; она была безъ памяти. Въ ту пору ѣхалъ черезъ нашу деревню Уѣздный Лекарь. Выбѣжалъ я къ нему, просилъ, молилъ посмотрѣть жену мою; онъ пришелъ, взглянулъ, махнулъ рукой, и сказалъ: «Э! пиши пропало! Не вставать ей!» — Да, ужь хоть-бы

скорѣе Богъ прибралъ — уши простонала — примолвила мать моя.

Я пошелъ изъ избы, точно ошалѣлый, и въ первый разъ пришло мнѣ тогда въ голову: «Пойду, напьюсь пьянъ, авось забуду горе!» — Подлѣ питейнаго дома нашелъ я большую толпу, и Волостнаго Старосту и Засѣдателя. Шумятъ, кричатъ. Я не вслушивался въ ихъ рѣчи, велѣлъ дать себѣ полштофа сивухи, сѣлъ въ сторонѣ, началъ пить — и хмѣль-то не беретъ! Погода стояла пасмурная, сырая. Я глядѣлъ на небо, и мнѣ казалось, что и Господь милосердый на меня гнѣвается, посылая мрачное небо въ день моего несчастья. . .

Тутъ началъ я вслушиваться въ споръ и крикъ мірской сходки, и услышалъ, что рѣчь идетъ о рекрутской очереди съ нашей деревни.

«Оканчивай скорѣе, разбойники!» кричалъ Засѣдатель, стуча объ столъ, поставленный подлѣ питейнаго дома. — «Не то, перекую полдюжины, половинѣ деревни обрѣю бороды, всѣхъ повезу въ городъ!» Братъ Василій кричалъ пуще другихъ, потому, что на нашу семью выпадалъ рекрутъ, какъ понялъ я изъ всей этой сумятицы.

Надобно знать Вашему Благородію, что въ то время рекрутская раскладка была темнѣе дремучаго лѣса. Теперь совсѣмъ не то, а вѣдь это было давно. И сами подьячіе не умѣли тогда хорошенько разбирать, потому, что считали по пальцамъ, да по биркамъ. Василій спорилъ, что Староста налыгаетъ на насъ; кончилось тѣмъ, чѣмъ оканчивались у насъ всѣ споры— дракою. За Василья принялось много

рукъ. Въ это время сидѣлъ я и думалъ: » Да не Божій-ли голосъ слышишь ты, Сидоръ? Вѣдь ужь твоей жизни краше этого не бывать, какова она теперь? Дуняшѣ не вставать съ смертнаго одра, а безъ нея, что ты будешь? И гдѣ надежда, чтобы вамъ поправиться какъ нибудь? Замѣни своей головой добраго человѣка — послужи Матушкѣ Государынѣ » — тогда еще царствовала Ея Императорское Величество, Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна. « Если и неправо наклепываютъ на насъ очередь—не сегодня, такъ завтра: ты избавишь отъ солдатства брата и племянниковъ. А останешься ты въ деревнѣ—видимое дѣло, что сопьешься ты съ круга, и будешь позоромъ цѣлаго міра...

— Стой! вскричалъ я, бросаясь въ толпу и расталкивая мужиковъ— стой! Бери меня, если цѣлый міръ говоритъ, что съ насъ очередь рекрутская!

Засѣдатель выпучилъ глаза, а мужики въ одинъ голосъ закричали: « Вѣстимо, что за вами очередь — вотъ тебѣ Богъ порукой! — Иди, Сидорка, коли не кого нанять!»— У Василья брызнули слезы изъ глазъ; онъ обнялъ меня и завопилъ: « Охъ! очередь-то за нами; да вѣдь я для того спорилъ, чтобы ты успѣлъ убѣжать, да спрятаться — а ты самъ въ руки отдаешься!» — Если міръ православный не лжетъ—промолвилъ я—такъ прятаться нѣчего; видно, такъ Богу угодно! — « Да съ кѣмъ-же я-то останусь: одинъ я какой работникъ; мачиха стара, жена пьяница, дѣти малы — не ра-

стутъ, бѣсенята!» — Работникъ былъ-бы я и безъ того плохой — отвѣчалъ я—прощай, братъ! Похорони только Дуняшу мою, когда приберетъ ее Богъ, а обо мнѣ не заботься! —

—Ну! полно разтобарывать! Тотъ что-ли это мужикъ? Отвѣчай, да куй его!—вскричалъ Засѣдатель.— «Не надобно, не убѣгу — сказалъ я.» — Да, не убѣжишь! Знаемъ мы вашу братью, охотниковъ! Теперь-то, съ пьяныхъ глазъ, ты ладно говоришь, а какъ протрясетъ тебя дорогой, такъ и будешь, словно коза, вытараща глаза, въ лѣсъ смотрѣть! — «Я не пьянъ.» — Да, коли есть ужъ такая *повсденція*, чтобы рекрута ковать, такъ, какъ-же ты смѣешь противиться приказанію Начальства, негодяй? —

« Ребята ! » сказалъ я, подумавши, « куйте меня, хоть по рукамъ и по ногамъ, только дайте мнѣ сходить проститься съ женою. » — Позволяется ! — вскричалъ Засѣдатель, и принялся за штофъ, а я пошелъ домой, и за мной поплелась вся мірская громада. Мать уже слышала о моемъ рѣшеніи, выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу, бросилась на шею, заревѣла : « Охъ, ты, мое милое дитятко! на кого ты меня покидаешь; и не любишь ты родной матушки, коли самъ идешь охотою въ службу Царскую ! » — Не охотой иду, а потому, что очередь наша, матушка ; и не брату-же Василью идти, когда у него дѣтей куча, а у меня Богъ прибралъ послѣдняго ! » — Такъ за этихъ-то бѣсенятъ идешь ты, мое дитятко ? Да, подави ихъ всѣхъ горой ; да лопни они, собаки ; да,

чтобы имъ и на томъ свѣтѣ части не было! И какая наша очередь? Кто говоритъ?» — Я говорю—отвѣчалъ Староста, подпираясь обѣими руками — и міръ говоритъ! — «А вотъ я тебѣ дамъ очередь, воръ ты, пьяница, разбойникъ, конокрадъ! — Послѣднее взбѣсило Старосту; но мать моя уже вцѣпилась ему въ бороду, крича: «Помогите, православные, управиться съ воромъ, съ разбойникомъ!» — Кто шумѣлъ, кто бранился, кто пѣлъ, кто смѣялся въ это время. Я выцапалъ кое-какъ Старостину бороду изъ рукъ матери, уговаривалъ старуху. Она повалилась на землю, ревѣла и причитала, а я пошелъ въ хату. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я много бабъ и старухъ; онѣ голосили на распѣвъ, попивая сивуху; въ углу старая вѣдьма кроила саванъ. Ничего

не чувствовалъ я въ это время, даже и не плакалъ, хоть и понималъ, что это значитъ покойника. Теперь даже, теперь мнѣ горьше, когда вспоминаю объ этомъ, а, право, тогда легче было! — «Что,» спросилъ я, «что такое? Аль Дуняша отдала душу Богу?» — Нѣтъ еще; да ужъ только что дышитъ— отвѣчали мнѣ. Тихо подошелъ я къ подмосткамъ, гдѣ лежала она, навзничъ, блѣдная, худая, изуродованная оспою, и едва дышала, безъ памяти и безъ словеси....

И это была моя Дуняша, моя красивая, здоровая лебедка, звѣздочка изъ двухъ деревень! «Прощай до свиданья,» прошепталъ я, «прощай моя Душечка! Не видала ты со мной красныхъ дней, да не видалъ ихъ и я, и не увижу.... Охъ! куда-то приведетъ меня Гос-

подь — когда-то и меня успокоитъ Онъ, какъ тебя успокоиваетъ.»..

Ничего не слыхала она, ничего не чувствовала. «Готовъ!» отвѣчалъ я, слыша, что меня зовутъ съ улицы; вошелъ въ избу; помолился въ землю передъ иконою, поклонился еще разъ Дунягиѣ, и опрометью бросился въ тѣлегу, крича: «Пошелъ, ступай!» Мужики заорали, зашумѣли; все было готово; явился и Засѣдатель; мы пустились въ путь. Братъ Василій, и мать моя, и дѣтишки Василья гнались за тѣлегой, крича: «Постой дитятко! Постой братъ! Постой, дядюшка! Простись еще разъ съ нами; прими еще благословеніе!»— Надобно остановиться, сковать его — кричалъ Засѣдатель. — «Тамъ остановимся, у кабака; вы выпьете на дорогу, а меня скуютъ!»—Ну!

такъ вези-жъ до ближней деревни— кричалъ Засѣдатель — свяжи покамѣстъ кушаками!»—Мы пустились за его повозкой; за нами Староста и отдаточные выборные. Вся деревня столпилась на улицѣ, и я увидѣлъ, что не совсѣмъ-то худую память по себѣ оставляю, хоть и жилъ горемыкой. «Прощай, Сидорка! Прощай братъ!» кричали со всѣхъ сторонъ, становились на колеса тѣлеги, и обнимали, цѣловали меня, какъ будто всѣ были закадычные друзья мои. — «Ребята! не поминайте лихомъ!» говорилъ я. Тутъ мать и братъ догнали меня, и повисли у меня на шеѣ. Едва могли оттащить старуху, которая голосомъ вопила: «Заройте меня скорѣе въ мать сыру-землю! Засыпьте мои ясныя очи пескомъ разсыпчатымъ! Ходите по моей могилкѣ,

тоπчите мое решиво сердце!» — Мы выѣхали изъ деревни, и—вскорѣ родина моя скрылась въ вечернемъ туманѣ — и ничего у меня не осталось на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ горя моего, спутника моего неразлучнаго!

Конецъ первой части.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ.

БЫЛИ И ПОВѢСТИ,

сочиненныя

Николаемъ Полевымъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА,
въ типографіи Августа Семена,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. Декабря 3 дня 1833 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

Ich kenn ihn lang, er ist so leicht zu kennen,
Und ist zu stolz sich zu verbergen. Bald
Versinkt er in sich selbst, als wäre ganz
Die Welt in seinem Busen, er sich ganz
In seiner Welt genug, und alles rings
Umher verschwindet ihm. Er läßt es gehn,
Läßt's fallen, stößt's hinweg und ruht in sich —
Auf einmal, wie ein unbemerkter Funke
Die Mine zündet, sey es Freude, Leid,
Zorn oder Grille, heftig bricht er aus:
Dann will er Alles fassen, Alles halten,
Dann soll geschehn, was er sich denken mag;
In einem Augenblicke soll entstehn,
Was Jahre lang bereitet werden sollte,
In einem Augenblick gehoben seyn,
Was Mühe kaum in Jahren lösen könnte.
Er fordert das Unmögliche von sich,
Damit er es von Andern fordern dürfe.
Die letzten Enden aller Dinge will
Sein Geist zusammenfassen; das gelingt
Kaum Einem unter Millionen Menschen,
Und er ist nicht der Mann: er fällt zuletzt,
Um nichts gebessert, in sich selbst zurück...

Гёте. Торквато Тассо.

I.

Я жизни сей не рабъ презрѣнный:
Я проводникъ того огня,
Который движетъ всей вселенной
И съ неба льется на меня!

Вельтманъ.

....И такъ я рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ. Уже все было готово для моей поѣздки, когда при-

шелъ ко мнѣ бывшій Уѣздный Казначей нашего города, добрый, почтенный старикъ. Прослуживъ безпорочно лѣтъ сорокъ, онъ жилъ на покоѣ, съ небольшою пенсіею и большимъ семействомъ, довольный тихимъ своимъ жребіемъ. Изъ дѣтей его, два сына служили въ нашемъ городѣ и считались дѣловыми и честными чиновниками; одинъ изъ нихъ былъ уже самъ отецъ семейства. Въ губернскихъ городахъ, обыкновенно, всѣ знакомы между собою, и почти никто не друженъ. Я уважалъ нашего стараго Казначея; въ праздники мы платили другъ другу визиты; иногда и въ будни бывалъ я у него, а онъ у меня. Тѣмъ ограничивались всѣ наши отношенія. Мы обыкновенно и всего чаще говаривали о погодѣ, о новостяхъ. Старикъ любилъ читать Газеты, пить

чай въ дружескомъ кругу, любилъ выкурить трубку табаку, и потолковать о перемѣнахъ Министровъ и государственныхъ чиновниковъ. Онъ служилъ нѣкогда при Графѣ Безбородко: это было безконечнымъ предметомъ для его разсказовъ. Въ теченіе 30-ти лѣтней жизни и службы въ провинціи, старикъ не могъ отвыкнуть отъ всегдашней поговорки своей: «*У насъ въ Петербургѣ — у нашего Графа Александра Андреевича*...» — *Мы Петербургскіе*, прибавлялъ онъ, съ особеннымъ удовольствіемъ.

«Я зашелъ къ вамъ на минутку» — сказалъ онъ мнѣ — «и ни мало не задержу васъ.»

— Всегда радъ вамъ сердечно.

«Рады, я увѣренъ; но при отъѣздѣ бываетъ много хлопотъ — не буду мѣшать, и разскажу коротко въ

чемъ дѣло: сдѣлайте мнѣ большое одолженіе, если только это не отяготитъ васъ.

— Прошу васъ только сказать мнѣ.

«Все дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что вотъ письмо къ младшему сыну моему, живущему въ С. Петербургѣ.

— Я и не зналъ, что у васъ сынъ служитъ въ Петербургѣ.

«Ахъ! если-бы *служилъ*, я и не утруждалъ-бы васъ. А то, Богъ знаетъ, какъ вамъ и сказать....

— Развѣ вы имъ недовольны... если только этотъ вопросъ не нескромность съ моей стороны. —

«Помилуйте! Любя и уважая васъ, какъ человѣка *солиднаго* и *степеннаго*, я именно *васъ* хотѣлъ просить, чтобы вы узнали въ Петербургѣ поподробнѣе о моемъ сынѣ. Въ прош-

ломъ году я просилъ было объ этомъ нашего почтеннаго Г-на Прокурора, когда онъ ѣздилъ въ Петербургъ; но ему было нѣкогда. Онъ послалъ письмо мое съ своимъ человѣкомъ, и велѣлъ сынишку моему придти къ себѣ, а тотъ не пришелъ. Нынѣ ѣздилъ въ Петербургъ почтеннѣйшій Г-нъ Почтмейстеръ; но забылъ письмо мое дома, не зналъ адреса, и не видалъ моего сына. Впрочемъ, всякій ѣдетъ въ Петербургъ съ своими хлопотами. Вѣдь у насъ въ Петербургѣ бездѣльниковъ нѣтъ. Если уже кому нибудь и въ самомъ дѣлѣ нѣчего дѣлать— ну, такъ, по крайней мѣрѣ, показываетъ, что будто дѣлаетъ что нибудь. А съ этимъ соображается всякій, кто пріѣзжаетъ въ Петербургъ.»

Признаюсь, какъ ни уважалъ я

стараго Казначея, но, порученіе его было мнѣ непріятно. Я думалъ, что онъ заставитъ меня искать по Петербургу какого нибудь молодаго повѣсу, отставнаго Корнета, или Коллежскаго Секретаря, шалуна, препоручитъ мнѣ усовѣщивать его, приводить на путь правый....

Можетъ быть, старикъ замѣтилъ непріятное выраженіе на лицѣ моемъ. Онъ было опустилъ уже руку въ карманъ свой, чтобы вынять письмо, и вдругъ остановился.

— Впрочемъ, если вамъ нѣкогда будетъ заняться моею просьбою — сказалъ онъ — то, будьте только откровенны, я не обременю васъ....

«О, нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчалъ я. «Пожалуйте мнѣ ваше письмо. Вы знаете, что я долженъ прожить въ Петербургѣ долго, и времени свободнаго будетъ у меня немало.

— Ахъ, сударь! не будучи сами отцомъ, вы не можете судить о чувствѣ родительскаго сердца, когда отецъ ничего не знаетъ объ участи своего сына! — Слезы навернулись на глазахъ старика. — Двое дѣтей со мною, и, нѣчего сказать, утѣха моя на старости, кормильцы моей дряхлости; а вѣдь я самъ чувствую, что люблю моего вѣтренника Петербургскаго болѣе ихъ....— Старикъ вынулъ изъ кармана клѣтчатый бумажный платокъ и утеръ глаза. — Вотъ уже болѣе года отъ него нѣтъ даже писемъ!

Мнѣ стало совѣстно. Мгновенный порывъ эгоизма разсѣялся, когда я увидѣлъ отца, плачущаго о миломъ, можетъ быть, погибшемъ сынѣ. «Пожалуйте мнѣ ваше письмо» — сказалъ я съ жаромъ — «и вѣрьте, что вы получите отъ меня вѣрныя свѣ-

дѣнія о сынѣ вашемъ. Если я могу чѣмъ нибудь быть ему полезнымъ, то готовъ употребить всѣ силы.»

— Благодарю васъ. Вы утѣшаете меня словами вашими. Но я прошу только одного: откровенности вашей. Повидайтесь съ сыномъ моимъ, поговорите съ нимъ, наблюдите за нимъ, и потòмъ скажите мнѣ безъ закрышки и добро и худо. Но помощи вашей никакой не надобно. Я знаю моего вѣтренника: онъ будетъ умирать съ голода, а пособія не приметъ ни отъ кого; при всемъ добромъ сердцѣ своемъ, онъ не послушается ни чьихъ совѣтовъ. Если-бы только зналъ я, что ему есть нужда, то послѣднее послалъ-бы къ нему. Но это будетъ безполезно: онъ отошлетъ назадъ. Да, я-же и не вѣдаю: гдѣ онъ, и чтò онъ!

«Вы изумляете меня. Если онъ такъ благороденъ и гордъ, то почему-же вы безпокоитесь о немъ? Изъ первыхъ словъ вашихъ можно-бъ было заключить, что сынъ вашъ какой нибудь шалунъ...»

— О, нѣтъ, сударь, но....— Старикъ вздохнулъ. — Боюсь, что ему худо жить на бѣломъ свѣтѣ! У насъ въ Петербургѣ не житье людямъ, подобнымъ Аркадію моему....

«Но для чего-же вы отправили его въ Петербургъ?»

— Его вырвали у меня—онъ самъ вырвался у меня! Богъ судья покойнику, Его Превосходительству Григорью Григорьевичу: сбилъ съ толку моего сынишка и меня!

«Стало быть, сынъ вашъ уже давно находится въ Петербургѣ? Григорій Григорьевичъ былъ у насъ Губернаторомъ лѣтъ десять тому.»

—Нѣтъ! пятнадцать минетъ о Петровѣ дни, какъ онъ уѣхалъ, и вотъ уже пять лѣтъ, какъ онъ изволилъ скончаться. Можно-ли было не послушаться! Мы съ Его Превосходительствомъ были, изволите видѣть, сослуживцы, и вмѣстѣ служили у нашего Графа. Ему повезло: уменъ былъ; я не пошелъ въ гору: уѣхалъ сюда, женился. Но когда потомъ Его Превосходительство изволилъ пріѣхать къ намъ Губернаторомъ— вѣдь не забылъ, сударь, онъ стараго сослуживца! Бывало всегда, такъ ко мнѣ милостивъ: всегда изволитъ говорить со мною, когда пріѣдемъ бывало къ нему въ большой праздникъ. Да, сударь, дай Богъ ему царство небесное! не гордился онъ со мною! И Г-нъ Вице-Губернаторъ стоитъ, да щиплетъ плюмажикъ; и Г-нъ Прокуроръ ру-

ки *по швамъ;* а меня за руку, и начнетъ: «Что̀, братъ Иванъ Перфильевичъ? Какъ поживаешь? Ну, что̀ у тебя въ Казначействѣ? Не развелось-ли много крысъ?» Зависти-то сколько было, когда онъ взялъ къ себѣ моего Аркадія! А вотъ, люди не знаютъ, чему завидуютъ!

«Но, вѣроятно, Григорій Григорьевичъ видѣлъ необыкновенныя способности вашего сына и хотѣлъ доставить ему хорошее мѣсто?»

— Да, вѣдь онъ и не думалъ опредѣлить его въ службу.

«Какъ? Что̀ это значитъ? Для чего-же онъ взялъ его съ собою?

— И самъ растолковать вамъ хорошенько не умѣю! У моего Аркадія совсѣмъ не было отличныхъ способностей; грамотѣ учился онъ плохо; нрава съ малолѣтства былъ пре-

чуднаго: нелюдимъ и вѣтренникъ, шалунъ и плакса.... Одно только и было его любимое занятіе: писать картинки. Славно писалъ онъ ихъ, нигдѣ не учась: самъ, сударь, выучился! Богъ открылъ ему дарованіе. Его Превосходительство полюбилъ Аркадія; сначала только призывалъ его къ себѣ; потомъ онъ по недѣлѣ проживалъ у него иногда на дачѣ, а наконецъ всегда бывалъ съ нимъ; прогуливаются, бывало, вмѣстѣ, по лѣсамъ, по полямъ. Я не узнавалъ моего Аркадія: онъ сдѣлался тихій, смирный такой. Наконецъ, Его Превосходительство потребовалъ у меня Аркадія съ собою, когда изволилъ быть переведеннымъ въ Петербургъ. Я было сначала не соглашался. Какъ теперь помню: призвалъ меня къ себѣ Его Превосходительство; Аркадій стоитъ пе-

чальный у окна, а Его Превосходительство, въ первый разъ, началъ со мной говорить не шутя, и такъ, какъ никогда еще не говаривалъ. Я ничего изъ словъ его не понималъ. «Можетъ быть, сынъ твой переживетъ тебя, и меня, и весь твой городъ и вѣкъ нашъ!» говорилъ онъ. «Ты хочешь сдѣлать изъ него подъячаго, и не понимаешь божественной силы, какая заключена въ душѣ его!» Ну, и прочее, и прочее, что я со страха едва разслушалъ. Глаза Его Превосходительства были страшны. Я видѣлъ, что онъ разсерженъ — нѣчего сказать — испугался! Аркадій уѣхалъ съ нимъ и поселился въ Петербургѣ. Право, ужъ не умѣю сказать: чему онъ все это время учился. Да вотъ, сударь, что̀ значатъ людскія намѣренія! Его Превосходительство сказалъ мнѣ,

что обезпечитъ будущую судьбу моего сына, а это были только пустыя слова. Его Превосходительство скоропостижно скончался. Я знаю, что Аркадій былъ его другомъ и любимцемъ до самой смерти; что Григорій Григорьевичъ опредѣлилъ его въ Главное Училище Живописи. Но какъ-бы это ни было, а Его Превосходительство ничего не оставилъ моему сыну. Я писалъ къ Аркадію объ этомъ, и—позвольте: вотъ со мною отвѣтъ Аркадія. Посудите, что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать?—

Слова старика возбуждали во мнѣ сильное любопытство. Я взялъ письмо. Оно было написано связнымъ, но смѣлымъ, округлымъ почеркомъ, и прямо на-бѣло, ибо нѣсколько помарокъ показывали, что его не приготовляли на досугѣ, что оно вылилось на бумагу прямо изъ серд-

ца. Вотъ оно, слово въ слово; я выпросилъ его у старика:

«Послѣднее письмо ваше, любезный родитель, опечалило меня, а приписка братьевъ еще болѣе. Простите, если буду съ вами откровененъ. Вы изволите спрашивать, почему увѣдомляя васъ о моемъ несчастіи, кончинѣ моего благодѣтеля, я ничего не сказалъ о томъ: исполнилъ-ли онъ свое слово, и наградилъ-ли меня чѣмъ нибудь въ своей духовной? Къ этому присовокупляете вы сожалѣніе, и поставляете Бога судьею, если благодѣтель мой не исполнилъ даннаго вамъ слова. Слова ваши растерзали мое сердце. Если-бы вы не были моимъ отцомъ, отцомъ всегда для меня незабвеннымъ, обожаемымъ мною, я ничего не отвѣчалъ-бы вамъ, и — клянусь Богомъ — не только никог-

да не писалъ-бы я къ вамъ болѣе, но никогда и не встрѣтился-бы съ человѣкомъ, написавшимъ мнѣ письмо, подобное вашему! На колѣняхъ прошу прощенія вашего, если слова мои покажутся вамъ дерзки. Но я со слезами молю Бога простить несправедливый ропотъ вашъ, и то оскорбленіе, какое нанесли вы ропотомъ вашимъ священной для меня тѣни моего благодѣтеля! Правда, онъ мнѣ не оставилъ ничего по духовной—если это угодно вамъ знать—ничего потому, что не думалъ о своей духовной. Кончина его была неожиданная. Но неуже-ли тогда только былъ-бы онъ моимъ истиннымъ благодѣтелемъ, когда далъ-бы мнѣ кусокъ *насущнаго хлѣба?* Неуже-ли только деньгами могъ онъ оказать мнѣ благодѣянія? Не знаю, чѣмъ не обязанъ я ему; не знаю,

что̀ былъ-бы я, если-бы Провидѣніе не привело меня при началѣ жизни моей къ этому спасителю, ангелу хранителю моему! Если я еще живу, если я чувствую бытіе мое, всѣмъ этимъ ему одному я обязанъ—ему и никому болѣе! Еще разъ, простите мнѣ, любезный родитель! Пишу, что сказываетъ мнѣ сердце мое; не смѣю перечитать написаннаго, но не въ силахъ писать къ вамъ иначе. Можетъ быть, мы не поймемъ другъ друга; но я знаю добродѣтельную душу вашу, знаю ваше чистое, святое сердце, и къ нимъ отношусь я. Прошу васъ обо мнѣ не безпокоиться. Руки и голова у меня здоровы, и я не умру съ го̀лода. И въ этомъ случаѣ, невольно, обращаюсь я къ припискѣ братьевъ моихъ. Имъ угодно пенять, что я не пишу къ нимъ

ничего о своихъ обстоятельствахъ, что я дѣлаю и гдѣ я нахожусь. Имъ угодно осуждать меня въ какой-то безпечности, въ какой-то вѣтренности. Желаю имъ счастья, и только одно напомню: просилъ-ли я у нихъ хотя какого нибудь пособія, съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ ними? Смѣю увѣрить ихъ, что никогда и впередъ въ тягость имъ не буду. Горекъ хлѣбъ чужой, но отъ роднаго, который напоминаетъ намъ, что насъ кормитъ — это не полынь, а ядъ! Правда, что донынѣ я еще не могъ быть полезнымъ вамъ, любезный родитель: это сокрушаетъ меня, и одно изъ пламенныхъ желаній моихъ есть то, чтобы Богъ привелъ меня нѣкогда успокоить старость вашу. Братья мои обладаютъ уже этимъ счастіемъ, и неуже-ли не понимаютъ они

цѣны его? Осмѣливаюсь думать и надѣяться, что Богъ пособитъ мнѣ нѣкогда быть вамъ полезнымъ—можетъ быть, болѣе ихъ. До тѣхъ поръ, желаю, чтобы другія дѣти ваши превзошли меня въ горячей молитвѣ, какую возсылаю я къ Богу за вашу драгоцѣнную жизнь, въ любви и почтеніи, какими преисполнена къ вамъ душа моя.»

—Ну, вотъ, сударь, такія-то письма присылалъ всегда ко мнѣ мой Аркадій! Чтò прикажете мнѣ думать о немъ и чтò съ нимъ дѣлать?

«Ничего, почтенный человѣкъ, ничего! Можете быть увѣрены, что вашъ Аркадій есть чистая, свѣтлая душа....»

—О душѣ-то я и не спорю; да голова-то у него...—Старикъ про-

велъ указательнымъ пальцемъ по головѣ своей. — И вотъ уже прошло съ годъ, какъ я вамъ докладывалъ, онъ вовсе ко мнѣ не пишетъ. При томъ, чистая душа не помѣшаетъ быть вѣтренникомъ и умереть съ голода, если мы будемъ только, знаете, летать по поднебесью и забывать о землѣ. Боюсь, сударь, я: не скрываютъ-ли чего нибудь отъ меня? Живъ-ли онъ? Не знаю и того, что̀ теперь дѣлаетъ онъ въ Петербургѣ? Въ послѣднемъ письмѣ писалъ онъ, что хочетъ ѣхать за границу, и поѣдетъ на счетъ Главнаго Училища Живописи.... Объ этакихъ людяхъ говаривалъ нашъ Графъ Александръ Андреевичъ....

« Успокойтесь; вѣрьте, что я увижусь съ сыномъ вашимъ, и обо всемъ васъ увѣдомлю,» возразилъ я,

съ невольнымъ чувствомъ. «Но на письмѣ вашемъ нѣтъ адреса?»

Старикъ опустилъ голову, помолчалъ, и сказалъ потомъ печально: — Я не знаю, гдѣ теперь живетъ мой Аркадій! Съ тѣхъ поръ, какъ его выключили изъ Главнаго Училища Живописи...

«*Выключили!* Давно-ли?

— Да будетъ съ полгода, сударь, какъ говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ проѣзжавшій здѣсь чиновникъ, который знаетъ всѣхъ главныхъ учителей въ Училищѣ Живописи — выключили за ссоры, за безпокойный характеръ! Вотъ, видите, что все это должно тревожить меня, какъ отца, нѣжно любящаго! Ахъ, ради Бога, сударь! Вы не сдѣлаете такъ, какъ Г-нъ Прокуроръ и Г-нъ Почтмейстеръ нашъ! Узнать объ Аркадіи всего вѣрнѣе можно

въ домѣ Г-на N. N., человѣка почтеннаго, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера, моего стараго сослуживца, къ которому всегда ходитъ Аркадій.

Мы разстались. Разговоръ съ старымъ Казначеемъ растрогалъ меня. Мнѣ нетерпѣливо захотѣлось узнать его страннаго сына, въ которомъ я не могъ дать самъ себѣ отчета. Признаюсь: молодой человѣкъ, бывшій любимцемъ умнаго и добродѣтельнаго чудака, нѣсколько времени находившагося Губернаторомъ въ нашемъ городѣ, и писавшій послѣ смерти его письмо, читанное мною, не могъ быть ничтожнымъ вѣтреникомъ, или шалуномъ, не отличеннымъ какимъ нибудь высокимъ дарованіемъ. Но, если, по Русскому обычаю, онъ, какъ художникъ, подвергался какой нибудь не-

счастной слабости, или дарованія его затмѣвались примѣсью чего либо недостойнаго высокихъ дарованій? Если онъ былъ нѣчто *недоконганное*, съ душею великою, но лишенною средствъ достигнуть своего назначенія — созданіе малодушное, робкое, безразсудное? Словомъ: мнѣ, по крайней мѣрѣ, весьма любопытно было узнать Аркадія. «Только *любопытно?*» скажете вы. — Что-жь дѣлать! Въ мои годы перестаютъ уже *любить* психологическія странности, любить только за то одно, что онѣ странны. Это чувство проходитъ съ годами. Невольно дѣлаешься эгоистомъ въ сорокъ лѣтъ, отдружившись, отлюбивши на свой участокъ. Притомъ, жизнь въ провинціи бываетъ такая положительная, и приводитъ въ такое оцѣпенѣніе чувства души....

Общее повѣрье, что въ сорокъ лѣтъ надобно быть *степеннымъ* и *солиднымъ*, какъ называлъ меня старый Казначей, и какимъ я почиталъ себя — все это холодило мое участіе, и превращало его — признаюсь — только въ простое любопытство, но сильное и живое.

Дня черезъ два по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я увидѣлъ, что мнѣ придется долго, годъ или болѣе, прожить въ сѣверной Пальмирѣ, (такъ называютъ Петербургъ, хотя не понимаю почему, ибо пески Сиріи столько-же не походятъ на болота Ингерманландіи, сколько развалины Пальмиры на великолѣпный Петербургъ). Мысль объ Аркадіи мелькнула въ головѣ моей. Воспоминаніе о разговорѣ съ его отцомъ, и письмѣ, читанномъ мною, во всю дорогу не оставляло меня.

Прежде всего отправился я къ Г-ну N. N.—На порогѣ небольшаго, опрятнаго дома, въ Грязной Колокольной улицѣ, встрѣтился со мною человѣкъ, сухощавый, въ вицъ-мундирѣ, съ Аннинскимъ крестомъ на шеѣ, съ Владимірскимъ въ петлицѣ. Спрашиваю у него о Г-нѣ N. N. — «Это я самъ» — отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ. «Что вамъ угодно?»— Я желалъ-бы узнать, М. Г., гдѣ живетъ нѣкто Аркадій.....—Лицо Г-на N. N. покосилось. — «Этого я не могу сказать, М. Г.» — угрюмо проворчалъ Г-нъ N. N. — Но мнѣ говорилъ отецъ его, что вы съ нимъ хорошо знакомы. — «Отецъ его говорилъ вамъ несправедливо, М. Г. — Я точно позволялъ этому молодому человѣку посѣщать домъ мой, и Аркадій точно бывалъ у меня прежде, но уже бо-

лѣе года я съ нимъ не вижусь.» Г-нъ N. N. приподнялъ шляпу, и хотѣлъ идти. — По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ узнать объ этомъ молодомъ человѣкѣ. — «Извините, я спѣшу къ должности, и мнѣ нѣкогда. Спросите о немъ въ Главномъ Училищѣ Живописи.» Г-нъ N. N. сухо поклонился и ушелъ. — Начало плохое — подумалъ я. Отзывъ его объ Аркадіи не рекомендуетъ молодаго человѣка. Мы такъ привыкли къ *рекомендаціи*, этому адресному билету общества, что прежде всего по ней начинаемъ судить о человѣкѣ, не думая, кто подписалъ его адресный билетъ. И такъ, Аркадій, вѣрно, какой нибудь вѣтренникъ и шалунъ? «Но этой-ли сухой рожѣ повѣрю я, хотя она принадлежитъ Коллежскому Совѣтнику и Кавалеру! Знаю я васъ;

господа!» — сказалъ я, съ досадою стуча въ камни мостовой моею палкой. Странное дѣло: свиданіе съ Г-мъ N. N., напротивъ усилило желаніе мое узнать Аркадія! Но гдѣ искать его? подумалъ я, и послалъ служителя спрашивать въ Главномъ Училищѣ Живописи. Онъ не добился толку. Старый учитель тамошній качалъ головою, слыша вопросы объ Аркадіи. Онъ началъ расспрашивать служителя обо мнѣ; узналъ, что я пріѣзжій помѣщикъ, и проч. и проч. «На что же твоему барину этого молодца?» спросилъ онъ наконецъ. «Если заказать портретъ, такъ вотъ тебѣ, братецъ, лучше, адресъ моего отличнаго ученика Чистомазова.» — Нѣтъ, сударь, не портретъ заказать, а есть у барина къ Г-ну Аркадію письма отъ отца его. — Отъ отца? Ну, не порадуется твой

баринъ новому знакомству! Не знаю, братецъ, не знаю, гдѣ онъ живетъ. Да и никто этого у насъ не знаетъ. Онъ перемѣняетъ по три квартиры въ годъ, а иногда и болѣе.

По обыкновенію Русскихъ слугъ, мой служитель передалъ мнѣ разговоръ слово въ слово, съ прибавленіемъ: *дескать* и *молъ*. — «Плохо!» подумалъ я — «и тутъ его не любятъ!» Въ тотъ-же день отправился я въ Эрмитажъ. Вдругъ мнѣ пришло тамъ въ голову: спросить объ Аркадіи у одного старика живописца, который, смотря въ большія очки, съ помощію молодаго ученика своего списывалъ одну изъ огромныхъ картинъ Каналетти.

«Вотъ, сударь, въ десятый разъ списываю эту картину» — сказалъ мнѣ старикъ, когда я началъ съ

нимъ разговоръ объ его работѣ — «въ десятый!»

— Можетъ быть, вы находите въ ней какое нибудь высокое достоинство, судите о ней, какъ опытный художникъ, и стараетесь особенно изучить ее.

«О нѣтъ!» въ замѣшательствѣ отвѣчалъ старикъ. — «Я, конечно, сударь, старый художникъ, понимаю красоты этой картины, и двѣ или три копіи сдѣлалъ съ нея, въ самомъ дѣлѣ, совершенныя. Но эту копію дѣлаю я, какъ простой мазилка.

— Какъ это?

«А вотъ видите—не прикажетесли табачку?» — Онъ открылъ свою золотую табакерку. — «Славный художникъ, извѣстный нашъ декоратёръ Бестіаго, говаривалъ: *злава злавой, а теньга теньгой!* Про-

сто, дѣлаю, сударь, я эту копію наскоро, для любителя одного, которому все равно, худо-ли, хорошо-ли сдѣлано. Въ недѣлю, и то вотъ этотъ молодой человѣкъ перемажетъ, а я поправлю, и возьму добрыя деньги. Видите: я прославился копіями съ Каналетти, и мнѣ ихъ всегда заказываютъ. А между тѣмъ, этотъ молодецъ учится, привыкаетъ, а со временемъ самъ станетъ копировать не хуже моего!» Молодой ученикъ покраснѣлъ и отворотился. Старикъ не замѣчалъ этого, и продолжалъ: «Я, сударь, вѣрю тому, что было напечатано нѣкогда въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности*, именно словамъ великаго Бюффона: геній есть терпѣніе въ высочайшей степени. Истинно такъ! И это стараюсь я внушить ученикамъ своимъ. Про меня самого

говаривали смолода*, что будто у меня вовсе нѣтъ дарованія. Но я, сударь, дарованіе свое высидѣлъ, какъ курица цыпленка.»

— Вы, конечно, членъ Главнаго Училища Живописи?

«Къ вашимъ услугамъ: я тамъ старшій учитель по Пейзажной Живописи. У насъ вѣдь все раздѣлено на разряды, и кому что опредѣлено, тотъ тѣмъ и занимается, а въ другую часть не забѣгаетъ.»

— Не былъ-ли у васъ ученикомъ Аркадій.....?

«Воспитанникъ покойнаго Генерала ***? Какъ-же, сударь, былъ!»

— Скажите: гдѣ онъ теперь? Мнѣ любопытно знать о немъ.

«Вотъ ужъ этого порядкомъ сказать вамъ не могу. Онъ, лѣтъ съ пять, думаю, какъ вовсе пересталъ учиться у насъ. При сильномъ покрови-

тельствѣ своего Генерала, и прежде почти всегда находился онъ въ отпуску, и только числился при Училищѣ.»

— Я слышалъ, что недавно его совсѣмъ выключили?

«Нѣтъ! Онъ самовольно вышелъ, а потому аттестата и званія отъ насъ не получилъ. Вы его знали?»

— Нѣтъ!

« О, сударь, залетная голова! мальчикъ не дуракъ! То есть, я вамъ скажу, если-бы этотъ человѣкъ былъ поумнѣе, такъ изъ него вышелъ-бы второй Лосенко въ Русской Живописи. Но онъ сбился съ толку, и мы, признаться, чтобы его опасный примѣръ не испортилъ другихъ, старались понемногу выживать его.»

— А не потому, чтобы у него дарованія не было?

«Нѣтъ! дарованіе у него было-бы, потому, что д рованіе развивается, М. Г., наукою, и собственно наука, у нашей ратьи художниковъ, есть истинное дарованіе. Живописца тогда узнаете, будетъ-ли онъ хорошій живописецъ, когда онъ кончилъ курсъ Живописи. Вотъ, напримѣръ, и въ стихотворствѣ: какъ узнать дарованіе, если стихотворецъ не выучился стихи писать, и хоть чего нибудь не написалъ — Поэмы что-ли — ну, или тамъ Трагедіи какой — или Комедіи.»

— Изъ словъ вашихъ можно замѣтить, что Аркадій, если и имѣетъ дарованія, то характеръ у него дурной.

«Престранный, сударь, у него характеръ — ни добрый, ни худой. Онъ скроменъ, но упрямецъ, тихій, но пребѣшеный! Никогда, бы-

вало, ссоры не заводитъ, а участникъ во всякой ссорѣ. Молчаливъ, а заговоритъ, такъ заслушаетесь. То вдругъ учится прилежно—первый, и досадуетъ; то совсѣмъ не учится — послѣдній, и радехонекъ! Главное, я полагаю, онъ былъ въ дурныхъ рукахъ, у этого Генерала ***, который избаловалъ, испортилъ молодаго человѣка. Этотъ Генералъ *** былъ, сударь, умница, но чудакъ великій. . . . »

Тутъ, какая-то толстая фигура перервала нашъ разговоръ. Старикъ пошелъ съ нею по залѣ, и началъ разговаривать заботливо. Ученикъ его бросилъ кисть, оборотился ко мнѣ, и сказалъ: «Ахъ, сударь! Если вы не знаете Аркадія, не слушайте, что̀ говорятъ о немъ! Аркадій примѣръ доброты, ума и дарованія! Могъ-ли онъ ужиться съ

людьми, которыхъ образчикъ вы сей часъ видѣли!

Глаза ученика сверкали. Боясь ободрить этого молодаго человѣка въ негодованіи, которое столь неосторожно изъявлялъ онъ противъ учителей человѣку неизвѣстному, я сказалъ ему хладнокровно: «Хвалю, что вы заступаетесь за Аркадія; но не совѣтую никогда соединять съ этимъ нескромности на счетъ вашихъ учителей и наставниковъ.»

Бѣдный молодой человѣкъ испугался. «Ахъ, сударь,» сказалъ онъ робко — «не подумайте, чтобы я хотѣлъ осуждать моего почтеннаго наставника; но зачѣмъ-же онъ самъ несправедливъ къ такому человѣку, каковъ Аркадій? Это самая высокая добродѣтель, это божественное дарованіе....»

— Вы знакомы съ нимъ?

«Нѣтъ!.... Не смотря на ласковость Аркадія, я не смѣю ходить къ нему, боясь разсердить моего учителя. Онъ мнѣ строго запрещаетъ; но я знаю, гдѣ живетъ онъ.

— Скажите-же мнѣ. — Я поспѣшно записалъ адресъ Аркадія; старикъ-учитель подходилъ къ намъ; ученикъ схватилъ кисть и началъ работать прилежно. Старикъ казался разсерженнымъ. «Вотъ, братъ, Ваня! Мы съ тобою и въ дуракахъ,» — сказалъ онъ, какъ будто забывши, что я тутъ находился — «въ чистыхъ дуракахъ! Этого проклятаго Каналетти мы съ тобою мажемъ, а вѣдь Палитринъ-то схватилъ получше заказецъ: вѣдь ему отдали скопировать для Графа Капуцинскій монастырь Гранета!» Съ досадой ударилъ старикъ по своей

табакеркѣ. Я ушелъ. Къ Аркадію влекло меня теперь не одно любопытство — эгоизмъ мой уступилъ мѣсто участію.

На другой день явился я въ квартирѣ Аркадія. Онъ жилъ тогда на Мойкѣ, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома. Звоню; мнѣ отворяетъ двери старикъ слуга.

—У себя-ли Аркадій Ивановичъ?— спросилъ я старика.

«Нѣтъ; онъ ушелъ со двора,» отвѣчалъ мнѣ старикъ.

— Очень жалѣю. Когда могу я застать его дома?

« Богъ знаетъ, сударь. Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ дома, но никого не принимаетъ, а иногда по цѣлымъ недѣлямъ его нѣтъ дома съ утра до вечера. Если вамъ угодно сказать ваше имя, такъ я доло-

ложу ему, когда вы изволите пожаловать.»

— Скажи ему, любезный другъ, что приходилъ Мамаевъ, пріѣзжій изъ города N. N., и приносилъ къ нему письмо отъ его батюшки.

«Какъ, сударь?» вскричалъ съ радостію старикъ. — «Вы пріѣхали изъ N. N.? Какъ-же обрадуется Аркадій Ивановичъ! Онъ такъ давно не получалъ писемъ отъ своего батюшки! Ахъ, сударь! пожалуйте завтра! Я ему скажу, и онъ вѣрно будетъ ждать васъ. Или не прикажете-ли записать, гдѣ вы остановились? Онъ тотчасъ явится къ вамъ.

— Не нужно. Вотъ письмо; ты можешь отдать его своему барину, а я завтра приду самъ непремѣнно.

«Ахъ, сударь! какъ вы его обрадуете» — продолжалъ словоохотный

старикъ. — « Здоровъ-ли Иванъ Перфильевичъ ? »

Я видѣлъ, что старикъ нарочно заводитъ рѣчи, желая разговориться со мною. Я не люблю разговоровъ со слугами, и особливо вывѣдываній у слугъ. Но теперь, я не боялся узнать что нибудь худое объ Аркадіи, и поддерживалъ рѣчь со старикомъ. Старикъ смотрѣлъ такимъ честнымъ, добрымъ; онъ съ такимъ восторгомъ упоминалъ о своемъ господинѣ. « Скажи, любезный, что я крайне сожалѣю, не заставши Аркадія Ивановича, и очень желаю съ нимъ короче познакомиться.

— Это не такъ-бы легко было сдѣлать — сказалъ старикъ, улыбаясь — если-бы вы не пріѣхали изъ N. N., и не привезли письма отъ батюшки его. Баринъ мой неболь-

той охотникъ до гостей, если только они не заказываютъ ему работы.

«Вѣроятно, онъ очень занятъ.»

— Да — сказалъ старикъ — онъ, сударь, теперь безпрестанно портреты списываетъ, а картинами не занимается, хотя прежде былъ большой охотникъ, и только ихъ и писалъ.» Тутъ, какъ будто нечаянная мысль мелькнула въ головѣ его. «Пожалуйте сюда, сударь, посмотрите: вотъ его рабочая комната. Не угодно-ли вамъ взглянуть, какъ славно пишетъ Аркадій Ивановичъ?» сказалъ старикъ.

Мнѣ уже такъ хотѣлось поближе узнать Аркадія, что я рѣшился взглянуть на занятія его.

Изъ передней мы вошли въ комнату, гдѣ стоялъ длинный Турецкій диванъ, покрытый старымъ

диванъ, покрытый старымъ ситцемъ; дорогой столъ краснаго дерева придвинутъ былъ къ этому дивану; полдюжины дрянныхъ стульевъ, въ углу богатыя старинныя Вольтеровскія кресла и этотъ столъ составляли странныя противоположности. Въ другомъ углу находилось еще дорогое старинное бюро. Я оглядывался кругомъ. «Это, сударь, у насъ гостиная» — сказалъ старикъ горделиво. «Это бюро, эти кресла и этотъ столъ выпросилъ себѣ Аркадій Ивановичъ отъ наслѣдниковъ покойнаго моего барина, Его Высокопревосходительства Григорія Григорьевича. Въ этихъ креслахъ, старый баринъ всегда изволилъ кушать кофе послѣ обѣда, а на этомъ бюро онъ писывалъ.» Слезы навернулись на глазахъ старика. «Да, сударь, много

добрыхъ дѣлъ было придумано за этимъ бюро..... Аркадій Ивановичъ говоритъ мнѣ всегда: «Семенъ Иванычъ — онъ, сударь, такъ меня называетъ — кто напишетъ на этомъ бюро хоть одну строчку и не сдѣлается добръ, того Богъ накажетъ!» А въ этихъ креслахъ Аркадій Ивановичъ сидитъ, когда ему грустно.»

— Развѣ ему бываетъ и грустно иногда?

«Случается, сударь: человѣкъ-бо есть.»

— Ты доволенъ-ли имъ?

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто говоря: можно-ли объ этомъ спрашивать?

«Онъ выросъ на моихъ глазахъ, у стараго моего барина, сударь» — отвѣчалъ старикъ — «и я не хо-

тѣлъ съ нимъ разстаться, хоть я и вольный человѣкъ. Вотъ, пожалуйте сюда» — сказалъ онъ, отворяя дверь на право.

Я вошелъ въ большую комнату. Тутъ на стѣнахъ висѣло множество эстамповъ безъ рамъ, запыленныхъ, измаранныхъ; на полу разбросаны были свертки бумагъ, палитры, книги; на большомъ столѣ лежало нѣсколько дорогихъ собраній эстамповъ. На окошкахъ стояло нѣсколько прелестныхъ горшковъ съ цвѣтами. Окно, подлѣ котораго работалъ Аркадій, было закрыто дорогимъ транспарантомъ. На пюпитрѣ его лежалъ портретъ немолодой женщины, глупаго вида, почти отдѣланный; сначала я не разсмотрѣлъ ея головнаго убора, и удивился вглядѣвшись: это были ослиныя уши!

— Вотъ, сударь, портретъ Генеральши А. А. — сказалъ мнѣ старикъ. — Говорятъ, что онъ очень похожъ, и Генеральша отъ него въ восторгѣ.

« Я не вижу другихъ работъ твоего господина, » сказалъ я старику.

— А вотъ ихъ цѣлая куча — отвѣчалъ онъ, указывая въ уголъ, на множество холстинъ, натянутыхъ на рамы, большія и маленькія, сброcанныя безпорядочно одна на другую. — Онъ многое началъ и ничего еще не успѣваетъ окончить. Вотъ еще нѣсколько портретовъ; вотъ его эскизы и картоны. — Старикъ указалъ на нѣсколько огромныхъ картоновъ.

Я мимоходомъ взглянулъ на все, и обратилъ вниманіе на большую картину, тщательно закрытую бѣлымъ полотномъ. «Что это?» спро-

силъ я старика. — Картина, которую Аркадій Ивановичъ не велитъ мнѣ трогать. Я не смѣю показать ее вамъ. А вотъ, сударь, взгляните, какая жалость! — Старикъ указалъ на другую большую картину. Это была огромная холстина, въ золотыхъ рамахъ, изрѣзанная ножемъ и закрашенная красками, такъ, что не льзя было разсмотрѣть, что̀ было на ней прежде изображено. « Аркадій Ивановичъ года два писалъ ее, кончилъ, цѣлую недѣлю любовался ею, и вдругъ задумался, взялъ кисть, замаралъ, и потомъ самъ изрѣзалъ ее ножемъ. »

Что̀ сказать мнѣ вообще о мастерской Аркадія? Я видѣлъ какое-то странное смѣшеніе высокаго искусства, шалостей художника, роскоши, безпорядка. Тутъ стояло

нѣсколько золотыхъ богатыхъ рамъ, безъ картинъ; здѣсь было брошено нѣсколько книгъ, одна на другую, полузакрытыхъ, въ пыли; загнутые листы и замѣтки показывали, что ихъ читали внимательно и потомъ бросили, не окончивъ чтенія. Колоссальное изображеніе Кельнскаго Собора (извѣстный эстампъ) висѣло на стѣнѣ. Подлѣ него былъ портретъ Дюрера; потомъ Мюллеровъ эстампъ Рафаэлевой Мадоны, перечеркнутый краснымъ карандашемъ. Внизу было подписано рукою Аркадія: «Ты былъ достоинъ сумасшествія, бѣдный пачкунъ! Одинакое вдохновеніе не является въ мірѣ дважды. Твори свое!» Стѣны всѣ были исписаны углемъ и мѣломъ. Въ этихъ очеркахъ видно было фантастическое своеволіе. Это были изображенія Готическихъ зда-

ній, Жоанноповскихъ уродовъ, Гогарповскихъ каррикапуръ. Но меня поразило милое женское личико, которое только что было начато, въ небольшомъ размѣрѣ. И вотъ что было странно: это личико повторялось нѣсколько разъ, въ разныхъ размѣрахъ, и вездѣ только что очеркнутое! Оно было начерчено углемъ на стѣнѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; нарисовано карандашемъ на картонахъ; даже нацарапано ножемъ на столѣ. Видно было, что это личико невольно являлось подъ рукою Аркадія, что оно преслѣдовало его — и вездѣ было оно очеркнуто такъ отчетисто; вѣрно, истинно, что я узналъ-бы это личико изъ тысячи.

Я не смѣлъ ничего разсматривать подробно. Мнѣ казалось святотатствомъ перебирать картины, под-

нимать съ нихъ занавѣски, или пересматривать картоны и эскизы художника, когда онъ самъ не далъ мнѣ на это права. Мнѣ даже стало совѣстно, что пользуясь слабостью и усердіемъ старика слуги, я вошелъ въ мастерскую Аркадія. Поспѣшно вышелъ я изъ этой комнаты, и торопился уйдти, говоря только: *да, да*, когда слуга шелъ за мною, и повторялъ просьбы *пожаловать завтра*, и увѣренія, что *Аркадій Ивановичъ будетъ мнѣ очень радъ*.

Кто изъ насъ не бывалъ молодъ; слѣдовательно: кто не читывалъ романовъ, кто самъ не бывалъ героемъ романа! Всякому свое: иной бываетъ героемъ романа Поль-де-Кокова, иной Лафонтеновскаго, иной Дюканжевскаго, иной Бальзаковскаго, иной Жаненовскаго — а все таки какого нибудь романа! Идя отъ

Аркадія, и соображая все видѣнное и слышанное мною, мнѣ казалось, что я началъ читать Гоффманова *Кота Мура*. Воображеніе живо представило мнѣ въ неизвѣстномъ Аркадіи образъ Художника, Провидѣніемъ къ тому назначеннаго. Мнѣ подумалось даже, что безъ знакомства съ Аркадіемъ, въ романѣ жизни моей не доставало-бы весьма любопытной главы, подъ названіемъ: *Идеалъ Художника*. Не знаю съ чего, мнѣ казалось, что въ Аркадіѣ увижу я дополненіе къ Человѣку, которое мы называемъ—*Художникъ*, дополненіе, созданное самимъ человѣкомъ, странное, очаровательное, своенравное, блестящее, недовольное собою, нетерпимое или обожаемое другими, рожденное отъ соединенія необыкновенныхъ случайностей. То, что узналъ я объ Ар-

кадіи отъ отца его, отъ слуги, отъ учителей Главнаго Училища Живописи, отъ ученика, отъ Г. N. N., все это, непріязнь и ненависть однихъ, любовь и восторгъ другихъ, дѣлало для меня знакомство съ Аркадіемъ однимъ изъ необыкновенныхъ событій въ моей жизни. Мнѣ хотѣлось теперь къ опытамъ и наблюденіямъ моимъ прибавить любопытные опыты надъ душею истиннаго художника. Не всякій изъ насъ согласится размѣняться мѣстами съ тѣмъ, чему удивляются, что изучаютъ люди; но всѣ мы любимъ посмотрѣть на необыкновенное, странное въ мірѣ и въ обществѣ. Такъ никто не пойдетъ жить на краю Швейцарскаго ледника, или на скалахъ Нордъ-Капа; но кто-же отречется взглянуть на сіи дивныя явленія природы и разсмотрѣть ихъ вни-

мательно? Отказавшись отъ практической дѣятельности жизни, въ провинціяльномъ уединеніи моемъ, я привыкъ къ теоретическимъ наблюденіямъ. Въ Аркадіи думалъ я увидѣть *аналитическую* повѣрку моихъ теорій Изящнаго. Я создалъ его предварительно въ моемъ воображеніи. Я вообразилъ себѣ Аркадія съ Греческимъ лицомъ Гёте, или Германскимъ профилемъ Шиллера, страждущаго, гонимаго, потерявшаго въ Генералѣ *** друга, который развилъ его высокую, пламенную душу. И теперь, этотъ человѣкъ съ неба дружбы упалъ въ существенность, богатую идеальными отблесками, но бѣдную во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ безпорядкѣ убранства Аркадіевыхъ комнатъ, въ смѣшеніи излишествъ и недостатковъ жизни, во всемъ, даже въ картинахъ, сброшенныхъ

въ кучу и покрытыхъ пылью, и въ этой картинѣ, которою недѣлю любовался онъ, и которую потомъ самъ онъ изрѣзалъ — во всемъ, казалось мнѣ, слышалъ я вопль души, отвергаемой міромъ и людьми, недовольной собою. Мнѣ досадно даже было, что Аркадіевъ идеалъ женщины не походилъ на Мальвинъ и Миньонъ, ибо въ изображеніи хорошенькаго личика, которое писалъ и чертилъ вездѣ Аркадій, уже навѣрное думалъ я видѣть изображеніе идеальной его красавицы. Это изображеніе казалось мнѣ слишкомъ *мило* и очень *красиво* для идеала художника! Аркадій заставлялъ меня забывать о моей *степенности*, моихъ сорока годахъ: мнѣ казалось, что я самъ молодѣю, разогрѣваясь его юною, горячею головою.... Какой несносный эгоистъ *человѣкъ*: онъ

всегда видитъ *только себя*, глядясь въ другихъ... Что̀ дѣлать!...

Но какъ-же досадно разочаровался я на другой день, увидѣвъ Аркадія! Совсѣмъ это не былъ молодой человѣкъ съ Греческимъ профилемъ Гёте, Германскимъ профилемъ Шиллера, потухшими въ борьбѣ сильныхъ страстей глазами, или невыносимою, Наполеоновскою безцвѣтностью глазъ. Въ одеждѣ его не было Байроновской изысканности, ничего Восточнаго; не было у него ни Шиллеровскихъ локоновъ, ни Гоффмановской дикости. Увидѣвъ меня, старый слуга спѣшилъ сказать обо мнѣ Аркадію, и пока я ставилъ въ уголъ свою палку, въ переднюю вышелъ молодой человѣкъ, въ модномъ сюртучкѣ, съ дѣланымъ галстухомъ на шеѣ, съ русыми, опрятно причесанными волосами; лицо его было благородно, правильно, но ни-

чего особеннаго не выражало. Глаза его были — какъ говорится — *голубые*, т. е. просто сѣрые. Впрочемъ, глазами Аркадія я остался потомъ доволенъ: сѣрый цвѣтъ ихъ сбивался въ голубой, и они оживлялись въ разговорѣ. Аркадій былъ высокъ ростомъ, строенъ; только въ движеніяхъ его не было ни простоты изящной природы, ни увлекательной изысканности свѣтской, могущей замѣнять природу, какъ ассигнація замѣняетъ звонкую монету. Отличительнымъ признакомъ осанки и обхожденія Аркадія была чрезвычайная неровность выраженія въ лицѣ и въ движеніяхъ: Аркадій, то слишкомъ казался веселымъ, то вдругъ слишкомъ задумывался; мнѣ не понравилось еще, что онъ то и дѣло всчесывалъ рукою густые, длинные волосы на

головѣ своей. Словомъ: Аркадій, при первомъ появленіи, не сдѣлалъ на меня никакого сильнаго впечатлѣнія: я видѣлъ передъ собою обыкновеннаго молодаго человѣка, обыкновенно одѣтаго, и если-бы кто нибудь не сказалъ мнѣ: *вотъ Художникъ* — я ничего не подозрѣвалъ-бы въ этомъ правильномъ, пріятномъ лицѣ, въ этой простой улыбкѣ, этомъ обыкновенномъ нарядѣ. Ничего особеннаго не выражалъ мнѣ и голосъ Аркадія, пріятный, но не заставлявшій душу ни трепетать, ни радоваться. Особливо занятіе, въ какомъ засталъ я Аркадія, мнѣ особенно не понравилось.

Онъ съ улыбкою взялъ меня за руку, и сказалъ: «Конечно я имѣю честь видѣть Г-на Мамаева?» Къ чему такой пошлый вопросъ? подумалъ я, готовъ былъ грубо отвѣчать

и немедленно разстаться съ Аркадіемъ. Онъ спросилъ меня послѣ сего объ отцѣ своемъ, но безъ всякаго особеннаго чувства; наконецъ просилъ полюбить его, и пожаловать въ его гостиную. Тутъ нашелъ я толстую, богато одѣтую даму, ту самую, къ чепчику которой Аркадій приставилъ ослиныя уши. Дама сидѣла надувшись, стараясь придать миловидное выраженіе своему толстому, брюзглому лицу. Портретъ ея находился передъ Аркадіемъ, и онъ дополнялъ въ немъ нѣкоторыя черты, пристально разглядывая даму. Онъ просилъ меня извинить, что долженъ докончить при мнѣ свою работу. Мужчина, худой и сухой, сидѣлъ и дремалъ въ углу. Я просилъ Аркадія не безпокоиться, продолжать работу, и сѣлъ въ другой уголъ, присталь-

но разсматривая своего новаго знакомца. Онъ весело работалъ; отрывисто, но вѣжливо разговаривалъ съ дамою; улыбался на ея глупые отвѣты. Портретъ этой дамы былъ превосходенъ. Ушей ослиныхъ уже не было на немъ; Аркадій закрылъ ихъ большими букетами и бантами. Лицо, изображенное Аркадіемъ, выражало всю глупость, все безобразіе подлинника; но онъ придалъ ему что-то доброе, веселое, и дама была въ восторгѣ — портретъ походилъ на нее чрезвычайно и не походилъ ни сколько. «Насмѣшникъ и льстецъ, обыкновенный, ничтожный художникъ!» думалъ я. «Если ты по неволѣ принялъ на себя заказъ написать эту глупую рожу, можешь-ли ты быть такъ спокоенъ, такъ веселъ, услужливъ? Вижу, что ты изрѣзалъ свою

каршину изъ жалкой робости, а не по сознанію недостигнутаго идеала!» Не льзя было не отдать однакожь справедливости искуству Аркадія. Судя по портрету, кисть его была смѣлая, рѣзкая, удивительно правильная. Занятіе продолжалось съ полчаса. Аркадій всталъ наконецъ, и сказалъ, что портретъ готовъ, и завтра онъ пришлетъ его къ Ея Превосходительству. «Ахъ! покорно васъ благодарю!» вскричала дама. «Только помните: соблюдите мой секретъ; вѣдь это будетъ сюрпризъ моей сестрицѣ! А теперь, позвольте-же мнѣ расплатиться. Эй, Яковъ Потапычъ! опять, батюшка, задремалъ! Проснись! Отдайте, сударь, деньги!» Сухой человѣкъ зѣвнулъ во весь ротъ, отсчиталъ не знаю сколько ассигнацій и подалъ Аркадію. «Покорно васъ благо-

дарю,» начала опять дама. — Ваше Превосходительство обѣщали рекомендовать меня вашему дядюшкѣ — почтительно сказалъ ей Аркадій. «О, непремѣнно и охотно!» вскричала дама. Она и спутникъ ея пошли. Аркадій вѣжливо провожалъ ихъ. «Это Генералъ и Генеральша W.,» сказалъ онъ, воротясь. «Простые, но добрые люди! Генеральша готовитъ сюрпризъ сестрѣ, и тихонько приходитъ ко мнѣ съ своимъ мужемъ, хотя взбираться въ третій этажъ ей очень тяжело.» — За что-же ты приставилъ ей ослиныя уши, безсовѣстный! если они точно добрые люди? — думалъ я про себя, и рѣшительно разсердился на Аркадія. Уже все теперь бѣсило меня: я досадовалъ, что онъ осторожно спряталъ деньги въ бюро, а не скомкалъ и не бросилъ

ихъ; что послѣ того онъ учтиво сѣлъ подлѣ меня и завелъ самый вздорный разговоръ. Какъ житель Петербурга, онъ вздумалъ мнѣ, пріѣзжему провинціялу, говорить о новостяхъ столицы, о новыхъ зданіяхъ. Недолго просидѣлъ я, и съ досадою ушелъ домой, повторяя: «Онъ не Художникъ — онъ обыкновенный молодой человѣкъ, и живописецъ просто — искусный, но не поэтъ!»

Я былъ несправедливъ къ Аркадію. Въ нашъ вѣкъ воины сняли желѣзныя брони свои и философы не ходятъ уже въ изодранныхъ лоскутьяхъ какого нибудь Циническаго плаща. Съ чего-же вздумалось мнѣ искать наружнаго Байронизма и Гоффманизма въ Аркадіи? Неужели художникъ и поэтъ должны отличаться отъ людей полу-сумасшед-

шимъ видомъ, или странностью одежды? Нашъ вѣкъ кажется вѣкомъ безъ сильныхъ страстей внутри, безъ рѣзкихъ отличій извнѣ. Онъ весь одѣтъ однообразно, причесанъ, подвязанъ, ходитъ и говоритъ однообразно. Всѣ воины наши въ мундирахъ, чиновники въ вицъ-мундирахъ, не-чиновники въ темныхъ фракахъ. Но тѣмъ глубже и пестрѣе внутреннее образованіе нашего вѣка. Никогда не являлся человѣкъ столь знающимъ, столь страстнымъ, столь высокимъ, какъ является онъ нынѣ. Все тихо, все однооообразно въ нынѣшнемъ обществѣ; но откуда-же неслыханныя, уродливыя событія, горячки умовъ, разрушительныя страсти, какія сверкали и сверкаютъ въ мірѣ, въ наше время? Мы отличны отъ стариковъ нашихъ тѣмъ, что душа нынѣшня-

го человѣка потряла самодовольство: онъ недоволенъ людьми, недоволенъ собою. Разочарованный въ томъ, что совершенно увлекало его отцовъ, не долженъ-ли нынѣшній человѣкъ укрываться въ мнимую бездѣйственность и внѣшнюю однообразность, и отъ того впадать въ ужасную неровность характера, то бросаемый страстью внѣ круга обыкновенной его жизни, то снова упадающій въ нее? Наше поколѣніе, какъ Наполеонъ, стоитъ сложивъ руки, или нюхаетъ табакъ, пока страшная битва, Ваграмское, Бородинское, Ватерлооское сраженіе, гремитъ въ душѣ его. Онъ задумчиво смотритъ въ землю, какъ будто ищетъ чего-то потеряннаго праотцомъ Адамомъ. Найдетъ-ли онъ? Не знаю; но — это глубокое озеро безъ истока; на днѣ его бездны,

а поверхность тиха, и едва легкій вѣтерокъ пробѣжитъ по ней, всколышетъ ее легкими кругами — они расходятся, и снова озеро зеркально, свѣтло и неподвижно. Нынѣшняя жизнь — романъ, *первую* часть котораго написалъ Августъ Лафонтенъ, а вторую еще дописываетъ Викторъ Гюго.

Аркадій явился ко мнѣ на другой день. Не смотря на мою угрюмость, на предубѣжденіе противъ него, я не могъ въ этотъ разъ не отдать справедливости ему въ той нѣжности, съ какою говорилъ онъ объ отцѣ своемъ, въ той заботливости, съ какою разспрашивалъ онъ обо всѣхъ подробностяхъ житья его. Съ какимъ чувствомъ говорилъ этотъ добрый сынъ о томъ, что онъ вскорѣ надѣется сдѣлать для отца своего что нибудь полезное! Онъ мол-

чалъ о брашьяхъ, или отзывался почтительно. Онъ скрываепся отъ меня — думалъ я — не открою-же и я ему, что знаю его гораздо лучше, нежели онъ полагаетъ! — Аркадій мелькомъ говорилъ о своихъ занятіяхъ. Я также ничего не говорилъ ему о томъ, что видѣлъ въ немъ мой разрушенный идеалъ Художника. Онъ явно притворяется — думалъ я — или въ самомъ дѣлѣ отказываепся отъ своего назначенія, и хочетъ улечься на Прокрустово ложе свѣта, хотя-бы привелось для этого отрубить ноги! Что-же? Онъ думаетъ, что я не стою признаній души его? Хорошо, и я не покажу ему своей души: я эгоистъ!

Мы видѣлись потомъ еще нѣсколько разъ, и каждый разъ, невольно, становились искреннѣе другъ съ другомъ. Разговоры наши перестали

оканчиваться ничтожными пустяками. Наконецъ, я имѣлъ случай оказать Аркадію маленькую услугу. Однажды захожу къ нему, застаю его въ страшномъ безпокойствѣ, и требую объясненія. Аркадій долго колебался, и краснѣя сказалъ, что ему недостаетъ нѣсколько денегъ, для одного весьма важнаго дѣла. «Вотъ тысяча рублей» — сказалъ онъ, «а мнѣ надобно двѣ.» — Вотъ *другая*—отвѣчалъ я, вынявъ бумажникъ и отсчитывая деньги. — Аркадій крѣпко пожалъ мою руку, и съ минуту ходилъ молча, въ сильномъ движеніи. Черезъ три дня, онъ принесъ мнѣ деньги, и не благодарилъ меня: это мнѣ понравилось, ибо я видѣлъ, что сказавъ мнѣ пошлую благодарность, онъ отдѣлался-бы ею; теперь, напротивъ, Аркадій сбросилъ съ себя личину вѣжливаго

равнодушія, и въ первый разъ онъ понималъ меня, а я его. Въ первый разъ тогда между нами завязался разговоръ отъ души. Я обратилъ его на Изящныя Искуства, и Аркадій не скрывался болѣе. Съ жаромъ началъ онъ говорить объ упадкѣ Изящнаго въ наше время, о средствахъ свести Изящныя Художества съ ложной дороги школьныхъ условій, по которой нынѣ идутъ они. О многомъ спорилъ я, со многимъ соглашался, удивляясь необыкновеннымъ познаніямъ Аркадія. Вдругъ, онъ схватилъ меня за руку, и сказалъ: «Простите меня, Г-нъ Мамаевъ: я не зналъ васъ. Я думалъ, что вижу въ васъ просто умнаго, добраго человѣка: теперь вижу въ васъ горячую душу, человѣка глубоко чувствующаго, просвѣщеннаго. Вамъ доступно все

прекрасное. Зачѣмъ вы скрывались отъ меня?»

Слова эти были сказаны такъ добродушно, такъ просто, что я невольно улыбнулся. — За чѣмъ сами вы, любезный Аркадій, хотѣли спрятаться отъ меня, подъ маскою ничтожнаго живописца и молодаго Петербургскаго щеголя.»

«Я щеголь? Если-бы вы прежде знали меня, то могли-бы назвать немного сумасшедшимъ по наружности; съ нѣкотораго времени, этотъ недостатокъ пересталъ быть моимъ недостаткомъ. Я сдѣлался благоразуменъ, остороженъ, опрятенъ. Мой старый Семенъ Иванычъ не можетъ теперь нахвалиться мною. Но, право, я совсѣмъ не щеголь, ни одеждою, ни обращеніемъ, ни душою.

— Аркадій! я не того хотѣлъ отъ васъ, чѣмъ вы хотите казаться.

« Чего-же вы отъ меня требуете?

— Я хотѣлъ видѣть въ васъ истиннаго Художника, а видѣлъ только молодаго портретиста, который такъ одѣтъ, такъ работаетъ и говоритъ, что отъ него ничего ожидать не смѣешь. Вы скрывались отъ меня? *Да*, или *нѣтъ?* Если нѣтъ, то вы упали духомъ — вы пережили даже недовольство своего паденія: вы уже спокойны, и это спокойствіе есть тишина смерти!

Аркадій задумался. Лицо его измѣнилось.

« Что-жь мнѣ дѣлать, когда этого хотятъ отъ меня судьба и люди, » — сказалъ онъ тихо — « когда безъ этого счастье мое бѣжитъ отъ меня! Хочу удержаться хоть за него — со всѣмъ другимъ я про-

стился: одно недостижимо, другое пусто. За чѣмъ гоняться мнѣ? За призракомъ ничтожной славы? Но и его могу-ли достигнуть? Кто увѣритъ меня, что мнѣ можно надѣяться на силы свои...О, мой почтенный другъ! зачѣмъ тревожите вы терзательныя мечты, которыя задушилъ — *усыпилъ* я, по крайней мѣрѣ!» Аркадій схватилъ мою руку, и сжалъ ее крѣпко обѣими своими руками. Онъ былъ очарователенъ въ это время. Такимъ желалъ и надѣялся я видѣть его.

— Что заставляетъ васъ принимать во мнѣ столь сильное участіе? — спросилъ онъ, растроганный до глубины души.

«Долго разсказывать, какъ родилось и усилилось мое къ вамъ участіе. Можетъ быть, для этого надобно-бъ было разсказать вамъ

прежде всего собственную жизнь мою... Но, я клянусь вамъ, Аркадій, что во мнѣ видите вы человѣка, который на себѣ испыталъ, какъ тяжко душѣ, какъ душно сердцу, если призваніе наше въ мірѣ не исполняется! Годы безвозвратно погасили для меня всѣ мои мечты, всѣ мои надежды; но смотря на васъ, полнаго жизнью и надеждами, могу-ли не думать о томъ, какъ грустно, какъ страшно кончить ихъ ничтожнымъ физическимъ бытіемъ!

— И люди говорятъ о ничтожности и безчувствіи міра, если въ немъ жилъ ты, святая душа, второй отецъ мой! если судьба столкнула меня теперь на дорогѣ жизни съ новымъ другомъ, и если міръ украшенъ бытіемъ созданія, которое можетъ замѣнить мнѣ всѣ вдохновенія исчезнувшаго вѣка Худо-

жествъ. . . . Аркадій вдругъ остановился. Насмѣшливая улыбка появилась на лицѣ его.

— Вы мечтатель, Господинъ Мамаевъ, опасный мечтатель! Съ чего вы вздумали наводить на меня волшебное стекло вашего воображенія? Вы обманываете себя, обманываете меня, и — клянусь Богомъ, это безсовѣстно, стыдно! Зачѣмъ искать во мнѣ того, чѣмъ не велятъ мнѣ быть ни судьба, ни міръ, ни люди? Кто я? Сынъ бѣднаго чиновника, ничтожный *разночинецъ;* братья мои подъячіе; мнѣ подобно было сдѣлаться также подъячимъ. Пришелъ ко мнѣ такой-же мечтатель, какъ вы, наговорилъ мнѣ Богъ знаетъ чего; я заслушался его, и поссорился съ міромъ и съ судьбою. Чего не вытерпѣлъ я за то, что отказывался идти въ гусиной вере-

ницѣ, которая тянется цѣлыми поколѣніями отъ колыбели до гроба! Чего не вытерпѣлъ я отъ самого себя, еще болѣе нежели отъ другихъ! *Художникъ, Идеалъ* — вздоръ, вздоръ! Говорите: *маляръ и счастіе*; да, *счастіе на землѣ, безъ неба и идеаловъ!* Вотъ что я — и прекрасно, чудно хорошо! На что искать идеаловъ, если они не превзойдутъ существенности, милой, очаровательной, живой, дышащей жизнію? Я скованъ и счастливъ. Что мнѣ въ волѣ, если она только губитъ и терзаетъ меня! Вы изумитесь, мечтатели, какъ тихо и спокойно можно быть счастливымъ? Зачѣмъ нравится вамъ только бѣшеный водопадъ Ніагарскій? Не лучше-ли любоваться милымъ ручейкомъ, который вьется и журчитъ между цвѣтами? Вы презираете его?

Но въ вашемъ водопадѣ видна только мутная пѣна страстей, а въ ручейкѣ отражаются — и солнце, и небо, и тихія небесныя звѣзды, и цѣлый міръ! Любезный, почтенный другъ мой! Я изодралъ мои глупые рисунки, надъ которыми просиживалъ ночи и безполезно тратилъ жизнь мою; на другихъ нелѣпыхъ мечтахъ моихъ мирно плететъ свои сѣти паукъ, и никогда не смету я съ нихъ паутины.... Не надобно картинъ — не хочу писать ихъ; пишу портреты, рожи людскія, и пишу какъ ремесленникъ! Увѣряю васъ, что теперь только нашелъ я истинное счастье — мнѣ такъ весело, спокойно — я такъ доволенъ.».. Онъ судорожно сжалъ мою руку, и слезы сверкнули на его глазахъ.

— Счастье ваше похоже на куклу,

которою играетъ ребенокъ. Но, вы насильно дѣлаете себя ребенкомъ, добровольно позволяете своему счастію пеленать васъ, какъ дитя, и — я страшусь за васъ, Аркадій! Не знаю, какой волшебный сонъ лелѣетъ васъ; но, другъ мой — это мгновенный сонъ, а не жизнь: пробужденіе ваше будетъ опасно; лучше бороться съ судьбою, нежели позволить ей безъ сопротивленія сковать себя....

— Нѣтъ! мой сонъ прекрасенъ, какъ жизнь, и не прервется — сказалъ Аркадій, съ радостнымъ самодовольствомъ, закрывая глаза рукою. — Его самъ Богъ создалъ для меня!

« Аркадій! » сказалъ я съ досадою. « Понимаю: вы влюблены? Угадалъли я?

Онъ затрепеталъ. «Вы любите?»

— И неуже-ли я не любимъ? — спросилъ Аркадій съ трепетомъ..— Почему-же вы знаете, что я *не любимъ?* Нѣтъ, нѣтъ! За мою бѣшеную, безумную страсть, за то, что для нея отказался я отъ всего, отъ самого себя, ужасно было-бы не платить, хотя участіемъ, хотя снисхожденіемъ! А смѣю-ли требовать болѣе? За это снисхожденіе... мало жизни моей!

«Несносныя женщины! онѣ вездѣ вмѣшиваются и все портятъ! Такъ, вотъ разгадка его безчувствія! Онъ любитъ... женщина *уничтожила* его... И дивиться-ли послѣ того чему нибудь, если на жизнь онъ смотритъ глазами женщины, а ей жизнь кажется занятіемъ въ родѣ хозяйства; она вяжетъ ее, какъ чулокъ, плететъ ее, какъ кружева, выши-

ваетъ ее по канвѣ, въ размѣренныхъ квадратцахъ. . . .

— О нѣтъ! вы не знаете моей Вѣриньки — сказалъ Аркадій.—Она не женщина: это чудное существо, залогъ мира между небомъ и землею! Она умѣла сдѣлать изъ меня то, чего не сдѣлали люди, съ ихъ гордостью, ихъ силою — чего не сдѣлала дружба человѣка единственнаго! Она доказала мнѣ невозможность неба на землѣ, но доказала, что и земля есть небо, если мы забудемъ для созданія плѣнительнаго все — все, и самихъ себя, передаваясь ему! Ей пожертвовалъ я всѣми мечтами . . . какая мечта сравнится съ нею! Я бросилъ всѣ свои ничтожные идеалы . . . какой идеалъ не блѣденъ передъ моею Вѣринькою! Она помирила меня съ самимъ собою, она поведетъ меня тихо, нѣж-

но по остальному пути жизни. Такъ, я чувствую, что напрасно старается человѣкъ создавать, и ищетъ на землѣ несбыточныхъ образовъ—они уже созданы Богомъ, и живутъ на землѣ въ душѣ женщины. Душа женщины — вотъ наше небо на землѣ, и въ немъ соединено все! Бѣденъ, кто не нашелъ его — блаженъ, кто его отыскалъ! Но тогда — во прахъ передъ нимъ всѣ страсти, всѣ идеалы, или, какъ отверженнаго Ангела, тебя изгонятъ изъ этого неба, гдѣ ничто не должно существовать, кромѣ душевной невинности!

Аркадій замолчалъ, и началъ ходить по комнатѣ. Я прервалъ молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ. «Аркадій» — сказалъ я — «сердца наши сказались другъ другу. Отнынѣ мы съ тобою друзья. Вотъ тебѣ рука моя, а кому я самъ

подаю ее, тотъ не спрашивай меня ни о чемъ болѣе! Заключенная въ минуту душевнаго бытія, отнынѣ дружба моя къ тебѣ неизмѣнна. Другъ мой! мнѣ сорокъ лѣтъ; жизнь моя была бурная, мятежная; я испытывалъ страсти; зналъ и любовь. . . Она знакома мнѣ. . . Когда нибудь я разскажу тебѣ всѣ страданія, какія перенесъ я отъ этого яда жизни. . . Я трепещу за тебя: ты отравляешь себя медленною отравою! Я угадываю твою Вѣриньку: это какое нибудь простое, доброе, милое созданіе, которое обольстило тебя колыбельною пѣсенкою, и усыпило твою пылкую душу тихимъ напѣвомъ ея! Не для тебя такое счастье: берегись! Душа женщины не рай, но раёкъ. Ты на нее хочешь опереться; но эта опора ломка, какъ сте-

кло, и какъ стекло изрѣжетъ тебя. . . .

Аркадій быстро взглянулъ на меня. «Да, я усыпленъ колыбельною пѣсенкою; но эту пѣсенку не человѣкъ напѣлъ мнѣ, а что-то божественное. Узнайте Вѣриньку . . . Я боюсь показать ее вамъ: вы можете погибнуть, узнавъ, какъ близко отъ васъ было счастье въ жизни, а вы не знали его. . . .

Я невольно улыбнулся. Аркадій, какъ будто опомнился, и поспѣшно взялся за шляпу. «Ахъ! что̀ я говорю!» сказалъ онъ. «Простите! Голова моя такъ разстроена отъ нашего разговора. . . . Какая глупость: стараться ощупать руками свое счастіе, какъ будто оно что нибудь вещественное! Вы ощупаете однѣ вещественныя его формы, и никогда не узнаете его вполнѣ. . . .

Вы подали мнѣ вашу руку, благородный человѣкъ! позвольте мнѣ пожать ее.»...

— Я тебя понимаю, юноша — думалъ я, оставшись одинъ—понимаю и сожалѣю о тебѣ: ты испугался бури, какая волнуетъ океанъ души человѣка, и ты думаешь, что лучше причалить свой челнокъ близъ тихаго берега семейственной жизни и задремать подъ шумъ бѣшеныхъ волнъ, нежели пускаться по кипящимъ ихъ безднамъ! Горе тебѣ, если ты будешь счастливъ, какъ счастливы всѣ люди! Бѣдное счастье ихъ есть дремота, произведенная маковымъ питьемъ; но твоя душа создана не для этой сладкой дремоты, а для жизни, и — горе, если ты пробудишься, когда будетъ уже поздно воротиться! Страсть художника не начинается усыпленi-

емъ души и не кончится семейственнымъ безчувствіемъ, чѣмъ такъ дорожатъ люди для мѣлкихъ уступокъ счастія, покупая его, какъ покупаютъ они себѣ пищу и одежду. Допускаю страсти—даже любовь—но не такая любовь, не такая страсть бываетъ вдохновеніемъ высокаго. А кто зналъ, кто хотя предчувствовалъ это вдохновеніе, тому пробужденіе хуже смерти!

Увы! Аркадій вскорѣ свѣдалъ на опытѣ истину, которую я предугадывалъ и предвѣщалъ ему. Страшно пробудилась душа его, безжалостно оттолкнуло его отъ себя обольстительное, тихое упоеніе.—После нашего разговора прошло дней шесть. Аркадій не являлся ко мнѣ. Недосуги мѣшали самому мнѣ идти къ нему. Воспользовавшись первымъ свободнымъ вечеромъ, я

спѣшилъ къ Аркадію. Семенъ Иванычь отворилъ мнѣ двери. Онъ былъ печаленъ. — Гдѣ дѣвался твой баринъ? Не боленъ-ли онъ? — спросилъ я поспѣшно. «Нѣтъ, сударь, но Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось! Дня три тому, онъ пошелъ со двора такой веселый, такой милый; воротился поздно, и я его не узналъ — такъ былъ онъ блѣденъ, разстроенъ. Съ тѣхъ поръ, онъ сидитъ заперщись, никого не велитъ пускать къ себѣ, почти ничего не дѣлаетъ, и даже ничего не кушаетъ.» — И мнѣ нельзя его видѣть? — «О, нѣтъ! Васъ онъ однажды навсегда приказалъ принимать, во всякое время!»

Вхожу въ гостиную. Бюро открыто; бумаги, книги разбросаны вездѣ; все въ страшномъ безпорядкѣ. Аркадій былъ въ своей мастер-

ской. Тихонько отворилъ я дверь. Аркадій стоялъ посреди комнаты. Огромный, прекрасный портретъ откупщика, которымъ въ послѣднее время занимался Аркадій, былъ брошенъ на полъ, недоконченный. Кисти, палитры были раскиданы повсюду. Большая, вновь начатая картина поставлена была подлѣ окна. Небритый, со всклоченными волосами, въ старомъ шлафрокѣ, стоялъ Аркадій, сложивъ руки и устремивъ неподвижные взоры на холстъ, гдѣ еще ничего не льзя было разобрать хорошенько. День вечерѣлъ; послѣдніе лучи солнца освѣщали комнату. — Что съ вами сдѣлалось, Аркадій? — сказалъ я.

« Ничего! » отвѣчалъ онъ мрачно. « Это надобно было предвидѣть прежде. Вы предугадали, вы предрекли мнѣ то, чего не пони-

малъ, не предвидѣлъ я! Какая глупость! Мнѣ надѣяться быть счастливымъ? Думать, что я буду такъ-же искусно выть, какъ воетъ эта стая волковъ, называемыхъ *людьми!* Но чего-же хотятъ они отъ меня? — говорилъ Аркадій, съ увеличивающимся жаромъ. — Они терзали меня, когда я хотѣлъ стать между ними самобытно; они терзаютъ и теперь, когда я отказываюсь отъ самого себя! Они разрушали міръ, какой создавалъ я самъ себѣ. Они не даютъ мнѣ мѣстечка и въ *своемъ* мірѣ! Виноватъ-ли я, что Богъ создалъ меня иначе, нежели ихъ? Должно-ли за это наказывать меня такъ безчеловѣчно? Но я добровольно становился въ ряды ихъ; отрекался отъ всего, давалъ клятву быть ихъ товарищемъ, такимъ-же, какъ они — чѣмъ

они хотятъ — глупцомъ, ремесленникомъ, шутомъ, послѣднимъ изъ нихъ. . .

—Аркадій! что все это значитъ?

«Ничего!» сказалъ онъ, горько улыбаясь. «Они уничтожили высокій міръ художника, разбили истуканъ Изящнаго, которому молился онъ въ Греціи, отняли у Искуства религіозную святость Среднихъ Вѣковъ, и хохочутъ надъ тѣмъ, кто стремится въ эти погибшіе міры Искуствъ! Онъ врагъ имъ, нынѣшнимъ ремесленникамъ, и они всѣ за одно противъ него; мстятъ ему, какъ человѣку; отказываютъ ему, если онъ соглашается на бѣдное счастье людское—боятся его, клеймятъ его позоромъ и насмѣшкою.....

— Но давно-ли, Аркадій, давно-ли вы были такъ счастливы?..

« Былъ — да! *хотѣлъ быть*, хотѣлъ обмануть себя, если не льзя *быть* въ самомъ дѣлѣ. Мой обманъ открылся — счастіе мое погибло.... Не мнѣ то счастье, котораго я надѣялся отъ людей! Они отказываютъ мнѣ въ этомъ счастьѣ—отказываютъ, не хотятъ его мнѣ отдать! А чего не дѣлалъ я, чѣмъ не угождалъ имъ? Боже великій! Сколько времени былъ я болваномъ, куклой ихъ — и за что-же другому это счастье? Если онъ глупецъ безъ притворства, почему я не могу притвориться глупцомъ? Во всю жизнь мою, они не замѣтили-бы между нами никакой разницы, не услышали-бы ни одной жалобы, ни одного вздоха....

— Успокойтесь, Аркадій. Что такое сдѣлалось? Что за отчаяніе? И какъ-же не поспѣшить вамъ ко

мнѣ. . . Сердце друга согрѣетъ, оживитъ васъ. . .

« Виноватъ, » сказалъ Аркадій тихо, « виноватъ; но — и она съ ними за одно — и она! Вѣринька, Вѣринька! зачѣмъ-же обольщала ты меня прежде? Зачѣмъ вдохнула въ меня жизнь, когда я умиралъ. . . Тогда мнѣ легче было-бы погибнуть; но теперь, тебѣ безъ меня, мнѣ безъ тебя нѣтъ смерти — ты *моя*, *моя* — ты не вырвешься изъ объятій души моей; я умерщвлю тебя моимъ послѣднимъ, смертнымъ дыханіемъ. . .

— Успокойтесь, Аркадій. Сядемъ; будемъ говорить благоразумно; разберемъ дѣло наше основательно. — Я посадилъ Аркадія. Въ изнеможеніи, онъ опустилъ голову на грудь; руки его упали на колѣна. Блѣд-

ный, измученный, онъ казался умирающимъ.

— Аркадій! стыдись: неуже-ли своенравіе, даже презрѣніе ничтожной какой нибудь дѣвочки, должно доводить до отчаянія мужа, человѣка....

« Кто сказалъ вамъ, что Вѣринька ничтожна?» вскричалъ съ сердцемъ Аркадій. « Знаете-ли вы ее, узнали-ль вы ея свѣтлую, прекрасную душу? Проникнули-ль вы въ ея чудное, святое сердце? И она меня любитъ, знаю, что она живетъ, дышитъ только мною — она моя, моя — люди не отымутъ ея у меня — я принужу ихъ — я вырву у нихъ Вѣриньку мою! Они должны будутъ уступить ее мнѣ, моей славѣ, моему имени! У насъ нѣтъ Капитолія — нѣтъ тріумфа для художника; но когда общій восторгъ

поставитъ меня выше всѣхъ. . . . Посмотрите, что напишу я теперь. . . . Вотъ, что̀ готовилъ я. . . . Какъ это было глупо, какъ это было пошло, ничтожно! Это Грёзъ, пачкунъ семейственныхъ сценъ, конѣчнаго отчаянія, грошеваго счастія — ха, ха, ха!» Онъ сорвалъ покрывало съ картины, которая стояла въ сторонѣ: я увидѣлъ превосходное изображеніе семейственной сцены. Въ старинной готической комнатѣ, въ Германскихъ одеждахъ, семейство занимается чтеніемъ: старикъ изображенъ дремлющимъ въ старинныхъ креслахъ; молодая дѣвушка опускаетъ занавѣску, чтобы солнце не обезпокоило его; молодая женщина останавливаетъ дѣтей, которыя вбѣгаютъ въ комнату. Она указываетъ имъ на старика; взглядъ на него превра-

щаетъ ихъ шумную радость въ благоговѣйное молчаніе; молодой человѣкъ держитъ въ рукѣ книгу, опускаетъ ее, вглядывается, прислушивается: точно-ли спитъ старикъ, и надобно-ли продолжать чтеніе, или перестать?

Молча любовался я этою картиною — она была прелестна; выраженіе лицъ, темный колоритъ, Рембрантовское освѣщеніе ея были превосходны. Она переносила зрителя въ патріархальныя времена Дюреровъ и Гольбеиновъ.

«Вотъ, что готовилъ я,» продолжалъ Аркадій — «но это глупо въ природѣ, глупо и въ картинѣ. Теперь я ихъ ужасну моею кистію! . . . Вотъ здѣсь, посмотрите, вотъ здѣсь я напишу имъ моего бѣшенаго Прометея. Онъ изобразитъ имъ душу мою, прикованную, не

къ Кавказу, а къ этому неблагодарному, безчувственному міру; не воронъ будетъ клевать и терзать его, а несчастное, губительное чувство страсти безнадежной! О Боже, Боже! они не люди будутъ, если не увидятъ слѣда крови моей и слезъ моихъ въ краскахъ, какими изображу я имъ моего Прометея — если не отдадутъ мнѣ послѣ того Вѣриньки!

Аркадій заплакалъ, сѣлъ, и закрылъ лицо руками.

— Аркадій — сказалъ я — грустно смотрѣть на слезы мужчины: мужчина не долженъ плакать. Умри, но не плачь!

«Ахъ! мнѣ еще хочется пожить на свѣтѣ; въ немъ еще такъ много хорошаго, такъ много прекраснаго — въ немъ еще существуетъ Вѣринька; она *не моя*, но и никому

не принадлежитъ она. Дайте мнѣ слезъ; позвольте мнѣ плакать, другъ неумолимый! И если-бы вы знали, о чемъ я плачу! Не Вѣриньку — я теряю жизнь! Любовь къ ней, любовь ея было все, что привязывало меня къ жизни. Съ потерею Вѣриньки, всѣ связи мои съ міромъ будутъ разорваны. Неуже-ли хотите вы, безжалостный человѣкъ! чтобы и послѣ этого я еще скитался по землѣ тѣнью безжизненною? Неуже-ли думаете, что въ моихъ созданіяхъ будетъ жизнь, когда не будетъ ея во мнѣ самомъ? Хорошо! Сдѣлайте изъ меня привидѣніе, машину, творящую великое и прекрасное; но каково-же будетъ мнѣ, привидѣнію, созданному вами? Вѣдь я человѣкъ— пощадите меня — позвольте мнѣ лучше умереть!

«Какъ странна участь моя! За-

чѣмъ надобно было юной душѣ моей соединиться съ душею человѣка единственнаго, добродѣтельнаго, но оскорбленнаго міромъ, и людьми, и жизнію! Зачѣмъ этотъ человѣкъ исторгъ меня изъ ничтожества, въ которое судьба поставила меня при рожденіи! Зачѣмъ онъ оставилъ меня послѣ того въ жертву оскорбленному мною міру! Зачѣмъ послѣ него воскресило меня это милое созданіе, эта Вѣринька? Да, она поддержала во мнѣ жизнь, готовую погаснуть; за то, я хотѣлъ ей посвятить мое бытіе—ничѣмъ болѣе не могъ я подарить ее; да я и не могъ уже располагать собою: она воскресила меня, но потребовала себѣ душу мою — я отдавалъ ей — и этого не льзя мнѣ сдѣлать! Бѣдный человѣкъ! люди становятся, какъ разбойники,

между мною и Вѣринькою; она сама пугается, презираетъ меня, бѣжитъ отъ меня! Чего боятся они во мнѣ! Развѣ не принималъ я всѣхъ ихъ условій — всѣхъ, но только съ Вѣринькою — съ нею; а безъ нея, что мнѣ въ мірѣ, въ людяхъ? На что я самъ безъ Вѣриньки! —

Я радовался, видя, что слезы и жалобы облегчаютъ Аркадія, и не препятствовалъ ему плакать и жаловаться. Упрямое, молчаливое, одинокое отчаяніе, три дня терзавшее его, теперь прошло. Онъ спалъ спокойнѣе. Тогда тихими, сердечными словами дружбы началъ я врачевать его растерзанное сердце.

— Аркадій, другъ мой! Ты еще такъ молодъ — сказалъ я — и уже думаешь, что жизнь совершенно разсчиталась съ тобою. Мой другъ! передъ тобою она лежитъ еще не-

обозримымъ полемъ горести и радости — да, мой другъ, и радости! Знаю и увѣренъ, что юность твоя была уже испытана скорбію, но радостей ты зналъ еще мало донынѣ. Благодари лучше Провидѣніе, что при началѣ жизни оно искусило тебя, и приготовило къ будущимъ подвигамъ. Чувство любви въ твои годы всесильно, всепоглощающе; но не одно оно объемлетъ жизнь и міръ для человѣка, который чувствуетъ въ душѣ своей призваніе къ чему либо высокому...»

«Нѣтъ!» сказалъ Аркадій. «Для меня все погибло, если погибла любовь моя. Судьба вѣситъ въ эти минуты жребій мой на вѣсахъ своихъ, и если не броситъ она любви въ мою чашку вѣсовъ — разсчетъ конченъ: Аркадію не существовать болѣе! Тотъ вѣкъ, когда ху-

дожникъ могъ быть художникомъ, потому, что не могъ быть ничѣмъ другимъ; когда онъ могъ совершенно, всѣмъ бытіемъ своимъ погрузиться въ океанъ Изящнаго — золотой вѣкъ Дюреровъ и Кранаховъ, Рафаэлей и Микель-Анджело прошелъ, и не возвратится. Міръ забылъ уже объ этомъ вѣкѣ, и художникъ можетъ существовать нынѣ только вдохновеніемъ страстей: если мнѣ нельзя существовать любовью — художникъ во мнѣ исчезнетъ. Другихъ страстей я не знаю: любовь только, одна любовь могла-бы вознести меня къ великому моему идеалу, на зло вѣку нашему и людямъ! Выслушайте, добрый, почтенный другъ мой!... вы должны узнать повѣсть моей души. Вамъ все я открою, и потомъ судите обо мнѣ, судите меня....

II.

Да, онъ поэтъ? — «Поэтъ.» — Такъ и довольно:
Ужь кто поэтъ, тотъ вѣрно безъ ума.» —
«И я поэтъ, однакожъ не безумецъ.» —
Ну, вы совсѣмъ другое. . . .

Кукольникъ.

Иногда, съ досадою, я ощупываю свою голову, и сожалѣю, что я не Галль, не Шпурцгеймъ. Мнѣ хотѣ-

лось-бы доискаться въ моемъ черепѣ отвѣта, на простой вопросъ: *что я такое?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ разрѣшилъ-бы для меня многое — все!

Точно-ли есть во мнѣ *нѣчто*, отличающее меня отъ другихъ? Точно-ли въ душѣ моей есть какой нибудь огонь — небесный, или. . . . почему я знаю какой, и что онъ такое, и пусть онъ будетъ, что ему угодно! Только есть-ли что нибудь, отъ чего горитъ душа человѣческая вдохновеніемъ Изящнаго, и на мозгу человѣческомъ рисуются очерки, какихъ никому другому не вздумать, какихъ міръ еще не видалъ и не увидитъ, если художникъ умретъ, не показавъ ихъ міру? Да, не увидитъ, потому, что они его — ихъ нѣтъ въ Природѣ — ихъ не Природа создаетъ, а онъ, худож-

никъ, творецъ ихъ: онъ не захочетъ и не отдастъ ихъ міру!

Или во мнѣ нѣтъ ничего творческаго, создательнаго: *я не художникъ*! Мечты мои неясный бредъ горячки, лихорадочный жаръ безсилія, которому хочется въ небо, и которое не летаетъ, а прыгаетъ, и то на землѣ, думая, что летаетъ въ небѣ! И тогда, что̀-же вся жизнь моя? Что̀ мои безумные порывы творитъ? Это ужасно! Природа не отзывается моему голосу, люди не понимаютъ моего вопля, не потому-ли, что я жалкое дитя, бѣдное, полоумное дитя, помѣшавшееся въ колыбели? А! это ужасно!

Вдохновеніе истинное, творчество неподдѣльное, не должно-ли быть тихо, спокойно, величаво? Истинный художникъ — это царь

среди людей, волшебникъ среди Природы; на голосъ его преклоняется народъ; по мановенію руки его пляшутъ толпы невидимыхъ духовъ; страсти облекаются въ живые образы; гробъ сказываетъ свой отвѣтъ!

И я ошибся, избравъ себѣ поприщемъ жизнь художника? Я ошибся, думая, что на головѣ моей свѣтитъ пламя избранника Божьяго?

Вы не поймете, добрый другъ, какое отчаяніе отравляетъ душу при этой мысли! Человѣку, который мечталъ видѣть въ себѣ сына великаго властителя, открываютъ, что онъ сынъ раба; вмѣсто трона ему указываютъ на ошейникъ невольника! *Тебя подмѣнили въ ребячествѣ ошибкою — тебя подмѣнила злая кормилица — ты рабъ, а не Царь!* говорятъ ему — и еще смѣ-

ются при этихъ словахъ, смѣются — Боже великій! неуже-ли люди могутъ въ эти минуты смѣяться? Что-же оставятъ они дьяволу?

Сколько разъ, въ грустномъ, безнадежномъ отчаяніи, думалъ я, что весь міръ хвастливо ошибался и грубо ошибся; что Изящнаго вовсе нѣтъ въ мірѣ; что все это бредъ, вздоръ, мечта; что художникъ есть такой-же работникъ, какъ слесарь, кузнецъ, плотникъ. Это бываетъ утѣшительно думать. Въ самомъ дѣлѣ: почему не такъ? Въ послѣднее время эти мысли особенно радовали меня. Знаете-ли, съ какимъ наслажденіемъ воображалъ я себѣ жалкое униженіе Шекспира, съ ролею въ рукахъ, за кулисами; глупую радость Корреджіо, идущаго съ мѣшкомъ мѣдныхъ денегъ на плечѣ; жадное корыстолюбіе Пага-

нини, подлѣ ящика, гдѣ раздаютъ билеты въ его концертъ . . . . Вотъ вамъ они, эти художники, обнаженные, ободранные! Что вы смотрите на блестящую мишуру ихъ? Глядите на нихъ, какъ глядятъ всѣ другіе: никто ничего въ нихъ не видитъ и не ищетъ. Имъ заказываютъ Трагедію — потому, что людямъ скучно-же сидѣть сложа руки, въ долгіе зимніе вечера; у нихъ покупаютъ картину — надобно-же какому нибудь богачу что нибудь повѣсить на голой стѣнѣ его залы; имъ говорятъ: *играй*! какъ говорятъ собачкѣ: *служи!* И вотъ: поэтъ чинитъ перо свое, живописецъ третъ свои краски, ваятель покупаетъ себѣ у торгаша кусокъ мрамору. Вздоръ, будто когда-то Искуство горделиво стояло въ ряду другихъ великихъ дѣйствій генія

человѣческаго — никогда этого не было! И теперь художникъ есть мастеровой, какимъ былъ всегда! Говорятъ, что лучшіе мастера, во всякомъ дѣлѣ, всѣ пьяницы. Великіе художники — это нравственные пьяницы! Міръ, люди, обстоятельства иногда ихъ вытрезвливаютъ. И тогда, трезвые, они ничего не могутъ сдѣлать, дивятся сами себѣ: какъ они сдѣлали то или другое, въ чаду головы своей? Это лунатики: они лазятъ на крыши, на колокольни; но берегитесь назвать ихъ по имени, берегитесь сказать имъ: « *Ты человѣкъ!* » Лунатикъ тотчасъ свалится съ высоты и расшибется — бѣдняжка!

Но убійственная истина снова, еще сильнѣе прежняго впивается въ сердце, послѣ всѣхъ такихъ оскорбительныхъ для Человѣчества по-

мышленій! Нѣтъ! это клевета на Бога и Человѣка — нѣтъ! не опьяненіе произвело тебя, Ночь Корреджіо, тебя Гамлетъ, тебя, Водопадъ Державина! Въ душахъ создателей вашихъ были забыты міръ, и люди, и страсти! Они творили потому, что не могли не творить; они были художниками потому, что не могли не быть ими! Но какъ-же узнать это безотчетное сознаніе? Неуже-ли Шекспиръ твердилъ свой монологъ Гамлета, когда кралъ орѣхи у судьи Шаллова, а Державинъ читалъ свою Оду Богъ, когда стоялъ съ ружьемъ на караулѣ? Какъ узнать отличіе истиннаго художника? Скажите, скажите мнѣ его, ради Бога! Клянусь, что я принялся-бы шить сапоги, стучать молотомъ по наковальнѣ, если-бы кто нибудь убѣдилъ меня, что я гоняюсь

за тщетною мечтою! Надобно-же было судьбѣ толкать меня на нынѣшнюю мою дорогу. Если-же было надобно, зачѣмъ она ничего не дала мнѣ на дорогу? Зачѣмъ она завалила путь мой людьми, страстями, отношеніями? Путеводная звѣздочка моя свѣтитъ — она прекрасна, но она не солнце, и я замерзну на снѣговой дорогѣ, глядя на мою привѣтную звѣздочку. . . .

Говорятъ, что съ самаго дѣтства уже видно бываетъ назначеніе человѣка. Судя по себѣ, я не знаю: правда ли это. Никогда колыбели моей не окружали ни видѣнія, ни предвѣщанія; никакой благотворный геній не слеталъ баюкать меня; никогда не чувствовалъ я въ дѣтствѣ минуты восторга, въ которую хотѣлъ-бы воскликнуть: *и я живописецъ!* Колыбель мою качала

добрая моя мать, и напѣвала мнѣ баюкальныя пѣсни, какъ и другимъ дѣтямъ; отецъ мой говаривалъ мнѣ: «Учись, Аркадій, азбукѣ — будешь славный канцеляристъ!» Вы знаете отца моего, но не знаете его хорошо. Не видывалъ я человѣка добродѣтельнѣе его; но онъ не получилъ никакого образованія, и намъ не могъ его дать. Вѣчно занятой въ своемъ Казначействѣ, при недостаткахъ въ жизни, онъ сохранялъ только темную какую-то мысль, что надобно учиться для отличія отъ мужиковъ. Чему учиться? Какъ учиться? Отецъ мой не зналъ этого. Выходило то несчастное состояніе, когда человѣкъ теряетъ первобытную грубость, и не восходитъ на степень истиннаго образованія. Старшіе братья мои, добрыя, смирныя, умныя дѣти, учились,

ходили въ Уѣздное Училище, потомъ въ Гимназію. Я былъ негодный баловень, родился слабый, больной, и мать испотворовала меня, сдѣлала упрямымъ, своевольнымъ. Я не былъ ни золъ, ни коваренъ, но меня надобно было уговаривать ласкою, если хотѣли что нибудь изъ меня сдѣлать. Можетъ быть, моя не-охота учиться произвела то, что своевольно бѣгая и играя, я сталъ бодръ и здоровъ. Съ малыхъ лѣтъ братья мнѣ завидовали — ихъ такъ мало ласкали; они хотѣли отнимать мои игрушки, какими мать безпрестанно дарила меня — имъ не давали игрушекъ. Я дрался съ ними, кричалъ, плакалъ; потомъ самъ отдавалъ все братьямъ и товарищамъ, когда ихъ наказывали за ссору со мною. Если-же они сердились, не брали, я бросалъ

все, что дарили мнѣ, все, кромѣ одного: Суздальскихъ картинокъ. Вы знаете эти лубочныя изображенія Райскихъ птицъ, Погребенія кота — это были для меня драгоцѣнности; ихъ не уступалъ я никому, лѣпилъ ихъ на стѣну подлѣ своей кроватки, разсматривалъ ихъ, любовался ими. Нерѣдко просиживалъ я цѣлые часы глядя на нихъ, перелѣпливая ихъ съ мѣста на мѣсто, и даже не помню, когда я началъ ихъ самъ списывать. Въ памяти моей сохранилось нѣсколько случаевъ дѣтства, оставившихъ во мнѣ болѣе сильное впечатлѣніе. Однажды пріятель отца моего, слыша, что я безтолковъ и лѣнивъ на ученье, сказалъ, что принесетъ книгу, которая заставитъ меня полюбить ученье. Онъ подарилъ мнѣ, въ мои именины, *Начальное руководство*, книгу,

изданную въ 1793 году, въ Петербургѣ, со множествомъ картинокъ. Въ этотъ день я не спалъ, и почти ничего не ѣлъ: книга эта казалась мнѣ новымъ, волшебнымъ міромъ! Тутъ было все: Цари, боги, Исторія, цвѣты, звѣри. Я скоро выучился читать, для того только, чтобы знать, что̀ такое значатъ всѣ эти чудныя изображенія? *Начальное руководство* составлено не мастеромъ своего дѣла: это небольшая Энциклопедія, гдѣ смѣшано безъ разбора все: Священная Исторія, Миѳологія, Естествознаніе, Технологія, басни, сказки; многое совсѣмъ не приноровлено къ понятіямъ дѣтей. Я вытвердилъ его наизустъ. Показывая рисунки, я могъ подробно разсказывать содержаніе ихъ, и изумлялъ гостей отца моего своими знаніями, не зная ничего

основательно. Въ головѣ моей вертѣлся хаосъ словъ, сказокъ, свѣдѣній; но я приводилъ въ замѣшательство старшихъ братьевъ моихъ, учениковъ Гимназіи. Видя, что я самъ себѣ составляю краски изъ угля, чернилъ, ягодъ, цвѣтовъ, мнѣ подарили кисточку и ящичекъ плохихъ красокъ. Тогда я ничему уже не хотѣлъ болѣе учиться, и только рисовалъ безпрестанно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, опять дивились моимъ рисункамъ. Я копировалъ все изъ моего *Руководства*, списывалъ всѣ мои Суздальскія картинки, срисовывалъ цвѣты, дѣлалъ силуэты, такъ искусно, что они были совершенно не похожи ни на кого, но мать хвалила меня съ восторгомъ, называла руки мои *золотыми*. И я гордился, рисовалъ неутомимо, почиталъ себя великимъ мастеромъ,

до того, что однажды, оставшись одинъ дома, вздумалъ я списать образъ Ахтырскія Богоматери, находившійся въ моей комнатѣ. Мать застала меня за этимъ занятіемъ, тихонько подошла, и, вмѣсто того, чтобы бранить, обняла меня, заплакала. «Ахъ, ты, мой милый Аркадій!» сказала она мнѣ. «Ты напоминаешь мнѣ грѣхъ, лежащій на душѣ моей!» Я испугался. Мать моя объяснила мнѣ, что когда я, едва родившись, былъ отчаянно боленъ, она дала странное *обѣщаніе*: если я выздоровѣю, научить меня *Иконописанію*, чтобы я могъ самъ списать образъ Ахтырскія Богоматери, и на свои-бы деньги сдѣлалъ потòмъ для этого образа ризу позолоченую. «До сихъ поръ, я не подумала еще объ этомъ, окаянная!» сказала мать моя, сложивъ руки....

и слезы потекли по щекамъ ея... «Не подумала, хоть самъ Господь вложилъ въ тебя охоту къ Живописи, и теперь явно наводитъ меня на покаяніе, когда ты, не знавши моего обѣщанья, по своей волѣ принялся списывать образъ ея, Матушки Владычицы!»

Да, если я не чувствовалъ никогда тайнаго отзыва генія Изящнаго, то это событіе вдругъ замѣнило мнѣ всѣ его отзывы. Боже! какъ наполнилась жаромъ какимъ-то моя голова, какъ забилось мое сердце! Благочестіе было всегда первымъ правиломъ въ нашемъ домѣ. Мать моя была чрезвычайно набожна. «Я обреченъ при самомъ рожденіи списать образъ твой, Владычица!» думалъ я, смотря на икону Ахтырскія Богоматери. Вы знаете этотъ образъ: на немъ изо-

бражена Богоматерь въ простой одеждѣ; умиленно сложила она руки предъ Распятіемъ. « Я долженъ снять обѣщаніе съ души матери моей!» Мнѣ показалось, что Богоматерь улыбается мнѣ; со слезами бросился я на шею къ матери моей, и потомъ убѣжалъ въ садъ. Вечеръ былъ прелестный. Солнце тонуло въ разодранныхъ, фигурныхъ, фантастическихъ облакахъ, облегавшихъ западъ послѣ сильнаго дождя; оно расцвѣчало ихъ радужными цвѣтами; все остальное небо было голубое, синее, и переливалось по краямъ золотомъ и пурпуромъ. Въ первый разъ въ жизни, Природа, дотолѣ мертвая, механическая, заговорила со мною. Стоя на колѣняхъ, я молился, глядѣлъ на небо, на эти цвѣтныя облака, и мнѣ казались они сонмами Святыхъ, обра-

зами Богоматери, исполинскими украшеніями храма Предвѣчнаго! Вѣтерокъ зашелестилъ листами; соловей защелкалъ въ ближней рощѣ; иволга, милая моя иволга втприла мнѣ своимъ унылымъ голосомъ... Счастливое мгновеніе! Тогда рѣшился мой жребій!

Неправда, будто Изящныя Художества составились механическимъ подражаніемъ Природѣ. Тогда, молясь въ саду, я не могъ-бы доказать противнаго, но не повѣрилъ-бы, если-бъ стали мнѣ говорить объ этомъ! Въ то мгновеніе я былъ первобытнымъ человѣкомъ, тѣмъ дѣвственнымъ человѣкомъ, который первый вздумалъ перенести образъ Человѣка и Природы въ Искуство. Надобно, чтобы когда нибудь этотъ *первый* существовалъ. Я, дитя, восторженное порывомъ къ Божествен-

ному, проникнутое пророческимъ голосомъ матери, который обрекъ меня *быть живописцемъ*, когда еще я не понималъ ничего, когда жизнь и смерть спорили обо мнѣ, ничтожномъ, безсильномъ — я безотчетно перелетѣлъ въ область первобытной фантазіи человѣка: я создавалъ себѣ, что узналъ я послѣ; создавалъ много такого, чего не знаю еще и теперь! Все, что читалъ я въ моемъ *Начальномъ Руководствѣ*—Исторія, Басня, Сказка — все слилось съ тѣмъ, что меня окружало, съ этимъ небомъ, этою землею, этою зеленью деревъ, этимъ пѣніемъ птичекъ, слилось въ душѣ моей въ неясные образы, оцвѣтилось радугою. Выразить, сказать это — я не могъ и не умѣлъ. Съ жаромъ чертилъ я тогда на пескѣ палочкою фигуры; онѣ были неправильны, нелѣпы. Но это не

было грубое желаніе только чертить что-то похожее на человѣка, на звѣря, на птицу — нѣтъ: эти черты изображали для меня идею того, что скрывалось въ душѣ моей. Указывая на нихъ, съ дѣтскимъ добродушіемъ, я готовъ былъ подробно, краснорѣчиво объяснить, что онѣ для меня изображали. Если-бъ я былъ язычникъ, я преклонился-бы предъ ними, видя въ нихъ сокрытую, тайную мысль, которой вполнѣ не могъ я выразить, не только словами, но и въ душѣ моей, моими мыслями!

Простите мнѣ подробности о моемъ дѣтствѣ. Видите, какъ странно связывалась жизнь моя съ тѣмъ, что послѣ, въ часы забывчиваго наслажденія, я почиталъ своимъ предназначеніемъ, и — чего теперь не почитаю этимъ. . . .

Разговоръ съ матерью, и время проведенное мною послѣ того въ саду, неизгладимо запали въ душу мою. Какое-то религіозное чувство стало наполнять меня послѣ того всякій разъ, когда я смотрѣлъ на Образа. Мнѣ казалось, что они Богомъ поставлены въ жилище человѣка, чтобы напоминать ему о небѣ, о томъ чувствѣ, какое испыталъ я, молясь въ саду. Люди, создающіе эти святые Образа, казались мнѣ людьми, отличенными Богомъ отъ всѣхъ смертныхъ. Въ первый разъ узналъ я наслажденіе переживать себя въ созданіи своемъ. Неизобразимо было впечатлѣніе, когда приходилъ я послѣ того въ церковь. Тамъ, старинный высокій иконостасъ нашей приходской церкви, съ темными его Образами, казался мнѣ міромъ, который созда-

ло Искуство Человѣка, напоминая ему о высокомъ назначеніи Художника, какъ изобразителя Божественнаго. Когда, за всенощною, растворялись Царскія двери, и среди куренья ѳиміама, въ сумракѣ ночи, тускло озаряемомъ мелькавшимъ передъ Образами огнемъ свѣчь, при звонѣ колоколовъ, наносимомъ откуда-то издалека, извнѣ, сверху, являлись Священникъ и Діаконъ, въ своихъ блестящихъ ризахъ, и когда согласный клиръ громко начиналъ пѣть: «*Хвалите имя Господне, аллилуія!*»... О, мнѣ тогда казалось, что иконостасъ, алтарь, весь храмъ, и самъ я — все превращалось въ картину! И эта картина шевелилась, оживлялаеь — казалась мнѣ безмѣрною; лики Святыхъ являлись чѣмъ-то оживленнымъ, не человѣческимъ, алтарь престоломъ Бога, и

весь міръ его рамою ! Послѣ того, я не могъ уже смотрѣть на мои Суздальскія картинки, на эстампы, гдѣ изображались звѣри, и птицы, и люди. Я бросилъ мое *Начальное Руководство*, гдѣ Живопись сведена была часто на изображеніе предметовъ ничтожныхъ. Греческое Иконописаніе, съ его неестественными цвѣтами, его рельэфнымъ очеркомъ, мечталось мнѣ единымъ достойнымъ Живописи дѣломъ.

Я умолялъ мать мою: отдать меня учиться Иконописанію. Она не смѣла сказать объ этомъ отцу. Какъ можно было мнѣ, сыну Титулярнаго Совѣтника, учиться у мужика какого нибудь, и чему-же? Пусть-бы Рисованью, такъ, какъ учатся ему дворянскія дѣти, учатся братья мои въ Училищѣ, гдѣ ихъ заставляютъ скопировывать глаза

и уши, нерѣдко съ уродливыхъ гравюрокъ, Богъ знаетъ для чего — для того, можетъ быть, что имъ не льзя-же не быть въ классѣ Рисованья. Но мнѣ учиться *писать Образа, у цеховаго иконописца!* Однажды мать моя заговорила было съ отцомъ о моей охотѣ къ Живописи, и о томъ: не нанять-ли мнѣ учителя?—То-то—сказалъ отецъ—къ дѣльному, такъ у него охоты нѣтъ, а вотъ къ дряни такъ охота! — «А что вы, папенька, называете *дѣльнымъ?*» спросилъ я. — То, братецъ, что ты долженъ учиться писать, читать, Ариѳметикѣ, да готовиться быть порядочнымъ человѣкомъ! — «А что такое, папенька, *порядочный человѣкъ?*»—То, что порядочный, т. е. *чиновникъ*, какъ я, и какъ другіе, и какъ всѣ хорошіе люди. — «И мнѣ надобно

будетъ, такъ-же какъ вамъ, сидѣть въ Казначействѣ, или въ Палатѣ, какъ дядинька, гдѣ я у него много разъ бывалъ. Но тамъ гадко, папенька! Тамъ сидятъ подьячіе!» — Прошу покорно: *подьячіе!* Да я-то кто? А ты самъ что за птица? Ты долженъ быть приказнымъ человѣкомъ, и умѣть зарабатывать себѣ хлѣбъ. — «Развѣ только о хлѣбѣ надобно человѣку думать?» — Разумѣется; о чемъ-же еще. Не вѣкъ я буду съ вами, умру; кто станетъ тогда васъ кормить? — Я заплакалъ: онъ умретъ, и мнѣ должно будетъ сидѣть въ Палатѣ, среди этихъ подьячихъ, думать о хлѣбѣ, только о хлѣбѣ! Мнѣ казалось, что вся будущая жизнь моя потемнѣла тогда передо мною....

Видите, какое странное противорѣчіе было во всемъ моемъ образо-

ванія. Я носилъ въ душѣ моей безотчетный, но высокій идеалъ Живописи, какъ Искуства, изображающаго Божественное. А люди понимали подъ этимъ Искуствомъ какое-то черченье домовъ, глазъ, носовъ, цвѣтовъ. И мнѣ указывали на такое занятіе какъ на ничтожное дѣло, пустую забаву. И мнѣ говорили, что я долженъ цѣлый вѣкъ просидѣть въ Палатѣ, между этими подьячими, которыхъ я страшился, ненавидѣлъ — и не диво: вспомните нашихъ провинціяльныхъ подьячихъ, оборванныхъ, пьяныхъ! Я замѣтилъ, правда, бывши нѣсколько разъ въ Палатѣ у дяди моего, что тамъ сидятъ еще другіе люди, которыхъ всѣ уважаютъ, которые украшены блестящими крестами. Но я, или думалъ, что они такіе-же подьячіе, только старшіе, или жа-

лѣлъ, что они, люди хорошіе, должны сидѣть въ мрачной, закоптѣлой Палатѣ. «Бѣдные!» думалъ я. «И всѣ-то они бьются изъ хлѣба! И неуже-ли его такъ трудно добывать? И неуже-ли, кромѣ его, ничего нѣтъ на свѣтѣ?» Стоя въ церкви, я часто смотривалъ на икону, бывшую внизу иконостаса. На ней изображенъ былъ Спаситель въ пустынѣ. Передъ нимъ стоялъ Искуситель, подавалъ ему камень, и говорилъ: «Преврати его въ хлѣбъ!» — Отвѣтъ Спасителя былъ подписанъ вверху. Онъ врѣзался въ мою память, этотъ божественный отвѣтъ: «*Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ Божіемъ!*» Сколько думалъ я надъ этимъ отвѣтомъ! Спросить мнѣ было не у кого. Я самъ себѣ разрѣшалъ слова Спасителя. *Глаголъ Бо-*

жій, думалъ я, есть то чувство, которое хранится въ душѣ моей, и говоритъ мнѣ, что я долженъ быть изобразителемъ для людей Божественнаго, изобразителемъ не изъ насущнаго хлѣба, но по внушенію Божьему. Тогда и камень превратится для меня въ хлѣбъ.

Мать моя не смѣла ничего болѣе говорить отцу моему; но, связанная обѣщаніемъ своимъ, слабая, добрая, рѣшилась учить меня Иконописанію между дѣломъ, тихонько. Мы условились съ нею, что я буду ходить въ Училище, хотя для виду, и начну между тѣмъ учиться у знакомаго намъ иконописца. Знаете-ли вы, что̀ такое *иконописцы* Русскіе? Они введены въ цехъ, и составляютъ въ Россіи многочисленное сословіе. У нихъ есть своя теорія Живописи, свои манеры писать,

составлять краски, покрывать картины лакомъ. У нихъ есть свои преданія, повѣрья, условія, есть цѣлая письменная книга, гдѣ изложены тайны ихъ искусства. У нихъ есть свои Школы—*Корсунская*, *Строгоновская*, *Вологодская*. Какъ литье колоколовъ почитается у насъ донынѣ чѣмъ-то таинственнымъ, съ чѣмъ соединяется молитва, къ чему не должно касаться съ злою мыслью, такъ у иконописцевъ ихъ занятіе. Они не допустятъ въ свой цехъ человѣка дурной нравственности, и не сдѣлаютъ его настоящимъ мастеромъ. Они знаютъ, что живописцемъ былъ Евангелистъ Лука; что первый Образъ создалъ самъ Спаситель, утершись бѣлымъ полотномъ, и пославъ свой *Нерукотворенный* ликъ Царю Авгарю. Сзади насъ жилъ иконописецъ — истинное изо-

браженіе древнихъ послѣдователей Алимпія Печерскаго и благочестиваго Андрея Рублева, оставшихся въ памяти потомства. Это былъ старикъ, добродѣтельный, богобоязливый. Къ нему привела меня мать моя. Мы застали нашего Альбрехта Дюрера за его работою: на большомъ столѣ лежала передъ нимъ огромная доска; онъ писалъ на ней образъ Богоматери, *всѣхъ скорбящихъ радости*. Выслушавъ мать мою, которую любилъ и уважалъ, какъ добрую сосѣдку, старикъ указалъ ей на образъ. « Вы, сударыня, скорбите о неисполненномъ вашемъ обѣщаніи, » сказалъ онъ, « а Пречистая пріемлетъ всякую скорбь, и я, изображая теперь ея образъ, могу-*ли* отказать вамъ? Будь благословенно ваше благочестивое желаніе!» Онъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ

меня въ голову; сѣдая, длинная борода его упала мнѣ на лицо. Старихъ благословилъ меня, велѣлъ намъ, и началъ самъ молиться. Какое благоговѣніе проникло тогда въ душу мою! Я былъ въ патріархальномъ вѣкѣ Искуства. Здѣсь видѣли въ немъ великое, святое занятіе, не ничтожную забаву. Его начинали молитвою; Образъ Богоматери, разрѣшающій душу моей матери, составлялъ предметъ труда. Чистая, свѣтлая комната, гдѣ мы находились; множество Образовъ, радость матери моей, смиренное торжество старика, когда онъ заговорилъ послѣ того съ матерью моею о своемъ занятіи, сѣтовалъ объ упадкѣ его, о забвеніи чистой Иконописи, о развращеніи нравовъ между людьми, которые ею занимаются — это было что-то высокое, отъ чего ду-

ша моя отдыхала! «Суета овладѣваетъ міромъ!» — говорилъ старикъ. — «Что теперь дѣлаютъ съ Искуствомъ, занимавшимъ нѣкогда Св. Евангелиста Луку и великаго чудотворца Петра, Митрополита Всероссійскаго! Что пишутъ! Знаете-ли, что прежде только избранные допускались къ Живописи; что ихъ торжественно благословляли Святители, испытавъ напередъ ихъ искусство и нравъ; что Цари призывали въ чертоги свои художниковъ, благоговѣйно молясь ихъ созданіямъ?

«Въ Стоглавномъ Уложеніи сказано: « *Подобаетъ живописцу быти смирну и кротку, благоговѣйну, непразднословцу, не смѣхотворцу, ни сварливу, ни завистливу, ни пьяницѣ, ни убійцѣ. Наипаче-же подобаетъ ему хранити всякую чистоту, ду-*

шевную и тѣлесную, въ постѣ и молитвѣ пребывати, и съ превеликимъ тщанїемъ воображати, и писати, что вообразитъ божественное. Царю такихъ живописцевъ подобаетъ жаловати, и Святителямъ брещи и почитати ихъ, паче простыхъ человѣковъ, зане Богъ талантъ великій открылъ имъ!»

Я началъ учиться у старика, и переселился въ новый, очарованный міръ. Мое дѣло сливалось теперь для меня съ нравственностью, съ добродѣтелью. Не было у меня идеаловъ; не зналъ я великихъ твореній человѣческихъ; но я видѣлъ что-то небесное, таинственное въ занятіи моемъ. Славы я не вѣдалъ — мысль объ *Изящномъ* меня не касалась: я считалъ себя исполнителемъ обѣта матери моей, и тѣмъ большую прелесть имѣло это для

меня, что соединено было съ тайною. Отецъ и домашніе, никто не зналъ, какъ уходилъ я черезъ садъ къ моему учителю. Старикъ полюбилъ меня, не слыхалъ во мнѣ души. По моей страсти, по моему образованію, я превышалъ всѣхъ простыхъ его учениковъ, цеховыхъ работниковъ, мѣщанскихъ дѣтей. Мысль, что у него учится *баричъ*, радовала старика и потому уже, что придерживаясь немного старообрядства, онъ полагалъ высшія званія потерявшими чистую вѣру, и радовался, что во мнѣ успѣетъ водворить древнее благочестіе, радовался моей кротости, моей набожности. Во время работы, онъ безпрерывно бесѣдовалъ со мною. Онъ разговаривалъ о чудесахъ, о Св. Писаніи. Не рѣдко, оставляя занятіе, читалъ онъ со мною житія Святыхъ,

плакалъ за ними, и заставлялъ меня невольно плакать. Помню, какъ онъ разсказывалъ мнѣ однажды видѣнія святой отроковицы Музы, выбравшей во снѣ цвѣтокъ Смерти, какъ величайшее блаженство въ мірѣ! Ангелъ подавалъ ей *три цвѣтка* — она выбрала бѣлый, прелестнѣйшій — это была *смерть*, тихая, блаженная кончина, въ чистотѣ и невинности, награда благоугодившей Богу отроковицѣ... Со слезами слушая сію повѣсть, я ждалъ моего Ангела, благовѣстника смерти... Скоро однакожъ не сталъ я довольствоваться ученіемъ у моего старика, снова улетая въ область мечтаній. Голова моя разгаралась въ мечтаніяхъ. Я старался объяснить старику свои темныя мысли. «Неужели — говорилъ я — ты думаешь, что изображенія твои выполняютъ

всю мысль величія и святости, какія можетъ человѣкъ понимать, и хочетъ изобразить? Я воображаю себѣ красоту Бога выше красоты человѣка. Неуже-ли человѣку не льзя изобразить этой не-человѣческой красоты, если онъ ее понимаетъ? Для чего-же онъ понимаетъ ее? Неуже-ли и не было покушенія стать выше той степени, на которой находится твоя живопись? — «Были, сынъ мой» — отвѣчалъ мнѣ старикъ — «были такія покушенія, но неизобразимое тщетно будемъ стараться изобразить! Поймешь-ли ты Бога? Но, посмотри: этотъ треугольникъ, съ сіяніемъ, изображаетъ тебѣ *мысль* твою о Богѣ! Такъ и мои изображенія представляютъ его: это нижняя ступень лѣстницы, видѣнной святымъ Іаковомъ, ступень, лежащая на землѣ; а конецъ лѣстни-

цы скрытъ въ небѣ. Засни на этой земной, нижней ступенькѣ, святымъ, дѣтскимъ, невиннымъ сномъ, и переносись только мыслію къ созерцанію того, что невообразимо и неизобразимо.» — Богъ неизобразимъ — отвѣчалъ я задумчиво — такъ, но Онъ являлся на землѣ человѣкомъ. Покажи мнѣ хоть то, что было въ немъ тогда человѣческаго. Но неуже-ли такъ груба была бѣлизна одежды преображеннаго на Ѳаворѣ Бога, какъ ты ее изображаешь?—«Нѣтъ! Лицо его было, яко солнце, и ризы его бѣлы, яко снѣгъ — да гдѣ-же я возьму красокъ, дитя мое? Въ мірѣ ихъ нѣтъ! И могу-ли изобразить сіяніе Бога, если одинъ лучъ солнечный, только еще солнечный, упавшій на сіяніе, мною изображенное, темнитъ его! Говорятъ, что были будто-бы, гдѣ-то,

живописцы, до того чудно изобразившіе Преображеніе и Рождество, что человѣкъ въ забвеніи можетъ подумать, будто ихъ не кисть писала человѣческая, не краски изображали! Но я не вѣрю этимъ разсказамъ. Видалъ я Нѣмецкія и Итальянскія картинки, которыя Католики называютъ образами, но это грубые портреты мужей и женъ красивыхъ, человѣческія, а не божественныя изображенія. Сынъ мой! будь прежде всего смиренномудръ — не ищи того, что не дано человѣку, или — горе тебѣ!»

Такъ, горе мнѣ! Я искалъ чего не дано мнѣ! Но какъ могъ я воспротивиться судьбѣ, увлекавшей меня по безднамъ несбыточныхъ мечтаній!

Однажды утромъ, застаю у моего учителя какого-то незнакомаго

мнѣ человѣка, въ простомъ сюртукѣ, въ поношеной шляпѣ, съ палкою въ рукахъ. Онъ сидѣлъ, и тщательно смотрѣлъ на работу старика, разспрашивалъ о разныхъ подробностяхъ, и заказывалъ ему написать образъ, самымъ стариннымъ, *Корсунскимъ писанiемъ*. Не обращая вниманiя на незнакомца, я подошелъ къ благословенiю старика: такъ всегда начиналась моя работа; потòмъ сѣлъ я за свой столикъ. Незнакомецъ, казалось, изумился, взглянувъ на меня.

«Любезный другъ,» сказалъ онъ старику моему, «развѣ это также твой ученикъ?

— Да, М. Г. —

« Но, кажется, онъ долженъ быть изъ благородныхъ, а не изъ цеховаго званiя?

Я былъ одѣтъ въ своей курточкѣ, съ ворошникомъ à l'enfant.

— Да, М. Г. Это сынъ моего сосѣда, господина Казначея...., между нами только сказать.

« Развѣ это какая нибудь тайна? » спросилъ незнакомецъ.

— Да, М. Г. — отвѣчалъ мой старикъ, и разсказалъ ему въ полголоса все происшествіе.

Незнакомецъ слушалъ хладнокровно. Потомъ долго говорилъ онъ что-то со старикомъ; но я не слыхалъ ихъ разговора, занятой моею работою; я покрывалъ тогда лакомъ икону. Совсѣмъ не замѣтилъ я, какъ незнакомецъ сѣлъ подлѣ меня и глядѣлъ пристально на мое занятіе. Онъ началъ потомъ со мною разговоръ. Я привыкъ уже видѣть людей, приходившихъ къ старику, и распрашивавшихъ его изъ

любопытства объ его искуствѣ. Тутъ имѣлъ я случай внимательно разсмотрѣть незнакомца. Ахъ! черты его изгладятся изъ души моей только съ моей смертію! Лицо незнакомца было блѣдно; черные волосы, и густые черные бакенбарты, придавали ему какую-то суровость; темные, унылые глаза его оживлялись участіемъ. Ему было лѣтъ сорокъ пять, по видимому.

Казалось, что мои отвѣты ему нравились. Но онъ вдругъ замолчалъ, и ушелъ. «Кто это былъ?» спрашивалъ я у моего старика. — Богъ его знаетъ. Умный и, кажется, благочестивый человѣкъ, даромъ, что баринъ — отвѣчалъ старикъ.

Дня черезъ два, когда отецъ мой, послѣ обѣда, сидѣлъ въ своемъ садикѣ, къ намъ явился чиновникъ изъ Губернаторской Канцеляріи. Нео-

жиданный приходъ этого чиновника встревожилъ весь домъ, особливо когда онъ сказалъ, что *присланъ отъ Губернатора* и желаетъ видѣться съ отцемъ моимъ. Отецъ мой опрометью прибѣжалъ въ комнату. Мы толпою глядѣли изъ дверей, какъ раскланивался, какъ усаживалъ онъ гостя неожиданнаго.

— Что́-бы это такое̂ значило! — вскричалъ мой отецъ, когда чиновникъ ушелъ. — Къ Его Превосходительству, завтра непремѣнно, на особенную аудіэнцію! И горе и радость! Зачѣмъ-бы это? Непріятности никакой нѣтъ; онъ велѣлъ мнѣ именно подтвердить это. Развѣ при своей особѣ хочетъ меня опредѣлить, *по особеннымъ порученіямъ?* Что-же? Славно! Жена! бѣлую манишку и галстукъ бѣлый приготовить мнѣ къ завтраму! — Всѣ

мы, мать моя, даже слуги, только и толковали о томъ, что отецъ мой завтра позванъ къ Губернатору, *особенно* и *непремѣнно*. Отецъ мой всталъ часомъ ранѣе обыкновеннаго, тщательно брился, безпрестанно глядѣлъ на стѣнные деревянные часы, боялся, радовался....

— Диковинка, диковинныя вещи! — вскричалъ онъ, едва переступилъ черезъ порогъ, послѣ своего возвращенія. — Жена! знаешь-ли зачѣмъ звали меня?

«Нѣтъ, другъ мой!» отвѣчала мать моя, глядя на него съ робкимъ нетерпѣніемъ.

— Его Превосходительство проситъ отдать ему нашего Аркадія.

« Какъ отдать?

— Да такъ, отдать, чтобы онъ воспитывался вмѣстѣ съ его пле-

мянникомъ; онъ хочетъ самолучшимъ образомъ воспитать его, и сдѣлать значительнымъ человѣкомъ.

Мать моя заплакала—не знаю, отъ горести или отъ радости. Я задрожалъ; въ глазахъ у меня сдѣлалось темно отъ слезъ; я зарыдалъ.

— И ты согласился? — спросила мать моя.

« А для чего-же и не такъ? Съ Богомъ!

— Чѣмъ я прогнѣвалъ васъ, папенька? За что хотите вы прогнать меня отъ себя?—вскричалъ я, падая на колѣни. Слезы лились у меня ручьемъ.

«Ахъ! ты, дуралей!» сказалъ отецъ мой, усмѣхаясь. «Поди вонъ, и не говори ни слова.»

Я ушелъ въ другую комнату, плакалъ потихоньку, а между тѣмъ слушалъ, какъ разсуждали отецъ и

мать мои. Они не понимали, что̀ это значитъ: почему *Его Превосходительство* узналъ Аркадія; почему онъ требуетъ именно *его?* Мать моя думала, что это милость Божія, хоть я и не въ сорочкѣ родился. Между тѣмъ я не понималъ ничего въ такомъ нежданномъ переворотѣ дѣлъ. Я видалъ до тѣхъ поръ Губернатора только раза два, въ блестящемъ мундирѣ, окруженнаго большою свитою, зналъ, что его въ городѣ всѣ боятся, слыхалъ, что онъ все можетъ сдѣлать. Жаръ и ознобъ чувствовалъ я весь этотъ день.

Мнѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать. Если можетъ быть поэтическимъ названо воспитаніе самое безпорядочное, то мое воспитаніе, какъ вы видѣли, было поэтическое. Я жилъ въ какомъ-то странномъ

патріархальномъ мірѣ, читалъ много, зналъ много, и ничего не зналъ порядкомъ. Въ Училищѣ, куда не переставалъ я ходить по уговору съ матерью, меня почитали самымъ негоднымъ ученикомъ, лѣнивымъ, упрямымъ; даже не заботились, когда не зналъ я уроковъ, или вовсе не приходилъ. Мать извиняла меня слабымъ здоровьемъ, хотя я былъ здоровъ, силенъ и крѣпокъ. Старикъ иконописецъ былъ отъ меня въ восторгѣ; мои успѣхи у него казались необыкновенными. Онъ не могъ нахвалиться и тихостью, кротостью моего нрава. Таково было тогда во мнѣ соединеніе противоположностей, и — благословенный миръ никогда и потомъ не сходилъ на меня, на мою душу, мое сердце, мое воображеніе: они вѣчно ссорились и ссорятся между собою. . . .

Въ совершенномъ отчаяніи, какъ будто на казнь, одѣвался я на другой день послѣ обѣда, когда отцу моему велѣно было пріѣхать и привезти меня къ *Его Превосходительству*. Я не зналъ: какъ мнѣ войдти въ великолѣпный Губернаторскій домъ, мимо котораго съ любопытствомъ хаживалъ я иногда мимо; гдѣ мнѣ стать; какъ говорить и что̀ говорить! *Его Превосходительство* и — *я!* Насъ раздѣляла бездна неизмѣримая!

Но безпокойство мое немного уменьшилось, когда я узналъ, что мы поѣдемъ не въ домъ Губернатора, а на дачу его, верстахъ въ трехъ отъ города. Однажды, цѣлымъ семействомъ гуляли мы тамъ по саду, когда Губернаторъ былъ въ городѣ. Домъ у него на дачѣ былъ построенъ небольшой, но прекрасный.

Мнѣ страхъ какъ хотѣлось, помню я, войдти въ него, но отецъ запретилъ мнѣ и думать объ этомъ. Его Превосходительство казался мнѣ теперь не такъ страшенъ, когда не соединялась съ нимъ мысль о великолѣпныхъ его чертогахъ. Въ его хорошенькомъ, загородномъ домѣ, я какъ-то легче могъ снести величіе Его Превосходительства. Дорогою — очаровательныя окрестности, прелестное мѣстоположеніе на берегу рѣки, рощицы, поля разсѣяли мою грусть. Я опять оробѣлъ, когда остановивъ старыя дрожки свои у воротъ, отецъ мой у крыльца еще снялъ свою шляпу, и въ сѣняхъ долго оправлялся, училъ меня кланяться, потомъ на цыпочкахъ пошелъ по залѣ, гдѣ большія зеркала, люстры, паркетный полъ меня совершенно изумили. Я дро-

жалъ подходя къ кабинету; насъ было велѣно провести прямо въ кабинетъ. Но едва растворилась дверь, страхъ мой прошелъ. За большимъ бюро сидѣлъ тутъ — мой *знакомый незнакомецъ*, котораго я видѣлъ у моего старика иконописца!

Въ поясъ, множество разъ, кланялся ему отецъ мой. Я стоялъ выпучивъ глаза, когда незнакомецъ мой подошелъ дружески къ отцу моему, и пожалъ ему руку.

— Познакомимся, любезный мой Аркадій! — сказалъ потомъ мнѣ незнакомецъ, съ улыбкою.

« Да гдѣ-же Губернаторъ, *Его Превосходительство?* » отвѣчалъ я, не кланяясь ему.

Отецъ мой покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ опять улыбнулся.— « Неуже-ли вы Губернаторъ, вы Его

Превосходительство?» спросилъ я добродушно.

— Кажется — отвѣчалъ онъ. — Прошу, мой другъ, полюбить меня. — Я совершенно смѣшался. «Ахъ! васъ я уже полюбилъ!» вскричалъ я. «Вы такой добрый, такой ласковый. Не знаю, за что васъ боятся люди!»

Незнакомецъ не могъ утаить вздоха, и грустно посмотрѣлъ на меня. Я едва не заплакалъ; я какъ будто понялъ его; мнѣ стало его жаль, самъ не знаю отъ чего. Тутъ хотѣлъ я, по наученію отцовскому, поцѣловать руку Губернатора; онъ не допустилъ до этого, обнялъ меня, и поцѣловалъ въ голову.

Послѣ того усадили порядкомъ моего отца и меня. Съ изумленіемъ глядѣлъ я на блестящіе шкафы съ книгами, на статуи между шкафа-

ми, дорогое бюро, часы. Сердце мое трепетало. Я пристально смотрѣлъ и на самого хозяина нашего, и лицо его казалось мнѣ добрымъ, увлекало меня. Принесли чай. Я не смѣлъ взяться за дорогую фарфоровую чашку. Отецъ мой не зналъ куда дѣвать ему свою шляпу, и рѣшился пить чай держа шляпу подъ мышкою, какъ это ни было ему неловко. Тутъ явились: племянникъ Губернатора, мальчикъ моихъ лѣтъ; сѣдой старикъ, гувернёръ его, и еще старикъ — вы его знаете: это мой добрый Семенъ Иванычъ. «У тебя будетъ товарищъ, Саша,» сказалъ Губернаторъ племяннику: «подружись съ нимъ!» Мальчикъ горделиво вздернулъ голову; потомъ ловко расшаркался, и началъ говорить мнѣ по-Французски: я былъ уничтоженъ! Онъ такъ былъ

щегольски одѣтъ, такъ ловокъ, такъ свободно ходилъ и прыгалъ по кабинету Губернаторскому. Я дичился, чувствовалъ свое невѣжество, свою ничтожность.

Но въ это время нечаянно растворили дверь въ другую комнату, родъ небольшаго будуара.... карпузикъ мой выпалъ у меня изъ рукъ, и я невольно вскрикнулъ: «Ахъ! что это у васъ тамъ?» Тамъ увидѣлъ я нѣсколько картинъ.

«Развѣ вы не знаете, и никогда не видывали картинъ?» спросилъ у меня племянникъ.

— Не знаю, не видывалъ! — отвѣчалъ я, сложивъ руки на груди. — «Пойдемъ-же смотрѣть!» сказалъ племянникъ прыгая. Онъ потащилъ меня за руку. Тамъ, надъ диванами будуара, висѣло нѣсколько картинъ,

въ раззолоченныхъ, богатыхъ рамахъ.

— Вотъ, смотрите — говорилъ мнѣ племянникъ, указывая на картины — вотъ *Корреджіева Ночь*, вотъ *Іоаннъ Богословъ Доминикина*, вотъ *Оссіанъ Жироде*, вотъ *Фридриховъ пустынный, приморскій берегъ*. . . .

Я стоялъ внѣ себя.

Такъ вотъ оно, то, о чемъ мечталъ я въ саду, когда молился тамъ, узнавъ *обѣщаніе* моей матери! Вотъ тѣ образа, о которыхъ говорилъ мнѣ старикъ-учитель, называя слухи о нихъ несбыточными!

— Дядинька! онъ ихъ вовсе не знаетъ!—сказалъ Губернатору племянникъ.

«Онъ знаетъ ихъ лучше тебя!» отвѣчалъ Губернаторъ, стоя подлѣ меня, поджавъ руки, и съ какимъ-

то горестнымъ наслажденіемъ смотря, какъ я позабылъ всѣхъ, и самого себя, стоялъ, глядѣлъ на божественныя изображенія! Это были копіи съ картинъ Доминикина, Корреджіо, Жироде, Фридриха.

— Сядь здѣсь, любезный Аркадій — сказалъ Губернаторъ, усаживая меня на диванъ — и скажи: нравятся-ли тебѣ эти картины?

«Развѣ это картины?» отвѣчалъ я. «Нѣтъ! Не обманывайте меня: вѣтеръ точно вѣетъ въ волосахъ этого старика—этотъ мѣсяцъ свѣтитъ — а это тотъ самый святой Апостолъ, котораго Іисусъ Христосъ любилъ больше всѣхъ своихъ учениковъ — а это видимо Господь новорожденный — отъ него сіяніе нестерпимо — посмотрите, какъ этотъ человѣкъ закрываетъ глаза:

вѣдь онъ живой!» Забывшись я преклонилъ колѣна и молился.

— Довольно — сказалъ Губернаторъ поспѣшно — довольно! Пойдемте, дѣти!—Я позволилъ увести себя изъ комнаты, но ничего не могъ говорить. Едва замѣтилъ я, какъ распрощался мой отецъ и куда ушелъ Губернаторъ.

Едва мы отъѣхали немного отъ дачи, какъ отецъ началъ меня бранить. «Ты былъ дуракъ, мужицкій мальчикъ, шалунъ!» говорилъ онъ мнѣ. «Самъ ты не хотѣлъ прежде идти къ Его Превосходительству, а теперь я уже тебя и не пущу, да и Его Превосходительство тебя прогонитъ!

— Ахъ! папенька! Ради Бога, отпустите меня къ Губернатору, ради Бога, отпустите!

« Да какъ отпустить тебя, этакого невѣжду?

— Что-же я такое сдѣлалъ?

« Ты велъ себя какъ деревенскій мальчишка.

— На меня не разгнѣвался однакожъ Его Превосходительство?

« Хуже! Всѣ надъ тобой смѣялись, какъ ты не умѣлъ кланяться, и кричалъ смотря на картины! Экая невидаль дураку! Потерялъ свое счастье, да и только!

— Папенька! я буду просить Его Превосходительство, ради Бога взять меня . . . хоть въ слуги, только-бы мнѣ у него жить.

« Въ слуги! Гдѣ ты набрался такихъ неблагородныхъ чувствъ и привычекъ, негодный мальчишка! Въ слуги! Лакейскій духъ какой! Нѣтъ, я тебя проучу!» вскричалъ мой отецъ сердито.

Горько плакалъ я, когда мы пріѣхали домой, и отецъ мой съ сердцемъ началъ разсказывать матери, что я посрамилъ его у Губернатора. О Боже! моего возвращенія ждали, какъ торжества: братья, сестры, слуги сбѣжались встрѣчать меня. Теперь я былъ прогнанъ въ дальную горницу, и плакалъ; всѣ меня дичились; всѣ надо мною издѣвались! Горе мое было тяжкое. И, право, я не жалѣлъ о томъ, что не буду жить въ великолѣпномъ домѣ Губернаторскомъ; но мысль моя привязывалась только къ будуару его, къ этимъ чуднымъ картинамъ. Ахъ! какъ великолѣпно онѣ носились теперь передо мною, какъ много высказывали онѣ мнѣ такого, о чемъ не мечталъ я даже и во снѣ! Мнѣ и въ голову тогда не приходило — творить самому что ни-

будь подобное; я хотѣлъ только глядѣть на нихъ, видѣть ихъ, забывать, смотря на нихъ, всё: я не вѣрилъ, что ихъ создала рука человѣческая, земными красками! Землѣли можетъ принадлежать такой младенецъ? Для земли-ли такое лицо, какъ у этого Апостола? А этотъ старикъ?...

Я не переставалъ плакать. Отецъ прогналъ меня отъ ужина; бранилъ мать мою. «Вотъ до чего довело его твое баловство!» говорилъ онъ. Впрочемъ, робѣя передъ Губернаторомъ, онъ не замѣтилъ, что мы уже знакомы другъ съ другомъ. Но онъ сердился, бранился. Уныніе распространилось во всемъ нашемъ домѣ.

Губернаторъ, *Его Превосходительство*, однакожъ не прогналъ меня, не разгнѣвался на меня, вспомнилъ обо мнѣ, вопреки словамъ оп-

ца. Рано утромъ, на другой день, явился кабріолетъ Губернаторскій за мною. Добрый Семенъ Иванычъ пріѣхалъ къ моему отцу, и сказалъ, что Губернаторъ переселяетъ меня къ себѣ на дачу, гдѣ я буду жить съ его племянникомъ, и что ему, Семену Иванычу, поручено быть моимъ дядькою. Изумленіе неописанное овладѣло всѣми. Отецъ мой не вѣрилъ глазамъ и ушамъ своимъ, качалъ головою. Я бросился на шею къ Семену Иванычу, обнялъ мать мою, и съ восторгомъ уѣхалъ. Губернатора не было на дачѣ. Меня провели въ учебную комнату.

Простите, что я разсказывалъ вамъ мѣлкія подробности этого важнѣйшаго событія моей жизни. Повторяю: мнѣ хочется показать вамъ, какъ странно увлекала меня судьба, какъ безпрерывно уводила она-

меня въ какой-то волшебный міръ воображенія, и ссорила съ дѣйствительнымъ міромъ, гдѣ ей надобно было какъ можно крѣпче приковать меня. Она забыла, видно, что мнѣ надобно было ходить по землѣ и дышать земнымъ воздухомъ! А я такъ безотчетно предавался увлекающему потоку жизни, и всегда былъ еще впереди своего настоящаго состоянія! Я еще не зналъ тогда собственнаго моего безсилія — теперь иное. . .

Съ переселеніемъ въ домъ моего благодѣтеля, началась совершенно новая для меня жизнь. Разсказывать вамъ внѣшнія подробности ея, нѣтъ надобности. Вы знаете, что я жилъ у благодѣтеля моего до самой его смерти, болѣе десяти лѣтъ. Черезъ годъ меня не узнавали тѣ, кто зналъ прежде. Лучше разскажу вамъ

измѣненія моего душевнаго міра. Я былъ тотъ-же, прежній, но сколько перемѣнъ во всемъ, во всемъ. . . Измѣненія моральнаго бытія моего были безмѣрны, какъ безмѣренъ былъ шагъ, который вдругъ сдѣлалъ я. Меня, страннаго, мѣщански воспитаннаго мальчика, съ моею, такъ легко вспыхивающею головою, вдругъ судьба сдѣлала другомъ, сыномъ человѣка богатаго, рѣдкой образованности, высокой нравственности, совершенно не похожаго на другихъ, ни жизнью, ни образованіемъ! Я перестаÐ»ъ знать различіе между богатствомъ и бѣдностью. Удобства жизни и роскошь, какими окружилъ меня мой благодѣтель, я принималъ, какъ дѣло обыкновенное, и не думалъ благодарить его, ибо онъ безъ всякой оцѣнки давалъ мнѣ ихъ, а я принималъ, не зная, что люди цѣ-

нятъ ихъ весьма дорого. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я совершенно отвыкъ отъ положительной жизни.

Еще болѣе отдѣлился я отъ міра состояніемъ души моей. Мой благодѣтель, въ юности своей сдѣлался самовластнымъ обладателемъ огромнаго имѣнія; все льстило ему въ будущемъ; люди казались рабами, готовыми служить для угожденія ему, для его прихотей! Не зная тягостей службы, онъ былъ уже въ чинахъ; не заслуживъ любви и дружбы, онъ былъ увѣряемъ отъ людей въ дружбѣ и любви, и довѣрился имъ, былъ жестоко обманутъ, разочарованъ, не возненавидѣлъ людей, но былъ оскорбленъ ими, и началъ ихъ презирать. Жизнь, казалось, улыбнулась ему наконецъ. Онъ узналъ одно милое, очаровательное созда-

ніе, и предался всѣмъ обольщеніямъ пламенной любви. Но она умерла, эта очаровательная дѣвушка, а онъ ее *пережилъ!* Нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ скитался за границею; наконецъ пріѣхалъ опять въ Россію, не хотѣлъ блестящихъ должностей, и рѣшился взять смиренное мѣсто Губернатора, въ губерніи бѣдной и отдаленной. Здѣсь, въ совершенномъ уединеніи жилъ онъ, благотворя подвластнымъ, одинокій, только съ самимъ собою, мечтая о надеждахъ, такъ жестоко обманувшихъ его. Весь жаръ души его, долженствовавшій разлиться по его жизни, осчастливить его жизнь, горѣлъ теперь въ грустной любви къ ближнему, не освѣщенной ласковою довѣренностью къ людямъ. Онъ казался угрюмъ, суровъ — грозный всякому мерзавцу, унижавшій другихъ

своимъ достоинствомъ, не находившій людей, по сердцу, по образованію сходныхъ съ нимъ. Единственный наслѣдникъ его, племянникъ, причинялъ ему только досаду. Это былъ вѣтреный, гордый, ничтожный мальчишка. Страсть къ Изящнымъ Искуствамъ оставалась одною утѣшительною, постоянною страстью моего благодѣтеля. Увидѣвъ меня у иконописца, къ которому зашелъ онъ, желая узнать подробности его малоизвѣстнаго искуства, добродѣтельный, одинокій, уединенный въ самого себя, этотъ грустный мечтатель, этотъ пламенный мизантропъ, думалъ, что видитъ во мнѣ поэтическое созданіе, предназначенное быть великимъ художникомъ. Такое чувство привлекло его ко мнѣ. Не только хотѣлъ онъ облагодѣтельствовать ме-

ня — нѣтъ! онъ хотѣлъ еще наблюсти во мнѣ психологическое развитіе души поэта. Системы едва-ли не всегда неисполнимы и губительны, если ихъ начертываетъ предубѣжденное въ чемъ нибудь воображеніе наше. Вслѣдствіе плана своего, мой благодѣтель началъ мое образованіе, чисто поэтическое, по Жанъ-Полевской *Леванѣ*. Я съ жадностію учился, къ чему влекли меня мои непреоборимыя наклонности, но вовсе не учился ничему другому; убѣгалъ впередъ въ одномъ и рѣшительно отставалъ въ другомъ. Старый гувернёръ, добрый Французъ, воспитанникъ Баттёвской школы, другъ Катрмера де Кенси, часто спорилъ съ моимъ благодѣтелемъ, увѣряя, что онъ испортитъ меня своимъ *не-классическимъ* воспитаніемъ. Но благодѣтель мой ни-

чего не слушалъ, вскорѣ увлекшись ко мнѣ привязанностію, наконецъ дружбою. Я сердцемъ понялъ его, не смотря на мою неопытность; онъ невольно открылъ мнѣ всю свою душу, передалъ мнѣ свои чувства, понятія. Онъ не понималъ опасности, какой черезъ то подвергаетъ меня. Онъ, тяжко испытанный, оскорбленный жизнью, разочаровывалъ меня въ дѣйствительной жизни и уносилъ въ идеальное бытіе. Младенчеству надобны игрушки, юношеству также надобны игрушки. А онъ обратилъ мнѣ въ игрушку людей и дѣйствительную жизнь ихъ, указывая на идеалы, какъ на истинную цѣль жизни, воскрешая свои разрушенныя мечты въ моей будущности, и забывая свои погибшія надежды въ моихъ! . . Но идеаламъ нѣтъ мѣста на землѣ: человѣкъ обя-

занъ жить съ постылою дѣйствительностію, и только золотить ее, страшась будущаго, какъ злаго врага. Каждый изъ насъ разочаровывается въ жизни. Какъ легко это въ свое время, въ своемъ мѣстѣ! Но не говорите юношѣ, что подъ розовыми щеками дѣвушки скрыты костяныя челюсти; что эта зелень лѣсовъ, и голубой цвѣтъ неба, и краски луговъ и полей, простой оптическій обманъ лучей солнечныхъ! Не говорите ему, что и подъ маскою дружбы и любви кроется червь своекорыстія въ сердцѣ-человѣческомъ! Не говорите, что и жизнь наша есть также страшный скелетъ; что на землѣ природа *должна* изсушать зелень полей и замораживать ручейки и рѣки, потому, что безъ этого не будетъ у нея весны. Не говорите ему: вы его убьете!

А онъ говорилъ мнѣ все это! Прощаю: ему было отъ этого легче самому; но я погибъ! По слуху, я уже презиралъ и не любилъ Людей, обожая въ нихъ Человѣчество; по слуху, уже боялся я людскихъ страстей, и зналъ ничтожество многаго, передъ чѣмъ благоговѣетъ грубое невѣжество простолюдина. И самая фанатическая добродѣтель его губила меня: она была не по плечу людямъ. Что-же это такое? Уродъ нравственный!... Все это отразилось на моемъ ученьѣ, моей жизни, моей судьбѣ. Я болѣе читалъ, нежели учился; голова моя наполнилась идеями, на которыя недоставало у меня ни формъ, ни образовъ, ни выраженій, потому что я не зналъ ни жизни, ни свѣта, ни людей. Такъ я обожалъ моего благодѣтеля, но кромѣ его не хотѣлъ ни-

кого даже любитъ. Самыя отношенія мои къ роднымъ сдѣлались странны: я видѣлъ грубое полупросвѣщеніе моего отца, его странныя формы, простодушное невѣжество моей матери, мѣлкій эгоизмъ моихъ братьевъ. Тяжко сердцу, если оно не можетъ уважать тѣхъ, кого любитъ! Я принужденъ былъ обходиться съ моими родными, какъ съ грубыми, необразованными дѣтьми; братья мои просто возненавидѣли меня. Отецъ и мать терзали меня притомъ своими ничтожными требованіями: почему я не въ службѣ, и опасеніями: что̀ ожидаетъ меня впереди! Они не понимали: что̀ такое значитъ, и къ чему поведетъ меня моя жизнь? Я наконецъ убѣгалъ отъ нихъ. Но все, что было вокругъ моего благодѣтеля, также не терпѣло меня. Напрасно усту-

палъ я его племяннику, сносилъ оскорбленія отъ этого шалуна, отъ его приверженцевъ, которые видѣли въ немъ будущаго своего повелителя. Ничто не помогало. Я не смѣлъ тревожить моего благодѣтеля, открывая ему свое мучительное положеніе, но терзался, и былъ несчастливъ, когда столько людей мнѣ завидовало. . . .

За все это могъ-бы вознаградить меня тотъ міръ, въ который свободно переносился я, міръ Фантазіи, міръ Художника. Я тщательно изучалъ, подъ руководствомъ моего просвѣщеннаго благодѣтеля, всѣ переходы этого міра въ Исторіи Человѣчества. Тщательно учился я Живописи. Безъ всякой корыстной цѣли, безъ предположенной системы: рисовать сперва головки и ножки; замѣтить потомъ, въ чемъ я

болѣе успѣваю; перейдти послѣ сего къ Исторической, *Шевалетной*, Миніатюрной, Пейзажной — и Богъ знаетъ какой еще Живописи; избрать себѣ послѣ того образцомъ какого нибудь великаго или не-великаго живописца, скопировывать его — изучалъ я Живопись. И не Живопись изучалъ я, но *Искуство*, какъ искру Божественную, запавшую въ душу человѣка, какъ вѣчную идею, развивавшуюся всюду въ мірѣ, на Востокѣ, въ Греціи, въ Среднихъ вѣкахъ. Я замѣчалъ всѣ эти развитія Искуства, изучалъ міръ, современный каждому его періоду, каждому его мѣсту на землѣ, и хотѣлъ наконецъ угадать: что̀ долженъ дѣлать художникъ *теперь*, въ *наше время?* Увѣренный въ томъ, что твореніе дважды не повторяется; что возрасты Человѣчества также не повто-

ряются однообразно, но совершаются отдѣльно и самобытно, какъ развитіе безконечнаго, окончанія чего не можемъ мы угадать, а начала не знаемъ, я хотѣлъ знать требованіе *моего* вѣка. Но къ несчастію: *великое* и *прекрасное* не суть слѣдствіе изысканій и соображеній. Это вдохновеніе безотчетное, пророческое какое-то чувство, которое творитъ и создаетъ невольно. Рафаэль долго думалъ: какъ изобразить ему Пресвятую, и терялся въ размышленіяхъ, мучился, терзался; силы его ослабѣли — онъ уснулъ. Тогда явилась ему Пресвятая Дѣва, въ томъ небесномъ видѣ, въ какомъ онъ изобразилъ ее на изумленіе вѣкамъ. Рафаэль вскочилъ съ своего ложа. «*Она здѣсь!*» вскричалъ онъ, указывая на полотно. И въ забвеніи самого себя схватилъ онъ кисть

и краски, забылъ все, переносилъ свое видѣніе на холстину, облекалъ мечту свою въ очерки, въ краски. . . . Онъ *творилъ*, а не думалъ уже о томъ, *какъ творить*. Я вѣрю этому происшествію; вѣрю и тому, что великое *Преображеніе* его было тайною, мучительною мыслію всей его жизни; въ этомъ я также увѣренъ. И тогда только, когда душа его затосковала о близкой разлукѣ съ міромъ, Рафаэль умолилъ Божественное вдохновеніе сойдти въ младенческую душу его. Оно низошло къ нему, какъ древній Зевесъ къ Семелѣ, въ громахъ и молніяхъ, и сожгло его: вспомните, что *Преображеніе* недоконченное было поставлено при гробѣ Рафаэля: онъ не досоздалъ его, и лежалъ передъ нимъ мертвый — великое свидѣтельство, что̀ можетъ человѣкъ;

печальное доказательство, чего не можетъ онъ перенести!

Съ другой стороны, грустная механика Искуствъ есть свидѣтельство, что съ началомъ жизни зрѣетъ въ человѣкѣ и начало смерти, что бытіе его есть борьба живительнаго начала и начала разрушительнаго. Вы не повѣрите, если вы сами не изучали Искуства, какого-бы то ни было, что̀ за бездна тяжкой, ничтожной, механической работы предстоитъ художнику, пока звуки его инструмента будутъ составлять плѣнительную гармонію, пока рѣзецъ его станетъ вырубать изъ камня идеалы красоты, пока краски его заблистаютъ жизнію въ картинахъ. Природа лишена ума, но ей отдано владычество надъ вещественностью; Человѣку дано царство ума, но вещественность врагъ

его. Прислушайтесь, какъ вѣтеръ безумно вьется около струнъ Эоловой арфы, и безотчетно извлекаетъ изъ нихъ звуки — какъ это легко ему! И какъ-же трудно человѣку обезумѣть въ Изящномъ, чтобы также безотчетно играть на великихъ струнахъ вещественности!

Эта механика Искусства долго не покорялась мнѣ, потому, что я самовластно требовалъ ея покорности, а не рабски торговался съ нею на маленькія уступки. Я хотѣлъ вырубить Кельнскій соборъ однимъ ударомъ, изъ одного камня, забывъ, что такого камня нѣтъ въ Природѣ, и что этотъ соборъ строили тысячи людей триста лѣтъ. . . .

Всѣ мученія, всѣ несогласія моего внѣшняго и внутренняго міра увеличились, когда я переѣхалъ въ Петербургъ съ моимъ благодѣтелемъ.

Что̀ такое называете вы обществомъ людей? Не знаю; но, по моему: это собраніе народа, соединеннаго для вещественныхъ пользъ— *только для вещественныхъ.* Въ этомъ обществѣ есть мѣсто купцу, чиновнику, даже будочнику, а нѣтъ его ученому, если онъ не учитель, художнику, если онъ не ремесленникъ, поэту, если онъ не poëta laureatus. Въ провинціи, эта цѣль жизни общества такъ грубо, такъ нагло открыта, что чувство собственнаго достоинства спасаетъ васъ. Не такъ въ столицѣ. Тамъ, возведенная на высокую степень внѣшней образованности, грубая цѣль жизни до того закрашена, до того залакирована, что надобно высокую Философію, чтобы не увлечься въ вихрь ничтожныхъ отношеній общества, или не упасть духомъ,

видя себя безъ мѣста въ этомъ мірѣ, сгроможденномъ изъ вещественныхъ отношеній всякаго рода. Всѣ страсти тамъ разочтены; всѣ требованія души и сердца даютъ подписку дѣйствовать въ силу общихъ условій и забывать собственную свою волю. О! какъ возненавидѣлъ я тогда этотъ *большой свѣтъ*, увидѣвъ его, узнавъ его, возненавидѣлъ еще болѣе, нежели ненавидѣлъ прежде грубую жизнь провинціяльную! Тамъ я *могъ презирать;* здѣсь образованность, богатство, знатность не дозволяли мнѣ отраднаго чувства презрѣнія. Здѣсь невольно раждалось во мнѣ страшное, тяжкое сомнѣніе: *не ошибся-ли я?* Не эта-ли жизнь есть, въ самомъ дѣлѣ, истинное назначеніе человѣка? Если-же она и не назначеніе его, но люди условились въ этомъ — усло-

вились всѣ, дураки и умные, богатые и бѣдные — что̀ могу сдѣлать одинъ я въ толпѣ ихъ?

Благодѣтель мой, по мѣсту, какое занялъ онъ въ Петербургѣ, былъ въ самомъ блестящемъ кругу. Все было разсчитано и условлено между имъ и обществомъ. Въ этомъ разсчетѣ, и племянникъ его, съ своимъ новымъ, блестящимъ мундиромъ, съ своимъ свѣтскимъ образованіемъ, съ своими требованіями на успѣхи въ свѣтѣ, получилъ свое значеніе; и каммердинеръ горделиво сталъ у дверей, для того, чтобы докладывать своему барину о приходящихъ; и швейцаръ спокойно остановился подлѣ своей конурки, какъ будто говоря: «Прошу не трогать меня; я на своемъ мѣстѣ!» Гдѣ-же могъ помѣститься я? Люди хотѣли знать: что̀ я такое подлѣ

моего благодѣтеля? Племянникъ его могъ отвѣчать: «Я глупецъ и шалунъ; но я его племянникъ и наслѣдникъ!» Люди вѣжливо кланялись ему. Если-бы я сказалъ имъ: «Я *художникъ;* я потому въ вашемъ обществѣ, что благодѣтель мой знаетъ мою *душу!*» Люди изумились-бы. *Душу?* А ее-то тщательно прятали они другъ отъ друга! *Художникъ!* Но что такое были для нихъ Искуства и Художества? Забава отъ нечего дѣлать, средство разсѣянія, что-то въ родѣ косморамы, на которую смотрятъ они сквозь шлифованное стекло, требуя отъ нея условной перспективы. — Въ Петербургѣ я осиротѣлъ и во внѣшней жизни. Занятія по службѣ и большой свѣтъ теперь болѣе прежняго отвлекали отъ меня моего благодѣтеля. Намъ рѣдко удавалось

жить вмѣстѣ. Утро, обѣдъ, вечеръ всего чаще бывали у насъ отняты. Я игралъ жалкую роль, являясь утромъ, когда толпились у него *дѣловые* люди; въ обѣдъ, когда собирались къ нему люди *равные* ему; вечеромъ, когда съѣзжались къ нему *убивать время* за картами и сплетнями. Это общество было нестерпимо холодно, какъ Крещенскій морозъ. Но оно-же показывало мнѣ и безмѣрную неравность въ отношеніяхъ между мною и благодѣтелемъ моимъ; оно и раздѣляло насъ бездною неизмѣримою, бездною состоянія, занятія, отношеній, приличій. Тогда только, съ ужасомъ, узналъ, замѣтилъ, увидѣлъ я все это! Я видѣлъ, правда и то, что благодѣтель мой самъ терзался отъ своего новаго рода жизни. Какъ часто, оставаясь со мной, онъ по прежне-

му спѣшилъ дѣлиться душею и сердцемъ, отдыхалъ въ разговорѣ со мною, въ чтенiи, въ сужденiи о моихъ занятiяхъ, о моихъ мечтахъ. Но онъ примѣтно бременился своею жизнiю, тяжелою, заботливою, блестящею и пустою, какъ Японская ваза, расписанная яркими цвѣтами: она свѣтилась насквозь, и въ ней ничего не было, кромѣ пустоты. . . .

Если я сказалъ вамъ, что меня убивалъ взглядъ людей на Искуство, скажу, что еще болѣе убивалъ меня взглядъ на Искуство современное. Видя, что ему нѣтъ мѣста, какъ положительному занятiю въ жизни общественной — бѣдное! какъ оно гнулось, изгибалось, какой позоръ терпѣло оно, чтобы только позволили ему, хоть какъ нибудь, *существовать!* Начиная съ самаго

ученія, оно дѣлалось чѣмъ-то похожимъ на горшки съ цвѣтами, которые ставятъ на окошкахъ, для того, что надобно ставить ихъ, и что можно притомъ похвастать хорошимъ фарфоромъ, рѣдкими, хотя и уродливыми, заморскими растѣніями, и красивыми, дорогими цвѣточницами. Оно походило на колонны, которыя ничего не поддерживаютъ, но стоятъ близъ опрятныхъ лачужекъ Петербургскихъ и подлѣ огромныхъ домовъ — алебастровыя каррикатуры мраморныхъ колоннъ Греческаго Парѳенона и Римскихъ виллъ, поставленныя для того, что въ Аѳинахъ и въ Римѣ ихъ ставили! Начинаютъ теперь гнать *Схоластическія* и *Классическія* формы изъ нашей Литтературы; но въ Художествахъ онѣ царствуютъ у насъ безпреко-

словно, самовластно. И при нихъ-ли что нибудь можетъ родиться? При нихъ-ли развиться самобытности вѣка и народа, когда притомъ смотрятъ на Художества, какъ на прихоть роскоши; когда художники дѣлаютъ изъ своего занятія, или profession и должность, или ремесло. — Наши *аматёры* были для меня еще несноснѣе! Глупецъ рѣшительный, совершенный глупецъ, для меня сноснѣе, нежели глупецъ, который хочетъ умничать. Онѣ, эти восковыя души, эти конфектныя сердца хотятъ быть *литтераторами, поэтами, художниками*? Я много читалъ сатирическихъ описаній, какъ свѣтскіе люди даютъ концерты, разыгрываютъ театральныя пьесы, занимаются Живописью, Музыкою — но все еще, кажется мнѣ, этотъ предметъ да-

леко не истощенъ—и неистощимъ. Пусть-бы они переводили гравюрки на свои модные столики, разрисовывали цвѣтами бархатъ для своихъ ридикюлей, играли въ своихъ аматёрскихъ концертахъ пьесы, которыя, какъ попугаи, твердили они тысячу разъ, и вытвердили наконецъ. . . Нѣтъ! они хотятъ еще вдохновеній, настоящихъ занятій Литтературою, и Живописью, и Музыкою! Имъ мало альбомныхъ стишковъ, мало карандашныхъ копій съ эстамповъ, въ которыхъ мечтаютъ они видѣть творенія Рафаэля, Доминикино, Мурилло; мало котильоновъ и вальсовъ, передѣланныхъ изъ чудныхъ темъ Россини и Вебера! Они судятъ, они сами творятъ безобразные свои недоноски, своихъ куколъ, одѣтыхъ въ лоскутья пошлаго подражанія!

Они собираютъ себѣ галлереи, гдѣ имъ все равно — изысканный Тиціанъ, Фламандская мясная лавка, приторная Ангелика Кауфманъ, и великій Мурилло, и страшный Доминикино — рядомъ съ ними! Они говорятъ: «Я купилъ прелестнаго Гвидо Рени — я промѣнялъ своего Караваджіо — я получу завтра прекраснаго Тинторета.» . . Отъ всѣхъ этихъ людей . . . . я бѣгалъ безъ оглядки. Но я попадался къ художникамъ ex professo, по должности, по назначенію, потому, что ихъ учили Живописи, и благословили быть живописцами, укрѣпивъ это дипломомъ. И какъ-же иначе? Они высидѣли въ школѣ положенные годы; прошли *натурный* классъ; они умѣютъ рисовать съ бюстовъ и статуй; они дерзаютъ списывать произведенія Божественныхъ геві-

евъ — они, они *списываютъ* Корреджіо и Рафаэля, Мурилло и Доминикино! Послушайте: это было мнѣ нестерпимо больно. Да! волосы становились у меня дыбомъ, когда я видѣлъ все это, слышалъ обо всемъ этомъ! Дрожь пронимала меня, когда я видѣлъ ученье по Ланкастерской методѣ особаго рода, ученье, гдѣ начинали копированьемъ ушей и глазъ, отрѣзанныхъ отъ картинъ Рафаэля, и выходили слѣпые, но хотѣли судить! Да, судить, по извѣстной мѣркѣ, потому, что слышали они въ классахъ, и писать на заданную тему, какъ пишутъ Акростихи, Дистихи, Мельестихи, Шарады. И объ этомъ живописномъ *буриме* съ важностію толковали потомъ; сличали, какъ изобразилъ тотъ или другой предметъ, тотъ или другой извѣстный живописецъ,

и что у кого умѣлъ занять себѣ новый художникъ: отъ Снейдерсовой-ли собаки заимствовался онъ хвостомъ, отъ Поль-Поттеровой-ли коровы взялъ онъ главное украшеніе картины! И дѣло рѣшалъ знатный баринъ какой нибудь, великолѣпный *любитель*, бросая сколько нибудь денегъ отличенному мазилкѣ! «Если-бы у насъ были Меценаты, ему подобные; если-бы у насъ было всегда такое ободреніе; если-бы у нашихъ живописцевъ были всегда такія выгодныя работы!» восклицало собраніе другихъ мазилокъ.

— Да, неуже-ли Рафаэль создавалъ потому, что Папа задавалъ ему работу для Ватиканской галлереи и для Фламандскихъ ковровъ? Неуже-ли Корреджіо лучше создалъ-бы свой исполинскій міръ въ Парм-

скомъ Соборѣ, если-бы ему заплатили за него сотни тысячь? И развѣ вамъ самимъ не задавали созданія великолѣпныхъ храмовъ, вѣковѣчныхъ памятниковъ, святыхъ иконостасовъ? Что-же вы сдѣлали? И неуже-ли, въ самомъ дѣлѣ, вы уже такіе нищіе, которымъ ѣсть нечего? Дайте имъ поскорѣе жалованье, ради Бога, обѣщайте пенсію, когда они состарѣются! Но, за то велите имъ мести мостовую, или вязать кружево — только запретите имъ приниматься за кисть. Они убьютъ Искуство. Оно и то еле дышитъ!

Вы видите, что я долженъ былъ со всѣми перессориться, потому, что я не скрывалъ своихъ мнѣній, истинныя, или ложныя они—не знаю. Съ досадою спрашивали у меня послѣ того собственныхъ моихъ со-

зданій; а я съ горестію видѣлъ, что ничего не могу представить; что утопавшій въ морѣ идей и идеаловъ, я работалъ неутомимо, жегъ себя въ работѣ; но уже самое то губило меня, что я поставилъ цѣль свою недостижимо высоко, и стыдился всего, что было ниже моей цѣли.

Наконецъ, я не могъ болѣе выносить ни другихъ, ни самого себя. Я хотѣлъ просить благодѣтеля моего: позволить мнѣ уйдти пѣшкомъ за границу, въ отечество Дюреровъ или Рафаэлей; просить его, чтобы онъ забылъ обо мнѣ, какъ желалъ я, чтобы весь свѣтъ обо мнѣ забылъ! Я хотѣлъ сказать ему, что если я буду достоинъ его надеждъ на меня, его родительской ко мнѣ нѣжности, то имя мое скажетъ ему моя слава! Если-же — *нѣтъ*, если

мнѣ суждено упасть, погибнуть подъ бременемъ самого себя и несбыточныхъ моихъ мечтаній, то, да позволитъ онъ совершенному забвенію скрыть мое имя, и даже то мѣсто, гдѣ успокоится голова его безумнаго Аркадія, котораго судьба съ дѣтства тащила насильно на погибель! Но я не смѣлъ говорить всего этого моему благодѣтелю, ибо чувствовалъ, что я нуженъ ему для утѣшенія его больной души. Безъ меня, онъ остался-бы совершенно *одинокъ*. . . . Время проходило.

Его здоровье видимо наконецъ разстроивалось отъ несвойственнаго образа жизни, отъ трудныхъ его занятій. Въ одинъ вечеръ, мы остались съ нимъ одни. Онъ не велѣлъ никого принимать, чувствуя себя особенно нездоровымъ. Онъ

разсматривалъ мои новые эскизы, говорилъ съ жаромъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ . . . . онъ такъ любилъ меня, онъ такъ хорошо меня понималъ!

«Аркадій!» сказалъ онъ мнѣ. «Я не хочу скрывать отъ тебя радостной для насъ обоихъ вѣсти. Я думалъ было изумить тебя нечаянностію, но не буду отнимать нѣсколькихъ пріятныхъ дней ожиданія, для того только, чтобы тѣмъ сильнѣе поразить тебя потомъ извѣстіемъ неожиданнымъ. Знаешь-ли, что я подалъ просьбу объ отставкѣ? Слушай далѣе: едва получу отставку, немедленно ѣдемъ. Хочу поселиться въ Италіи. Здоровье мое разстроивается совершенно. Мнѣ не для чего беречь его; но зачѣмъ-же и быть самоубійцею.»

Говорить-ли мнѣ о моемъ восторгѣ? Я цѣловалъ руки моего втораго отца; я едва не плакалъ отъ радости. Италія, Италія!... Мы проговорили съ нимъ до глубокой ночи. Мой благодѣтель прожилъ нѣкогда года два въ Италіи. Онъ много разсказывалъ мнѣ вообще о своихъ путешествіяхъ, объ Италіи особенно. Теперь мнѣ усладительно было вновь услышать отъ него все, что уже слыхалъ я прежде. Наконецъ онъ всталъ, простился со мною, взялъ свою ночную лампадку. Всѣ въ домѣ давно уже спали. Мы были съ нимъ одни совершенно. Выходя изъ комнаты, онъ вдругъ остановился... Какъ теперь помню я этотъ блѣдный свѣтъ, упавшій отъ лампадки на его блѣдное, задумчивое лицо! Онъ еще разъ взглянулъ на меня, улыбнулся, про-

тянулъ ко мнѣ руку, и сказалъ четыре стиха любимаго своего поэта:

Du missgönnst
Dem Bild des Märterers des goldnen Schein
Um'es kahle Haupt wohl schwerlich; und gewiss,
Der Lorbeerkranz ist, wo er dir erscheint,
Ein Zeichen mehr des Leidens, als des Glücks!... (*)

Что такое были эти слова? Предчувствіе, страшное предвѣщаніе будущей моей участи, изреченное устами того, кто вырвалъ меня изъ растительной моей жизни, и указалъ мнѣ на достоинство человѣка?... Это были *послѣднія* слова, слышанныя мною отъ моего благодѣтеля!

(*) Гёте.

Я ушелъ въ свою комнату; грустное впечатлѣніе послѣднихъ словъ скоро пролетѣло; я вспомнилъ о предстоящемъ путешествіи; голова моя была въ жару; я не могъ спать, ходилъ, думалъ, мечталъ..... Къ утру только заснулъ я. . . . Просыпаюсь, услышавъ рыданіе. . . это былъ Семенъ Иванычъ. . . . Онъ стоялъ подлѣ моей постели, и не могъ выговорить ни одного слова. . . . И безъ словъ его я понялъ ужасную истину. . . . «*Онъ умеръ!*» вскричалъ я внѣ себя. Бросаюсь въ спальню благодѣтеля моего.... Тихъ, спокоенъ былъ ликъ умершаго; задумчивая улыбка застыла на устахъ его. . . . Смерть не смѣла стереть этой улыбки. Онъ былъ теперь счастливъ. . . . . онъ разсчитался съ жизнію. . . .

Аркадій не могъ болѣе продол-

жать, закрылъ лицо руками, и тихо плакалъ. Крупныя слезы текли между его пальцами — такъ крѣпко прижалъ онъ руки свои къ лицу. . . . Я не въ силахъ былъ выговорить ни одного утѣшительнаго слова. Всякое утѣшеніе казалось мнѣ оскорбленіемъ священной горести, какою чтилъ онъ память незабвеннаго для него человѣка. . . .

III.

— Oui, ma douce amie, malgré l'absence, les privations, les alarmes, malgré le désespoir même, les puissants élancements de deux cœurs l'un vers l'autre ont toujours une volupté secrète, ignorée des âmes tranquilles. C'est un des miracles de l'amour de nous faire trouver du plaisir à souffrir, et nous regarderions, comme le pire des malheurs un état d'indifférence et d'oubli qui nous ôteroit tout le sentiment de nos peines...

Ж. Ж. Руссо.

Или я созданъ иначе, или не правду говорятъ, что величайшая горесть всегда безмолвна. Нѣтъ! послѣ перваго оцѣпенѣнія какого-то, продолжавшагося нѣсколько минутъ,

походившаго болѣе на душевное несуществованіе, нежели на скорбь, я зарыдалъ, слезы мои полились, какъ будто душа моя хотѣла выхлынуть съ ними черезъ глаза мои. Три дня плакалъ я, почти не переставая, почти не отходя отъ бездушнаго трупа того, кто столько лѣтъ былъ моимъ Провидѣніемъ. . . .

Я едва замѣчалъ, что̀ дѣлалось вокругъ меня. Помню, что слуги моего благодѣтеля горько плакали; что великолѣпная процессія шла за гробомъ его по Петербургу; что люди подходили, спрашивали: кого хоронятъ? слышали имя, и спокойно шли, кто куда шелъ, иной на рынокъ, иной въ судъ, иной прогуливаться — дѣло обыкновенное! Воротясь съ кладбища, заперся я въ своей комнатѣ. Во всѣ эти дни, только однажды пріѣзжалъ племян-

никъ, теперь наслѣдникъ моего благодѣтеля. Потомъ явился онъ на похороны, провожалъ тѣло покойника, и прямо съ кладбища уѣхалъ куда-то. Я не начиналъ съ нимъ говорить; онъ какъ будто не замѣчалъ меня. Мы были съ нимъ чужіе.

Сырой, пасмурный былъ этотъ день. Наступилъ вечеръ, тяжкій, грустный. Безмолвно ходилъ я по своей комнатѣ, въ ужасающемъ одиночествѣ. Ни прошедшее, ни настоящее, ни грусть, ни печаль, ни мысль о будущемъ, ни что ни втѣснялось въ мою душу. Во всемъ домѣ было безмолвіе, приводившее въ трепетъ. Ни что не шелохнется въ этомъ жилищѣ, еще недавно оживленномъ дѣятельностью жизни, ума, сердца! Кабинетъ моего благодѣтеля былъ запечатанъ. Казалось, что съ смертію его все умерло — умеръ и я!

Уничтоженный, какъ будто не существующій, ходилъ я по комнатѣ, ни о чемъ не думалъ, и не могъ думать.

Безчувствіе мое было столь велико, что я не замѣтилъ, какъ вошелъ ко мнѣ какой-то угрюмый, незнакомый человѣкъ. Его провожалъ старикъ каммердинеръ покойнаго. Угрюмый незнакомецъ объявилъ мнѣ, что отнынѣ ему препоручаетъ все имѣніе свое племянникъ покойнаго; что всѣ распоряженія и довѣренности прежняго владѣльца уничтожаются, и всѣ дѣла поступаютъ къ нему, Г-ну Управляющему. Хорошо; но что-же мнѣ была за надобность до его дѣлъ? Я молчалъ, смотрѣлъ на незнакомца; онъ принужденъ былъ самъ начать продолженіе своей рѣчи, и сказать мнѣ, что довѣрителю его не угодно оста-

влятъ за собою этого дома; что онъ его отдаетъ въ наемъ; что для этого надобно очистить домъ, а посему и просятъ меня выѣхать изъ него немедленно.

Да! какая глупость! Съ чего вздумалъ я сюда воротиться съ кладбища? Какъ мнѣ было не знать, что съ смертію моего благодѣтеля для меня все было кончено; что міръ вещественный долженъ былъ теперь схватить меня, и мстить мнѣ за то, что столько времени я не жилъ въ немъ? Эта мысль пролетѣла въ головѣ моей, когда мнѣ объявляли, что меня гонятъ изъ дома, гдѣ провелъ я столько лѣтъ съ моимъ вторымъ отцомъ.... Счастливо, или несчастливо? На что спрашивать: у меня было сердце, понимавшее меня, была цѣлая семья чувствъ въ этомъ сердцѣ... Теперь — *одино-*

кость, страшное уединеніе души и сердца — и страшное лицо міра, съ его двумя тусклыми, помраченными отъ низкихъ страстей очами, на которыхъ не ищите Божественнаго отблеска первосозданія! Мнѣ казалось, что я видѣлъ уже эти два глаза, на меня устремленные, чувствовалъ холодное дыханіе міра и людей на моемъ сердцѣ, замѣчалъ, какъ двѣ огромныя руки ничтожныхъ заботъ о жизни обгибаются вокругъ меня, хотятъ схватить, поднять меня; и міръ злобно хочетъ послѣ того смѣяться надъ моею беззащитностью, моимъ сиротствомъ, держа меня въ страшныхъ своихъ когтяхъ. . . . . . . Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. « Но, посмотримъ, » думалъ я — « посмотримъ, что̀ ты сдѣлаешь со мною, Міръ? Я отъ васъ ничего не по-

требую, ничего не захочу, Люди! Тяжко тому, кто чего нибудь хочетъ, и ему этого не даютъ; а кто ничего не хочетъ, ничего не требуетъ?»

— Долгъ мой былъ предувѣдомить васъ, М. Г. — сказалъ мнѣ наконецъ незнакомецъ, удивляясь, по видимому, моему молчанію.

«Я слышалъ все это,» отвѣчалъ я ему.

— И такъ, благоволите приказать убрать ваши вещи.

«У меня ничего здѣсь нѣтъ, М. Г.,» отвѣчалъ я, «никакихъ вещей. Все, что вы ни видите, принадлежало моему благодѣтелю — теперь принадлежитъ все это его наслѣднику.»

— Онъ позволяетъ вамъ взять съ собою все, что было подарено, или поступило во владѣніе вамъ, изъ

движимости его покойнаго дядюшки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу объявить: не имѣете-ли вы какихъ документовъ, по которымъ вамъ слѣдовало-бы получить какую нибудь сумму, или что нибудь отдѣльно во владѣніе? —

Я чувствовалъ, что лице мое загорѣлось. «Документовъ никакихъ я не принялъ-бы, и благодѣтель мой не сталъ-бы мнѣ давать ихъ» — отвѣчалъ я. — «Въ теченіе многихъ лѣтъ, пока я жилъ въ его домѣ, подарилъ онъ мнѣ нѣсколько книгъ, нѣсколько эстамповъ — вотъ эти золотые часы. Я готовъ все это отдать...»

Я вынялъ часы изъ кармана, и осмотрѣлся кругомъ по комнатѣ, гдѣ лежали мои любимыя книги и портфёйли. Странное чувство! Какъ грустно стало мнѣ, когда я поду-

малъ, что мнѣ должно будетъ со всѣмъ этимъ разстаться, со всѣмъ этимъ, что столько лѣтъ составляло часть моего внѣшняго бытія! И это чувство могло вгнѣздиться въ душу мою, когда я былъ убитъ горестью о потерѣ моего благодѣтеля? Но это чувство *есть въ сердцѣ человѣческомъ:* мать плачетъ сильнѣе, видя игрушку, которою игралъ сынъ ея; слезы каплютъ чаще, когда мы смотримъ на столикъ, за которымъ видали прежде милое намъ существо, котораго теперь уже нѣтъ. . . .

Стыдитесь за меня! «Надѣюсь, что всѣ эти бездѣлки отдадутъ мнѣ?» сказалъ я. Да, я сказалъ это, когда за минуту столь горделиво готовъ былъ объявить міру: «Я *ничего* отъ тебя не требую!»

— Разумѣется — съ улыбкою отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ.

Онъ ушелъ, а я ходилъ по комнатѣ. И въ это время, мѣсто прежняго безмыслія вдругъ заступилъ въ головѣ моей хаосъ различныхъ мыслей. Онѣ летѣли, пролетали, сверкали, пересѣкали одна другую. Прошедшее, настоящее, будущее — все было возбуждено короткимъ разговоромъ съ незнакомымъ мнѣ, новымъ управителемъ дома. «И послѣ тебя начались обыкновенныя дѣйствія людскія, какъ будто послѣ самаго ничтожнаго человѣка! Гдѣ-же слѣды, гдѣ истинная память твоя? Для чего-же *ты* жилъ?» думалъ я. «Для чего *я* живу? Что̀ было твое бытіе, твое истерзанное, обманутое жизнью бытіе — и *мое?*» невольно прибавилъ я. «Завтра идти изъ этого дома... Куда? Зачѣмъ?

Надобно жить! Для чего? Что̀ мнѣ въ будущемъ?»

Это былъ пароксизмъ какого-то нравственнаго безчувствія, жгущая лихорадка души. Думаю, что еслибы въ эти минуты кто нибудь подалъ мнѣ писполетъ.... хладнокровно спустилъ-бы я курокъ, приставивъ дуло писполета ко лбу, и не понималъ-бы въ то-же время, для чего я это дѣлаю! Какъ хорошо зналъ подобное состояніе души Байронъ!....

... Vacancy absorbing space;
And fixednes without a place....
... Silence, and a stirless breath,
Which neither was of life nor death;
A sea of stagnant idleness,
Blind, boundless, mute and motionless!..

Но это не было еще послѣднимъ разставаніемъ съ жизнью. Сколько времени этому прошло? Пять лѣтъ,

да, пять лѣтъ — я многаго еще не зналъ тогда! Жизнь такъ дешево не даетъ отпускныхъ. У меня оторвалось тогда только полъ-сердца; но человѣкъ можетъ жить, пока остается у него хоть маленькій кусочекъ сердца. Только тогда онъ умираетъ, когда этотъ *послѣдній* кусокъ разорвется. А пока человѣкъ еще живъ, ему надобно жить. Я пережилъ тяжкую минуту безчувствія, и послѣ того не могъ уже умереть. Жизнь опять подкралась ко мнѣ. Душа моя пустила новые побѣги; жизнь усѣяла ихъ новымъ пустоцвѣтомъ. . . .

Она сошла ко мнѣ прежде всего благодѣтельнымъ сномъ. Я забылся — уснулъ. А когда я проснулся, сквозь зеленыя занавѣски окна пробивался лучъ едва только восходящаго солнца, и этотъ лучъ освѣ-

тилъ мнѣ будущее какою-то отрадою, сказалъ мнѣ, что между мертвымъ и живымъ нѣтъ болѣе отношеній. Живому жить, мертвому тлѣть. Мнѣ казалось, что совершившееся недавно, уже перешло въ область отдаленныхъ воспоминаній; что благодѣтель мой умеръ уже давно. И что̀ такое: *давно*? Развѣ не мысль человѣческая мѣряетъ его? Развѣ она не можетъ раздвинуть минуту на цѣлый вѣкъ, и цѣлый вѣкъ сжать въ одной минутѣ?

Теперь сидѣлъ я въ креслахъ своихъ, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ, забывшись сномъ, сидѣлъ мрачный, но — бодрый и здоровый. Вчерашнія слезы мои высохли. «Пойдемъ отсюда!» думалъ я. «Пойдемъ, сыщемъ себѣ пристанище!» Тутъ, машинально, рука моя обратилась къ моему бумажнику. Я вынялъ его,

развернулъ: въ немъ лежала ассигнація 25 рублей; я вынялъ мой кошелекъ: въ немъ былъ рубль серебра, и нѣсколько серебряной мѣлочи. Все это оставалось у меня отъ денегъ, которыя ежемѣсячно давалъ мнѣ благодѣтель мой на мѣлкіе расходы. Я разложилъ эти деньги передъ собою. «Тутъ будетъ у тебя столько, чтобы не умереть съ голода на первый разъ. . . .» думалъ я. «А тамъ? . . а тамъ. . .»

Уныло склонилась голова моя. «Что-же потомъ? Работать для насущнаго хлѣба?» Я содрогнулся. Дверь тихо растворилась. Осторожно вошелъ ко мнѣ Семенъ Иванычъ. Его сѣдые волосы, Франклиновскій видъ, его черное съ плёрёзами платье, красные отъ слезъ глаза (онъ не переставалъ плакать, уединяясь отъ всѣхъ) — въ первый разъ все это

поразило меня. Со времени кончины моего благодѣтеля я почти не замѣчалъ моего добраго Семена Иваныча — неблагодарный! Что-же теперь? Семенъ Иванычъ, по обыкновенію, несъ ко мнѣ маленькій мой кофейникъ, чашку, молочникъ, на маленькомъ серебряномъ подносѣ.

—Батюшка, Аркадій Ивановичъ— сказалъ онъ мнѣ — услышавъ, что вы изволили уже встать, я принесъ къ вамъ вашъ кофе. —

Повѣрите-ли, что это меня растрогало, обрадовало? Еще разъ прежнее, хоть во внѣшнемъ, какъ будто ни что не измѣнилось вокругъ меня! Еще человѣкъ близкій ко мнѣ. «Но почему-же узналъ ты, Семенъ Иванычъ, что я уже всталъ?»

— Я признаться, батюшка, видя, что вы очень обезпокоены, спалъ у васъ подлѣ дверей. Вчера, этотъ

новый управитель такъ грубо поступилъ съ вами — я боялся. . .

« Садись, Семенъ Иванычъ , » сказалъ я, почти до слезъ тронутый добротою старика — « полно говорить объ этомъ. Мы должны разстаться, мой любезный Семенъ Иванычъ ! » продолжалъ я, протягивая къ нему руку.

Я хотѣлъ только пожать его руку; онъ бросился цѣловать мою. Поспѣшно отдернулъ я руку, и вскочилъ съ мѣста. « Нѣтъ, нѣтъ ! это невозможно ! » вскричалъ я.

—Батюшка, Аркадій Ивановичъ!— сказалъ мнѣ старикъ — простите моей дерзости ! Вы мнѣ не приказываете говорить объ этомъ, извольте прощаться со мною.

«Что̀ дѣлать , мой любезный Семенъ Иванычъ! Общее несчастіе наше. . .

—Оно, конечно, велико; я все еще не могу удержаться отъ слезъ; да и въ цѣлый вѣкъ объ этомъ не наплачешься; но отчаяніе грѣхъ предъ Богомъ, тяжкій грѣхъ! Вамъ особливо, когда васъ Богъ одарилъ всѣми благами, умомъ и красотой (старикъ и теперь увѣренъ, что я величайшій красавецъ), вамъ будетъ еще жить хорошо; а мнѣ—остается жить немного; слѣдовательно — тоже хорошо!

Что̀ могъ я сказать на это? Открыть ему, этому простодушному старику, состояніе души моей вполнѣ? Или, для увертки, сказать, что у меня ѣсть нечего, и отъ того такъ грустно смотрю я на будущее? Напротивъ, его простыя слова: *отчаяніе есть грѣхъ предъ Богомъ!*... Что̀ могъ я возразить на сіи слова? Развѣ не *отчаяніемъ*,

не *грѣхомъ* должно было назвать безотчетное, тревожное состоянiе души моей, самое себя терзающей? Сказать-же, что меня сокрушаетъ неимѣнье денегъ, голодная смерть въ будущемъ, когда у меня были двѣ здоровыя руки — стыдъ!

— Батюшка, Аркадiй Иванычъ — началъ старикъ, помолчавъ немного — не отриньте вы моей просьбы: я весь тутъ; у меня нѣтъ ни роду, ни племени. Баринъ давно уже далъ намъ всѣмъ отпускныя, когда еще здравствовалъ: я свободный человѣкъ; да куда я пойду? Позвольте мнѣ жить у васъ; я еще могу служить вамъ не хуже молодаго. Вспомните, что вы на рукахъ моихъ выросли: вы не захотите и теперь разстаться со мною. Не правда-ли? —

« Любезный Семенъ Иванычъ! на

что тебѣ подвергаться на старости лѣтъ труду и безпокойству!»

— Какое-же безпокойство? Простите моей дерзости: вѣдь я всегда почиталъ васъ своимъ сыномъ; думаю, что и теперь могу еще быть для васъ полезнымъ. Вы совсѣмъ не знаете хозяйства; я хотѣлъ замѣнить васъ собою, чтобы вы могли между тѣмъ, по обычаю вашему, на свободѣ думать, и писать ваши прекрасныя картины, какъ было при старомъ баринѣ.

«Я самъ еще не знаю, гдѣ я буду жить,» сказалъ я — «и *чѣмъ жить!*» едва не вырвалось у меня.

— Не знаете? А я такъ почти знаю — отвѣчалъ старикъ, усмѣхаясь. Въ изумленіи взглянулъ я на него: онъ оробѣлъ, смѣшался. — Я думалъ, что вы позволите мнѣ жить съ вами, и приготовилъ было для

васъ и для себя квартирку, по вашему вкусу, прекрасную, веселую.... простите меня!—Старикъ сложилъ руки, съ умоляющимъ взоромъ. — Я зналъ, что у васъ теперь нѣтъ денегъ. У меня, во время моей службы у барина, скопилось до 2000 рублей. Они лежали въ Ломбардѣ. Вчера я взялъ ихъ оттуда; нанялъ квартиру; вотъ остальныя деньги на разживу *намъ*.... О! у васъ подъ руками золото будетъ родиться; а теперь.... Батюшка, Аркадій Ивановичъ! не откажи: утѣшь меня старика! Вспомни, что душа моя сжилась съ тобою; что я столько лѣтъ ходилъ за тобою, какъ за роднымъ.... Онъ хотѣлъ стать на колѣни.

Я бросился къ моему старому другу, и обнялъ его, этого слугу— онъ былъ выше въ это время, го-

раздо выше многаго, что называютъ люди высокимъ! Я обнялъ-бы его передъ цѣлымъ міромъ, и горделиво сказалъ-бы: обнимаю *человѣка*. Отказаться отъ такого предложенія я не могъ; болѣе — оно согрѣло душу мою; міръ умѣлъ подкрасться ко мнѣ въ видѣ этого старика, подъ личиною добродѣтели.

Съ тѣхъ поръ мы уже не разлучались. Немедленно пошелъ я съ нимъ осматривать мою новую квартиру. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ нѣсколько веселенькихъ комнатъ. Семенъ Иванычъ въ тотъ-же день перевезъ мои вещи, устроилъ маленькое хозяйство. Началась новая жизнь моя. Горесть моя успокоивалась мало по малу, и превращалась въ грусть и унылую память о быломъ. Опять все возраждалось теперь въ душѣ моей. Около года жилъ я въ глубо-

комъ уединеніи. Чего не передумалъ, не перечувствовалъ я въ это время!

Я узналъ теперь прежде всего, какъ мало было надобно человѣку для вещественной его жизни, о которой столь много заботятся люди. Семенъ Иванычъ доставилъ мнѣ нѣкоторыя работы, и этого достало мнѣ прожить годъ. Двумъ, тремъ богатымъ купцамъ надобны были портреты ихъ самихъ, женъ ихъ, дѣтей; какимъ-то поэтамъ надобны были картинки къ ихъ поэмамъ. Механически сдѣлалъ я все это, и ни куда, ни къ кому не ходилъ. Все еще не было мною рѣшено, что̀ мнѣ дѣлать съ самимъ собою? Въ этотъ годъ, снова переучилъ я все, что зналъ, перемыслилъ, о чемъ думывалъ прежде. Множество эскизовъ, рисунковъ, этюдовъ сдѣлано было мною. Темная мечта: ѣхать въ Гер-

манію и Италію, спановилась однакожь постоянною моею мыслію. Я хорошо зналъ *нашъ* художественный міръ, и не хотѣлъ вступать въ него. Но все это — мысли, мечты, предположенія, ученье мое—все было такъ не полно, мертво! Художникъ безъ живыхъ страстей и ощущеній, художникъ-мизантропъ, какое-то недовольное созданіе, критически изучающее свое Искуство, художникъ, который насильно старается разочаровать міръ и Природу, и носится въ неопредѣленныхъ безднахъ между небомъ и землею— что̀ это такое? Все что угодно, но не истинный художникъ. Фридрихъ пишетъ пустыни безлюдныя, дикія, необитаемыя—часто изображаетъ онъ просто одно безконечное море; но, посмотрите: тутъ есть однакожь клочекъ земнаго *берега;*

тутъ *нѣтъ людей*, но есть *земля* ихъ; и на ней видны остатки разбитой лодки; и чайка носится тутъ надъ какимъ нибудь полуразрушеннымъ крестомъ; а подъ этимъ крестомъ могила; и въ ней,

Подъ мягкимъ дерномъ гробовымъ,
Спитъ сердце, нѣкогда земнымъ,
Святеннымъ пламенемъ согрѣто!

Правда, и у меня была въ мірѣ могила, единственное мѣсто, куда ходилъ я гулять, могила незабвеннаго; но она молчала, онъ молчалъ! А душа моя требовала живаго отвѣта, звала къ себѣ живую душу! Гдѣ-же была эта живая душа, другъ моей, *моя?* Я вопрошалъ и могилу друга моего, и міръ: могила его не отзывалась мнѣ; а міръ шумѣлъ вокругъ меня, и не думалъ замѣчать моихъ скорбныхъ воплей.

Однажды, вечеръ былъ прелестный: одинъ изъ тѣхъ вечеровъ Петербургскихъ, по которымъ лѣта Петербургскаго не промѣняю я на лѣто Одесское, или Таганрогское, теплое, но богатое жаромъ, пылью и мухами. Проведя цѣлый день въ уединенной работѣ, я отправился на кладбище; дорогою встрѣчалось мнѣ такъ мало народа; на кладбищѣ совсѣмъ никого не было: помнится, тогда весь Петербургъ гулялъ на островахъ, гдѣ показывали ему разныя диковинки—фейерверки, и еще что-то такое; о кладбищѣ-ли думать въ это время Петербургскому жителю, который за фейерверкомъ готовъ скакать 20-ть верстъ, и только одного не промѣняетъ на гулянье: свиданія, назначеннаго знатнымъ человѣкомъ, въ его передней! Меня радовало, что рѣшительно ни-

кто не встрѣчался со мною на *нивѣ Божіей*: мнѣ было такъ свободно на ней, одному доспрашиваться отвѣтовъ у самого себя, бесѣдовать съ могилою моего благодѣтеля. Шумный городъ остался за мною, въ городскомъ туманѣ. Уже долго сидѣлъ я и мечталъ на гостепріимной могилѣ моей. Ея не тяготилъ еще тогда великолѣпный памятникъ, какой поставили на ней послѣ. Меня не отчуждала еще отъ нея золотая надпись, гдѣ исчислены ордена и чины покойника, а не сказано, какое сердце скрываетъ эта драгоцѣнная могила, какого человѣка прахъ тлѣетъ въ ней! Я забылъ самого себя въ усладительной тишинѣ этой Природы, въ тихомъ спокойствіи этой могилы. Природа, меня окружавшая, на этотъ разъ — казалось мнѣ — не была мертва: она дышала

такъ понятно, весело, такъ тепло вѣяла она вокругъ меня! Мнѣ казалось, что я чувствую даже біеніе пульса ея; что онъ отзывается мнѣ даже и въ этой хладной могилѣ; что каждая травка, смятая моею ногою, говоритъ мнѣ: «Не презирай, не уничтожай меня — вѣдь я жива!»

Тутъ легкій шелестъ шаговъ послышался вблизи. Оборачиваю голову: дѣвушка, въ черномъ платьѣ, идетъ поспѣшно, не видя меня; лицо ея закрыто вуалемъ....

Знаете-ли, что я никогда не любилъ, и теперь не люблю женщинъ? Я не люблю *женщинъ*, эту касту, эту *секту* (какъ называетъ женщинъ нашъ милый поэтъ, воспѣвавшій ихъ, будто ангеловъ, ненавидѣвшій, будто демоновъ). *Женщина!* Кто изъ нихъ самихъ не раз-

сердится за такое названіе? Сами онѣ не любятъ его: имъ хочется въ ангелы, въ человѣки, въ матери. Тогда только жалобно говорятъ онѣ: *я женщина*, когда раздраженная ими страшная воля мужчины разрываетъ цѣпи, какими онѣ оковываютъ ее, онѣ, Пигмеи, Мирмидоны, нарумяненныя Омфалы, заставляющія своихъ Геркулесовъ прясть нитки и цѣловать башмачки, и трепещущія ихъ львиной кожи! О, тогда онѣ говорятъ тихо, жалобно: *я женщина!* Переведите на настоящій смыслъ эти два слова: вы узнаете въ нихъ печаль души человѣческой, понимающей свое жалкое, бѣдное полу-бытіе, принужденной слабостью своею защищаться отъ грома, отъ молніи, горящихъ, гремящихъ въ полной душѣ мужчины. Во всю жизнь мою, до того времени, почиталъ я жен-

щинъ загадкою, которая не стоитъ разгадки; шарадою, у которой два слова имѣютъ смыслъ, являютъ два смысла, если ихъ читать отдѣльно, и—никакого, если сложить ихъ вмѣстѣ. Это клавиши, на которыхъ играютъ страсти мужчинъ. Самыя непріятныя воспоминанія о женщинахъ остались у меня отъ моего дѣтства; я совершенно разочаровался, видѣвъ потомъ женщинъ въ большомъ свѣтѣ. Отъ Аркадскихъ Идиллій меня брала зѣвота. Не хорошъ нашъ Желѣзный вѣкъ, но, Боже мой! что-же былъ Золотой! Только *одна женщина* существовала въ мірѣ, показала міру и унесла съ собою изъ міра идеалъ, постигнутый потомъ въ вещественныхъ его формахъ Рафаэлемъ. Венера Медицейская мнѣ всегда нравилась, какъ кусокъ мрамора, обдѣланный для ана-

томическаго образчика женскаго тѣла; всегда смотрѣлъ я на эту статую, какъ философъ смотритъ на восковое изображеніе трупа, изучая въ немъ физическаго человѣка.

Но, теперь, въ это мгновеніе — мѣсто, уединеніе, тишина, черное платье, закрытое лицо—это не была женщина: это была какая-то идея, прилетѣвшая ко мнѣ, на призывъ души моей. Незнакомка останавливается; не видитъ меня, закрытаго кустами, которые насадилъ я вокругъ могилы моего друга. Да она и не смотритъ никуда— она стоитъ подлѣ какой-то, своей могилы; она становится подлѣ нея на колѣна — она тихо плачетъ, приклоняетъ къ этой могилѣ свою голову... Съ изумленіемъ, не смѣя дышать, смотрѣлъ я на это созданіе, на его легкія, прелестныя фор-

мы. . . Она что-то шепчетъ, говоритъ; напрягаю слухъ, и слышу только одно слово: «*Маменька!*» Но какъ произнесено было это слово! — Милое, милое созданіе! пусть на одрѣ смерти моей, въ послѣдній часъ моихъ смертныхъ терзаній, скажутъ мнѣ его, это слово, произнесутъ его мнѣ этими звуками— они вдругъ украсятъ всю прошедшую жизнь мою, они усладятъ мою смерть. . . *Мать моя!* скажу я тогда въ свой чередъ Природѣ, и засну, какъ засыпаетъ дитя на лонѣ своей матери—и эти звуки будутъ мнѣ предвѣстникомъ того, что услышу я въ небѣ!..

«Вѣринька! гдѣ ты?» произнесъ мужской голосъ.

— *Здѣсь!* — отвѣчала тихо незнакомка.

Сколько идей, мыслей, выраженій

соединилось для меня въ одномъ этомъ словѣ? *Здѣсь она* — при гробѣ матери! Гдѣ-же ей быть? Она не-земная — міръ въ это время смѣется, веселится, глядя на паяцовъ. Тамъ собрались и *женщины*. Но что̀ ей до нихъ? *Ее* ищите здѣсь, здѣсь, гдѣ лежитъ все, что привязывало ее къ міру — берегитесь, не испугайте ея: у нея есть крылья. . . И она *Вѣра*, она пришла сюда, когда и я пришелъ сюда! И рядомъ покоятся здѣсь два драгоцѣнныя ей и мнѣ существа! Мы *свои* съ нею; вотъ они, *наши* — эти двѣ могилы, доказательство, что мы съ нею родныя. Откуда пришла она? Кто она? Зачѣмъ вдругъ исчезъ весь міръ, раздѣлявшій насъ доселѣ? Зачѣмъ онъ вдругъ столкнулъ насъ, и говоритъ намъ: «Плачьте вмѣстѣ!» Неужели слезы наши, смѣ-

шавшись вмѣстѣ, будутъ небесною росою, отъ которой долженъ снова ожить и разцвѣсть увядшій цвѣтокъ нашей жизни? О! мы обманемъ міръ — онъ свелъ насъ на грусть и печаль, а мы найдемъ надежду и радость!

Къ незнакомкѣ подошелъ немолодой мужчина. Онъ казался мнѣ такимъ добрымъ. Пристально глядя на него, я ничего особеннаго не находилъ въ его лицѣ; но что-то необыкновенно доброе и простодушное оказывалось во всѣхъ его движеніяхъ. Это была Поэзія своего рода — народная пѣсня, пропѣтая добрымъ весельчакомъ.

—Я зналъ, что найду тебя здѣсь — сказалъ онъ. — Дурочка! всегда бѣжитъ сюда опрометью! Ну, что все плакать? — Онъ отвернулся, и отеръ тихонько слезу, которая по-

катилась по его смуглой щекѣ. — Пойдемъ! Посмотри-ка, что за славная эпитафія!—продолжалъ онъ, и началъ читать забавную надпись на ближней гробницѣ; но — онъ притворялся: голосъ его дрожалъ.

— Пойдемъ! — повторилъ онъ, но опираясь на свою палку, не двигался, и осматривался кругòмъ.—Много—сказалъ онъ—много васъ, дружки, собралось здѣсь! И много тутъ хорошаго схоронено!—Онъ задумался, и произнесъ нѣсколько стиховъ— вы знаете, чьи эти стихи?

Какъ быть! а всѣмъ одно! всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ. . . Что-жь нужды? Всѣ мы будемъ
На милой родинѣ! Кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый! Вѣдь могила

Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда-же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выдемъ
На новый свѣтъ; тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны....

Никогда эти добродушные, простые стихи не являли мнѣ столько прелести, какъ теперь! Мнѣ казалось, что я вижу самого Сторожа ночнаго, самого Гебеля, который не сочиняетъ свои стихи, а такъ, остановясь на кладбищѣ, думаетъ ихъ вслухъ.

— Вотъ и этотъ былъ, куда славный человѣкъ! — продолжалъ незнакомецъ, указывая на могилу моего благодѣтеля. — И памятника никто не поставитъ, и поплакать никто

не придетъ. . . . продолжалъ онъ задумчиво.

« Папенька! я всегда молюсь за него, когда бываю у маменьки!» сказала незнакомка, подходя къ отцу. «Я знаю, что онъ былъ вашъ благодѣтель.»

Тѣнь твоя радовалась тогда, второй отецъ мой! Здѣсь вдругъ билось три сердца, которыя *не забыли* тебя! И онъ былъ благодѣтель отца ея, благодѣтель ея! Она молится за него! Великій Боже! Если ты, тѣнь священная! привела меня сюда, благотворя мнѣ еще и по смерти, привела для того только, чтобы я узналъ *ее*. . . .

Я тихо поднялся съ могилы. Нечаянное появленіе мое, казалось, изумило незнакомца. Дочь его робко прижалась къ его рукѣ. Онъ смо-

трѣлъ на меня пристально, но спокойно.

— Если не ошибаюсь — сказалъ онъ — вы Аркадій Ивановичъ, жившій у покойнаго Генерала, вотъ у этого добраго, почтеннаго человѣка? — Онъ указалъ на могилу. Лицо незнакомца выражало особенное любопытство.

« Вы не ошиблись. Извините, что я испугалъ васъ, помѣшалъ вамъ, можетъ быть; но вы говорили о человѣкѣ для меня драгоцѣнномъ. »

— Ему былъ я въ свое время обязанъ многимъ.

« Я никогда не видалъ васъ у него? »

— А я васъ знаю.... Мы видались. —

« Не помню, извините. » . . .

— Въ Училищѣ Живописи, у Г-на N. N. —

Тутъ вспомнилъ я, что точно мы видались; но я пропускалъ это лицо безъ замѣчанія. И что мнѣ было замѣтить въ немъ? Оно всегда сидѣло за вистомъ, когда случайно я прихаживалъ вечерами, раза два-три, къ N. N., одному изъ главныхъ учителей въ Училищѣ Живописи.

Мы пожали другъ другу руки, какъ старые знакомые. Старикъ былъ отмѣнно словоохотливъ; онъ началъ со мною разговоръ. Дочь его молчала. Онъ успѣлъ разсказать мнѣ, что нѣкогда былъ опредѣленъ въ Училище Живописи пособіемъ моего благодѣтеля. Но потомъ оставилъ онъ свое занятіе, и потому, когда возвратился благодѣтель его въ Петербургъ, онъ уже не являлся къ нему. Теперь, онъ былъ чиновникомъ, рисовальщикомъ, переводчикомъ при одномъ изъ Министерствъ.

«Но я все таки, сударь, немножко охотникъ, аматёръ въ Живописи. Все Училище до сихъ поръ мнѣ знакомо. Главные Учители мои старые однокорытники.» Старикъ засмѣялся. Его откровенность, добродушіе, воспоминаніе о благодѣтелѣ моемъ, можетъ быть, всегда сблизили-бы насъ. Теперь могъ-ли онъ мнѣ не понравиться? Онъ былъ *отецъ ея* — а мнѣ казалось, что душа ея уже давно мнѣ знакома, и все родное ей, было роднымъ и мнѣ. Мнѣ все нравилось теперь въ старикѣ; нравился даже этотъ грубый лоскъ образованности, какой воспитаніе художника, самаго дряннаго, придаетъ ему. Такъ грамотный образованнѣе неграмотнаго, хотя-бы только по складамъ читалъ онъ. Понравилось мнѣ и то, что незнакомецъ не мучилъ меня вопросами: что

я такое? гдѣ я? Впрочемъ, повторяю: что не понравилось-бы мнѣ, близкое къ ней? Странное свойство человѣка: глупость отвратительна, невѣжество глупо; но если на нихъ брошено покрывало отношеній — глупость кажется добродушіемъ, невѣжество первобытною, доброю простотою человѣка. Человѣкъ неумолимъ; и онъ-же такъ способенъ извинять, такъ снисходителенъ; и эти двѣ противоположности могутъ быть въ одну минуту, отъ одного слова; и никакой умъ не защититъ въ этомъ случаѣ отъ заблужденія! Нечувствительно пошли мы всѣ вмѣстѣ, перешли кладбище, вошли въ городъ; разговоръ нашъ не прерывался. Незнакомецъ былъ шутливъ, ласковъ и словоохотенъ— я влекся за нимъ. . . . Чего желалъ я? Зачѣмъ шелъ? Не знаю, не знаю!

Она шла съ нами вмѣстѣ; но что̀-же была мнѣ она? Я еще не видалъ даже ея лица, не говорилъ еще съ нею ни одного слова; но я и не хотѣлъ видѣть лица ея. Она могла быть безобразна, уродъ! Какое мнѣ дѣло? Я уже зналъ ее: душа ея сказалась мнѣ на могилѣ матери ея, на могилѣ моего благодѣтеля.

Вдругъ остановились мы подлѣ хорошенькаго, опрятнаго домика. Я изумился, оглядѣлся кругомъ. «Зайдите, сударь, ко мнѣ, Аркадій Ивановичъ,» сказалъ старикъ, пожимая мнѣ руку. «Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами покороче.»

Вообще, я небрегъ тогда о моемъ нарядѣ. Еще менѣе думалъ я о немъ, идя на кладбище. Я бормоталъ извиненія.

«Ничего, сударь, ничего,» сказалъ старикъ, удерживая меня за руку.

Мнѣ хотѣлось бы спросить у нея. Она какъ будто поняла меня. «Папенька,» сказала она, «кажется, пора пить чай!» и проворно пошла впередъ. Я пошелъ за отцомъ ея.

Рѣдко можно встрѣтить жилище, небольшое, но столь хорошо, мило, удобно расположенное. Коврики, диваны, столики, свѣтлыя стекла въ дубовыхъ окончинахъ, цвѣты на окнахъ—и эта женская заботливость, видимая повсюду, въ шитьѣ по канвѣ, синелью, бисеромъ, гарусомъ, въ разныхъ мѣлочахъ, доказывающихъ искуство, вкусъ, занятіе хозяйки. И притомъ чистота, опрятность, нѣсколько литографій за стеклами, прекрасное фортепіано. Мы сѣли въ диванной, подлѣ небольшой гостиной. Вѣринька явилась тотчасъ; она скинула свою шляпку; я увидѣлъ ее вполнѣ.

Много разъ послѣ того старался я отдать самому себѣ отчетъ: что̀ такое плѣняло, очаровывало меня въ ней? Нѣтъ! она не была уродъ, безобразна! Милое, привлекательное личико, свѣжее, какъ роза, съ большими глазами, то принимающими веселое, живое выраженіе, то вдругъ унылыми, задумчивыми, но всего болѣе ничего не выражающими, ибо выраженіе даютъ страсти; эѳирный станъ; маленькая ножка — но у какой-же, хоть немного сносной, 16-ти, 17-ти лѣтней дѣвчонки всего этого нѣтъ? Что-же особенно плѣняло, очаровывало меня въ ней? Что безвозвратно рѣшило судьбу мою? Что? Не знаю: я тщательно изучалъ лицо Вѣриньки; я могу изобразить его вамъ ощупью, если вы закроете мнѣ глаза, и — никогда не напишу я ничего похожаго на Вѣ-

риньку — не напишу ни ея взора, ни ея голоса, ни ея движеній, ни ея души. Но все это, отдѣльно взятое, такъ просто, такъ обыкновенно.... Боже! какъ хороша ты, моя Вѣринька; но, скажи мнѣ: что̀ въ тебѣ хорошаго?

Въ первый разъ послѣ кончины моего благодѣтеля, мнѣ хотѣлось участія другихъ. Думаю, что я говорилъ тогда хорошо: мы говорили о благодѣтелѣ моемъ; сердце мое невольно высказывало себя. Мы были, какъ будто давно знакомые. Вѣринька сидѣла за столомъ, молчала; не замѣчала того, что локонъ ея, развившись, падалъ въ безпорядкѣ; что легкая косыночка скатилась съ одного плеча ея... Она двигала серебряную ложечку по подносу, задумчивая, иногда съ участіемъ подымая на меня глаза свои. Когда я

говорилъ о послѣднемъ вечерѣ, проведенномъ съ моимъ благодѣтелемъ, на глазахъ ея навернулись слезы — она поспѣшно ушла изъ комнаты. Я простился съ старикомъ, и побрелъ къ себѣ. . . .

Сказать-ли вамъ глупѣйшее изъ всѣхъ словъ, какія только находятся въ языкѣ человѣческомъ? Это глупѣйшее слово: *влюбиться*! Этимъ словомъ унизилъ человѣкъ святое имя, которымъ называлъ себя самъ Богъ. Такъ человѣкъ унизилъ великое слово: *могу*, замѣнивъ его словомъ: *долженъ*. Съ первымъ исчезло въ Любви все небесное; съ вторымъ высокая воля человѣка замѣнилась невольною обязанностью, и пропало безкорыстное вдохновеніе Добра! Человѣкъ былъ созданъ изъ Добра и Любви; съ ними все соединялось у него въ первобытной его жизни.

Кто былъ добръ, тотъ любилъ; кто любилъ, тотъ былъ добръ. И Любовь роднила душу Человѣка съ мертвою Природою. Философія не разогрѣетъ Вѣры, и не Логикою убѣждаются въ ея святыхъ истинахъ, но сердцемъ. Тамъ, въ сердцѣ человѣческомъ, воздвигнутъ алтарь святой Вѣры; рядомъ съ нимъ поставленъ алтарь Любви; и на обоихъ горитъ одинакая жертва вѣчной Истинѣ—пламень Надежды! Безъ этого пламени, солнце наше давно погасло-бы, кровь въ человѣкѣ давно застыла-бы, и кометы праздновали-бы только погребальную тризну на скелетѣ земли, съ ужасомъ спѣша изъ мрачной пустоты, гдѣ тлѣетъ трупъ ея, спѣша — туда, выше, далѣе, гдѣ свѣтъ чище, ярче, болѣе вѣченъ. . . . Вы дивитесь чудесамъ въ великомъ; но зачѣмъ не

наблюдаете вы ихъ въ маломъ? Наша земная любовь не есть-ли отблескъ любви вѣчной, огня небеснаго—украденнаго—говорили Греки—Прометеемъ какимъ-то. Нѣтъ! онъ не былъ украденъ, этотъ огонь: онъ мы — дитя не крадетъ молока своей матери: его всасываетъ оно съ жизнью!

Я не умѣлъ *влюбляться*: я *любилъ*, едва только узналъ любовь, какъ началъ жить, едва только узналъ жизнь. Жизнь разлилась во мнѣ съ первымъ моимъ дыханіемъ, разлилась въ мозгу, въ крови, въ костяхъ моихъ. Такъ было теперь съ любовью. Я жилъ съ тѣхъ поръ потому, что любилъ, и любилъ потому, что жилъ. Тутъ для меня не было ни идеаловъ, ни отдѣльнаго чувства — было все! Вскорѣ не было и

меня, отдѣльно существующаго — была только моя любовь. Вы хотите узнать, что̀ происходило со мною послѣ того? Я *любилъ*. Хотите знать, какимъ образомъ Аркадій, о которомъ разсказывалъ я вамъ до сихъ поръ, сдѣлался тѣмъ, что вы видите въ немъ теперь; какъ мирились и снова ссорились въ немъ всѣ возможныя противоположности; почему всегда хотѣлъ ѣхать и не поѣхалъ я въ Италію? Отъ чего видѣли вы во мнѣ какого-то упадшаго, но счастливаго своимъ паденіемъ человѣка; отъ чего видите теперь почти сумасшедшаго? Я *любилъ*, и — только; болѣе ничего я не знаю. — Ни силъ, ни памяти моей не достанетъ разсказать вамъ все то, что заключено въ одномъ словѣ: *любить*. Вотъ нѣсколько лоскутковъ бумаги, на которые бро-

салъ я иногда свои замѣтки—одну изъ тысячь!

Аркадій вынялъ изъ бюро своего множество лоскутковъ бумаги. «*Прошедшее!*» сказалъ онъ, усмѣхаясь. «Я буду смотрѣть въ этомъ на самого себя, какъ на что-то любопытное постороннее. Простите безпорядку, нескладицѣ — иногда я самъ ничего не понималъ; мнѣ иногда самому казалось, что я на одинъ шагъ отъ сумасшествія. . . . О Вѣринька! что ты со мной сдѣлала!

«Міръ въ сущности своей лучше, нежели намъ кажется; мы сами лучше, нежели мы думаемъ. Небо и земля, по видимому, отдѣльны; но они слиты вмѣстѣ. Станьте на высокую гору, выше *низкой* земной поверхности — на землѣ однакожь — и вы увидите, что земля кругомъ

васъ сливается съ небомъ. Но *на землѣ* спаньте для этого, а не въ облакахъ; иначе земля обовьется для глазъ вашихъ густымъ туманомъ земной атмосферы, и вы потеряетесь въ безднѣ этого пустаго тумана. Ногу на землю, взоръ въ небо — вотъ истинное твое положеніе, Человѣкъ! — Но ты устаешь смотрѣть въ небо? Хорошо; мы не можемъ глядѣть на солнце — меньше-ли его очарователенъ мѣсяцъ? Заоблачное небо закрыто отъ насъ солнцемъ; и на эту закрышку смотрѣть также не льзя — ослѣпнешь! Однакожь, иногда и на солнце глядѣть можно. Надобно только темное стекло. Такъ на счастье можно смотрѣть сквозь *темноту* жизни человѣческой, сквозь несчастія. Тогда блескъ его не ослѣпляетъ. А кому свѣтъ счастья нестерпимъ,

тотъ смотри на мѣсяцъ; вмѣсто золотыхъ лучей солнца, онъ утѣшитъ васъ своими серебряными лучами. . . .

«*Святое* должно быть прекрасно; все *прекрасное* должно быть свято для человѣка. Если вы безъ вѣры входите въ храмъ, будетъ-ли онъ для васъ храмомъ? И зачѣмъ вы пришли въ него? Не такъ-ли все прекрасно потому, что вы чистою душею убѣждены въ этомъ? Послѣ сего, если что нибудь на землѣ непрекрасное? Для того родится оживотворенная вѣра въ него — *художникъ*. Отъ его волшебнаго прикосновенія, то что на землѣ *казалось не-прекраснымъ*, получаетъ красоту, дѣлается *изящнымъ*.

«Если ты любишь прекрасное только въ камнѣ, только въ краскахъ на холстинѣ, будетъ-ли полна ду-

ша твоя? Никогда: ты любишь мертвыя формы; ты не знаешь *души* прекраснаго, заключенной въ живой жизни его.

«Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что только невинность, младенчество души достигнетъ мира, послѣ котораго начнется новое, обѣтованное царство Искуства и Знанія. Человѣкъ ищетъ истины, роясь въ гніющемъ трупѣ ума, вооруженный анатомическимъ ножемъ. Ему надобно искать его въ полнотѣ жизни, искать не наукою, но вѣрою. Мы уже слишкомъ много *знаемъ*. — Чувствую, какъ душа моя начинаетъ отдыхать теперь, и какъ много началъ я *дѣлать*, съ тѣхъ поръ, когда пересталъ *испытывать*. Какой-то святой огонь радости и тишины грѣетъ душу мою. А если

я ошибаюсь, и если это утомленіе души? — Нѣтъ! это не утомленіе! Чувствую, что теперь на плечахъ моихъ подниму я горы. Вотъ разница: прежде я *отчаявался*; теперь *надѣюсь*. Надежда сестра Вѣры. . . Какое слово, какое *имя*! Чье это имя? Подруги Любви?

Однакожъ, какъ грубы формы жизни ихъ, формы ихъ мысленія! Этотъ старикъ, художникъ по диплому, рисовальщикъ машинъ, какъ мало онъ знаетъ, какъ грубо онъ чувствуетъ! Мнѣ смѣшно, котда онъ начинаетъ говорить объ Искуствахъ. А *она* молчитъ — и заставляетъ меня краснѣть, при мысли: не дура-ли она? Но ребенокъ развѣ глупъ? Въ немъ небесныя формы; онъ только не знаетъ нашихъ выученныхъ фразъ. Богъ съ ними! Не эти-ли фразы гу-

били меня до сихъ поръ! Богочеловѣкъ призывалъ дѣтей прямо въ царство свое; а намъ, съ какими тяжкими условіями жизни, съ какимъ крестомъ дозволено думать объ этомъ царствѣ! *Погуби разумъ свой, разумный!* будь дитя. . . Однакожъ, это грустно, когда нѣтъ отвѣта душѣ моей, когда я долженъ возить тѣлежку дѣтскую, или стучать въ дѣтскій бубенчикъ, чтобы уравняться съ *нею*. . . .

«Какъ я ошибся, какъ глупъ былъ я! Какъ устыдила она мою гордость; какое величіе души! Я изумленъ! Такъ глубоко чувствовать сердцемъ; такъ безотчетно понимать сердцемъ всѣ великія тайны ума и Искуства; такъ задумываться надъ великимъ, и потомъ такъ добродушно отвѣчать: «Понимаю;

но не знаю состоянія души, въ которомъ это можетъ услаждать ее!« Она не знаетъ еще наслажденій страданія! Три часа говорили мы. Она скрываетъ себя отъ другихъ. Нѣтъ! это не глупое незнаніе, не холодное равнодушіе. Рафаилъ долго жилъ въ семействѣ Товіи, и никто не замѣчалъ крылъ его. Такъ въ ней все великое и прекрасное живетъ съ нами. Сколько мыслей возбудила она во мнѣ; сколь многое разрѣшила мнѣ однимъ взглядомъ! А этотъ вопрошающій взоръ, устремленный на меня, когда она не понимаетъ чего нибудь? А эта радость, когда она начинаетъ понимать, эта дѣтская радость. . . .

«Онъ совсѣмъ не такъ глупъ, и люди, его окружающіе, не такъ глупы. Что лучше: большой-ли свѣтъ,

гдѣ всѣ на ходуляхъ и въ маскахъ, или этотъ малый, гдѣ люди ходятъ въ первобытныхъ одеждахъ , и не закрываютъ масками простыхъ лицъ своихъ ? Однакожъ, на вечера ихъ я не пойду болѣе. Мнѣ скучно. Зачѣмъ-же сидѣлъ я тамъ до пяти часовъ утра? Аркадій! ты можешь привыкнуть, а это дурно.

«Зачѣмъ теперь не думаешь ты о своей Италіи? Но какъ я поѣду туда? Пѣшкомъ идти надобно тебѣ. — Хорошо , только зачѣмъ-же? Не самъ-ли я всегда опровергалъ нелѣпость: изучать Искуство въ образцахъ? Это та-же теорія. — Развѣ вдохновеніе, развѣ Изящное есть какой нибудь колдунъ, или Кикимора, которые скрываются въ развалинахъ Колизея , или пугаютъ изъ грязи Понтинской? — Но , Аркадій, ты хотѣлъ туда ѣхать, бѣ-

жать? Ты хотѣлъ бѣжать туда отъ людей, отъ самого себя. Но теперь тебѣ не совсѣмъ дурно. Отъ чего твое довольство собою? Отъ чего...

«Я не спалъ всю ночь. Громъ и молнія, дождь, вѣтеръ мѣшали мнѣ спать. Голова моя болитъ.

«Что за странность! Семенъ Иванычъ увѣряетъ, что ночь была тиха и прекрасна. — Можно-ли такъ ясно видѣть сны? Но спалъ-ли я? Кажется, нѣтъ! — Сомнѣніе есть признакъ мудрости. — Какъ глупа эта сомнѣвающаяся мудрость! И какъ будто мудрость можетъ сомнѣваться!

«Безсонница моя продолжается Вчера я видѣлъ сонъ, и съ ужасомъ вскочилъ съ постели — а онъ былъ такъ прелестенъ! Чего испугался

я? Противоположности съ дѣйствительнымъ? . . .

« Неужели обманъ и мечта это счастіе! Ради Бога, увѣрьте меня, и жизнь моя передъ вами — возьмите ее: я все еще дешево куплю небо на землѣ! Какъ она спрашивала меня: почему не былъ я цѣлую недѣлю? Какъ слезы навертывались на глазахъ ея, когда она говорила мнѣ о блѣдности лица моего! Если это просто *участіе*, что́-же *любовь* ея?... Чувствую, какъ голова моя кружится; или я сдѣлался солнцемъ, вокругъ котораго вертится все. . . . Вѣринька, милый другъ! « Вѣринька, ты забыла гостей своихъ,» говорилъ ей отецъ. Она *заговорилась* со мною. Я хотѣлъ уйдти; но она *такъ* взглянула на меня, что я бросилъ шляпу, сѣлъ въ уголъ, и молчалъ. Какъ мило

щадила она меня, не старая сь вовлекать въ разговоръ, и какъ украдкою оглядывалась она на меня! А это движеніе, когда она прикладываетъ руку къ груди, какъ будто у нея грудь болитъ. . . болитъ. . . Неужели отъ этого чувства больно груди? Или грудь человѣческая не привыкла къ этому святому чувству? — О Вѣринька! что ты такое?

«Зачѣмъ пошелъ я къ нимъ сегодня! День грусти и тоски нестерпимой! Она такъ обрадовалась, когда увидѣла меня, сдѣлалась такъ весела, такъ ласкова ко всѣмъ; она прыгала какъ дитя. Зачѣмъ она не бросилась ко мнѣ, и не прижалась къ груди моей? Чего она боялась другихъ? Что тутъ худаго? Я обнялъ-бы ее, какъ ангелы обнимаютъ ангеловъ; душа моя такъ чиста бы-

ла въ то время. . . . Но послѣ этой радости, не совѣстно-ли ей было уравнять меня съ другими? Хуже: я казался ей болѣе чужимъ, нежели всѣ другіе! Она убѣгала моего взора, ничего не говорила со мною... А эти два дурака, которые окружали ее — они меня взбѣсили. Зачѣмъ она позволяетъ себѣ быть съ ними всегда веселою, ласковою, а со мной такъ часто задумывается, молчитъ. «Вы меня пугаете!« сказала она, и затрепетала. Развѣ взоръ мой сдѣлался страшенъ въ это время? Мнѣ ужасно какъ хотѣлось выкинуть ихъ въ окошко. »Что вамъ за радость говорить съ этими дураками?» сказалъ я. — Какое-же право имѣете вы почитать ихъ дураками, и запрещать мнѣ говорить? — отвѣчала она. «Право, *Вѣринька*.» — Въ первый разъ я назвалъ ее такъ.

Она, казалось, собрала всѣ свои силы, и сказала съ негодованіемъ: «Я всѣхъ въ мірѣ люблю!» — Всѣхъ? — спросилъ я злобно, чувствуя, что готовъ былъ позабыться. «Неужели тѣ, кого мы любимъ, должны терзать насъ?» сказала она, со слезами на глазахъ, умоляющимъ голосомъ, и ушла изъ комнаты. Я убѣжалъ домой. Это невыносимо. . . . Богъ съ тобой, Вѣринька! Люби всѣхъ. Я могу любить *одну*, и хочу, чтобы она одного меня любила. Сердце человѣческое не должно быть постоялымъ дворомъ, гдѣ всякаго принимаютъ съ равною ласкою: это храмъ, гдѣ воздвигается жертвенникъ одному. И для кого безславишь ты святое имя Любви? Ихъ любишь? Любовь тратишь по мѣлочи? . . . Какъ ты жалка, бѣдная Вѣринька; какъ ты бѣдна, жалкая дѣ-

вочка! — Ты смѣшна мнѣ. Я думалъ что-то найдти въ тебѣ - кланяюсь тебѣ, хорошенькое личико — люби всѣхъ, люби. . . . Кровь моя бросилась въ голову. . . . Презрѣніе незаконный братъ любви, но родной ей по матери.

«Старикъ заходилъ ко мнѣ, и пенялъ мнѣ, зачѣмъ я позабылъ ихъ. Я немедленно пошелъ къ нимъ, завернувшись въ Гораціевскую епанчу философа. Ровно три недѣли я не былъ у нихъ. Ея не было дома. Это меня обрадовало. Я думалъ отдѣлаться визитомъ моимъ. Да и что ей во мнѣ? Она не считаетъ минутъ моего отсутствія, она не ждетъ меня — ей все равно! Отецъ говоритъ, что она очень здорова. Горько улыбался я, слыша что еще вчера, вчера они гдѣ-то провели всю

ночь, всѣ прыгали, плясали. — Зачѣмъ не вошла она въ эту минуту, веселая, насмѣшливая? Я никогда-бы не явился къ нимъ болѣе. Она вошла поспѣшно, задыхаясь отъ усталости, но унылая, печальная. «Что съ тобой сдѣлалось?» спросилъ отецъ. — Я бѣжала опрометью — отвѣчала она вдругъ — мнѣ сказали, что Аркадій Ивановичъ пришелъ... я думала, что васъ, папенька, нѣтъ дома — прибавила она, краснѣя. «Какая привѣтливость!» подумалъ я, и съ досадою взялся за шляпу. «Вы не будете пить чай у насъ?« спросила она въ замѣшательствѣ. — Нѣтъ! — отвѣчалъ я грубо. Отецъ вышелъ въ это время. Глаза ея обратились ко мнѣ; они, казалось, спрашивали: что̀ значитъ все это? «Вы у насъ такъ давно не были.» — Развѣ вы замѣ-

тили мое отсутствіе? — Она молчала — несносная! молчала! Хоть изъ учтивости-бы сказать: *да!* — Вы весело проводите время — продолжалъ я, едва скрывая бѣшенство. «Ахъ! очень весело!» сказала она, какъ будто боясь, чтобы разговоръ не обратился на что нибудь другое. Но я и не думалъ обращать его ни на что, былъ хладнокровенъ, спокоенъ. Тутъ, видно, ее разсердило мое равнодушіе, и она — женщина! — нашла средство терзать меня! Скрывая досаду свою, съ улыбкою она начала разсказывать мнѣ о вечерѣ, гдѣ они были. Ничтожная дѣвчонка, стрекоза, бездушное созданіе! Я выдержалъ характеръ: захохоталъ, отвернулся отъ нея, и ушелъ въ кабинетъ къ отцу ея. Тамъ сидѣли какіе-то старики. Я не видалъ ея болѣе, потому что черезъ полчаса

ушелъ. Но — стыдись, Аркадій! ты видѣлъ ее! Да, я остановился на улицѣ, противъ окна; она сидѣла на диванѣ, задумчивая, печальная.... Такъ-то я видѣлъ ее въ первый разъ. Но, клянусь Богомъ! что я смотрѣлъ на нее теперь, какъ на картинку. За то дождь промочилъ меня до нитки. Онъ заступился за женщину, которая не могла побѣдить твердости мужчины. Желая доказать свое упрямое равнодушіе, я стоялъ и смотрѣлъ цѣлый часъ.

«Она любитъ меня! Нѣтъ сомнѣнія! Ея поступки не кокетство. Но въ ней вовсе нѣтъ сердца, или она глупая кукла. И ты, Аркадій, передашь себя ей, этой дѣвчонкѣ? Ты помиришься на этой любви, на этомъ ребяческомъ чувствѣ? Развѣ ты не видишь: она женщина просто. Не мнѣ

она, не мнѣ — пусть явится избранный, мишурное созданіе; вывальсируетъ съ нею изъ круга людей; объяснится съ нею гдѣ нибудь на балѣ, на прогулкѣ; пусть благоразумно скажетъ онъ ей, что обожаетъ ее. Она потупитъ глаза — каррикатура, каррикатура! Хохочу, когда подумаю! У нея есть то-же свои дрянные идеалишки, своя кукольная комедія дружбы пансіонской — вѣроятно, и любви — ей пора смѣнить однѣхъ куколъ другими куклами. — «Объяснитесь съ папенькою; я отъ себя не завишу.» — «Но позволите-ли мнѣ надѣяться, что мое желаніе не возбудитъ негодованія вашего.»... Нѣтъ! глупѣе надобно: «Но смѣю-ли думать, что не оскорблю васъ.».. — И въ заключеніе всего: «Какъ я счастливъ!»...

«Семенъ Иванычъ услышалъ мой хохотъ, и вошелъ ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какія глупости пришли мнѣ въ голову...

«Чудная Вѣринька! скажи, кто ты: демонъ или ангелъ? Нѣтъ! ты *неземная* — это я знаю лучше самой тебя. Великаго не стыдитъ униженіе добровольное. И я понимаю, что ты скрываешься отъ людей; ты снисходишь къ нимъ, ты равняешься съ ними; ты не хочешь оскорбить ихъ, открывъ имъ свое небесное происхожденіе! Тебя оскорбило-бы признаніе мое: ты думаешь, что словами не выражаютъ чувствъ; ты чувствуешь, что надобно жить, дышать этимъ чувствомъ, этою любовью — но не говорить о ней! Сегоднишняя прогулка, гдѣ такъ нечаянно мы встрѣтились, гдѣ въ

толпѣ людей мы были одни, гдѣ мы говорили такъ мало, гдѣ я могъ вести тебя подъ руку, слышать сильное трепетаніе твоего сердца, гдѣ ты забывала земной языкъ, гдѣ прижималась ты къ моей рукѣ, и я казался твоимъ защитникомъ.... «Полно говорить объ этомъ — ради Бога, перестаньте!» сказала ты мнѣ, когда я начиналъ разсказывать тебѣ объ ужасномъ состояніи души моей: я не смѣлъ говорить о *любви* моей. «Полно, Аркадій, mon bon ami! Вы не повѣрите, какъ тяжело слышать, что вы несчастливы! При вашемъ сердцѣ, при вашей душѣ... Вы не должны быть несчастливы!» — Что-же составитъ мое счастье, Вѣринька, что составитъ его? Не люди, нѣтъ, не люди! Дайте мнѣ одну *душу* любящую, понимающую меня.... —

Она вся затрепетала. — Вы мнѣ и жаловаться на это не позволяете?— « Могу-ли я быть вашимъ руководителемъ, Аркадій!» — Будьте имъ, будьте моимъ ангеломъ хранителемъ. — «Мы не понимаемъ другъ друга.» — Нѣтъ! вы меня понимаете. — «Боюсь понимать, можетъ быть»... — Меня-ли можете вы бояться? — сказалъ я съ жаромъ. — Испытайте меня; заставьте меня дѣлать, говорить, думать, что вамъ угодно! Передайте только мнѣ миръ души вашей! — Какъ начала она послѣ того говорить; какъ чудно изъясняла мнѣ свой дѣтскій, невинный, ангельскій взглядъ на міръ, на людей! Только гордость моя не позволяетъ мнѣ согласиться, что она права.... Теперь я вижу всю ея душу! Я готовъ былъ преклонить колѣна передъ нею, не думая

казаться страннымъ; въ лицѣ ея обожалъ я великую идею Любви . . . И вся толпа, окружающая насъ, также преклонилась-бы передъ нею, если-бы только я сказалъ ей нѣсколько словъ, этой толпѣ. Никакое сердце, ни чья душа не лишены своего участка неба. —

«Нѣтъ, Вѣринька! — такъ дешево не отдамъ я тебѣ себя! Твоей дѣтской любви мнѣ мало. Хочешь-ли быть *моею?* Отрекись отъ себя; не думай быть со мною счастлива; воображай, что страшное, неизъяснимое бѣдствіе ожидаетъ тебя со мною: что только горькія слезы будутъ тебѣ отрадою. . . . Тогда-то мы будемъ счастливы, но счастливы не по земному: тогда жизнь моя, душа моя, моя вѣчность принадлежатъ тебѣ! Ты еще не знаешь сча-

стія *умереть вмѣстѣ*, послѣ жизни ужасной, бѣдственной, отъ которой содрогнулось-бы все, кромѣ Любви. Любовь не боится ничего, всего менѣе смерти. Это чудовище, столь гибельное, страшное всему другому — есть ангелъ-благодѣтель Любви! Отдайте Вѣриньку кому угодно, забросьте ее за моря, за непроходимые лѣса и горы, позвольте мнѣ ползти на колѣнахъ по всему свѣту, искать ее; разбейте лодку, на которой поплыву я, и бросьте меня, истерзаннаго объ острыя скалы приморскія, только бросьте къ ногамъ ея, такъ, чтобы мой послѣдній взоръ устремился на нее, встрѣтился съ ея взоромъ, выражающимъ любовь. . . . — Вотъ счастье, вотъ что я знаю въ любви. . . .

«Она способна, она можетъ такъ любить — она готова будетъ ски-

шаться со мною вѣчно, по землѣ непріязненной, съ нищенскою сумою, съ посохомъ, которымъ мы будемъ стучаться подъ окномъ поселянина, выпрашивая ночлега любви нашей.... Аркадій! ты сумасшедшій!

«Какъ странно говорилъ со мною сегодня отецъ ея! Чего онъ хотѣлъ? Не думаетъ-ли, что я *женихъ* его дочери; что я также хожу къ нему, какъ другіе, *играть въ свадьбу?* И неужели она смотритъ на меня, какъ на толпу другихъ молодыхъ людей, изъ которой болѣе нѣжному, болѣе скромному, болѣе прилежному въ исканіи, представляющему болѣе удобствъ въ жизни, она отдастъ свою руку? Вѣринька! неужели я *женщину*, *невѣсту*, обожаю въ тебѣ? Неужели ты думаешь, что я не

посмѣлъ-бы любить тебя, если-бы ты была Царица? Побоялся-бы любить тебя, если-бы ты была нищая бродяга, а я сильный Царь? Ты прекрасна, Вѣринька: въ глазахъ твоихъ небо; станъ твой зефиренъ; но, подурнѣй, милый другъ! сгорбись, сдѣлайся безобразна! Тогда только увидишь ты, люблю-ли я тебя! Принадлежи другому — что-же мнѣ? Я люблю душу твою — она всегда будетъ моею.

Нѣтъ, нѣтъ, о Боже мой! Ей принадлежать другому? Нѣтъ! все — *только не это!* Я не переживу этого — больше нежели не переживу. Что̀ смерть? To die, to sleep! Мнѣ не льзя будетъ тогда *даже и умереть:* ты останешься въ мірѣ...

Напрасно хотѣть воротиться теперь — это уже невозможно, бѣд-

някъ! Если она и не то, если она ничтожна, если ты долженъ играть жалкую, презрѣнную ролю ничтожнаго любовника, какъ этотъ долговязый молодой человѣкъ, который вчера навязывался къ тебѣ въ друзья — все кончено! Ты думалъ властвовать ею; ты думалъ, что она боится, трепещетъ твоей исполинской силы; а она опутывала тебя паутинными нитками, и опутала! Видишь-ли, кто теперь повелѣваетъ: она или ты? Что за лицо представляешь ты у нихъ въ домѣ? Что ты — привидѣніе-ли, которое приходитъ пугать другихъ? Или шутъ, надъ которымъ всѣ забавляются? Куда какъ глупъ ты съ своими мечтами, съ своими высокими мечтами! Вчера ты хотѣлъ остаться въ своемъ кабинетѣ, и что-же? Цѣлый вечеръ у нихъ; и

цѣлый вечеръ ты сидѣлъ на ряду съ другими, игралъ въ дурачки, рисовалъ каррикатуры! Тебѣ дали альбомъ, и ты вписывалъ въ него глупости — цвѣточки, хижинки, и былъ веселъ — веселъ — вотъ что мнѣ всего досаднѣе! Ты потерялъ всю власть надъ нею: она уже не тревожится твоими взорами, уже не боится тебя. Огонь безумныхъ, сильныхъ страстей погасъ! Она такъ спокойна, весела, такъ увѣрена, что ты всегда придешь къ нимъ. Ты не смѣешь уже изъявить ей никакого противорѣчія. Вчера, помню, при первомъ словѣ она тихо пожала мнѣ руку, и сказала: «Опять пугать меня, Аркадій?» и я замолчалъ. Ей весело играть въ эту ничтожную любовь, въ этотъ звонокъ жизни, по которому веселая радость и крошечное удовольствіе являются,

когда ихъ позовутъ! Она дитя, она забылась сномъ, а ты не смѣешь пошевелиться, не смѣешь говорить громко — боишься перервать сонъ твоего дитяти! Но какъ очарователенъ этотъ сонъ! Вѣринька! вѣдь ты моя?

Неужели я до того измѣнился? Какъ: они, эти люди, которые меня пугались, страшились, они уже начинаютъ любить меня; они находятъ меня милымъ, любезнымъ, забавнымъ, веселымъ? Стыдись! По крайней мѣрѣ, этотъ долговязый вчера былъ разсерженъ. Какую глупую рожу дѣлалъ онъ, какъ былъ жалокъ! Она торжествовала. Она говорила, казалось, всѣмъ: «Видите-ли, какъ мой Аркадій уменъ, какъ онъ милъ?» — Вы всегда бу-

дете такимъ милымъ, Аркадій, какъ сегодня были? — сказала она, прощаясь. Мнѣ стало совѣстно за нее — нѣтъ! за себя.

И это ты перенесъ, Аркадій! Какъ: отецъ ея говорилъ тебѣ, что почиталъ тебя богатымъ; что онъ почиталъ тебя незаконнымъ сыномъ твоего благодѣтеля; думалъ, что благодѣтель твой оставилъ тебѣ большое состояніе? Какое сострадательное лицо сдѣлалъ онъ, когда ты сказалъ ему, что ты бѣднякъ, надѣющійся только на свои руки; что у тебя ничего нѣтъ — ни денегъ, ни покровительства! Съ какою утѣшающею улыбкою говорилъ онъ потомъ: «Но я никогда не разлюблю тебя, мой любезный Аркадій Ивановичъ, будь ты милльонщикъ,

будь ты нищій! Я, братъ, самъ начиналъ съ копѣйки!» — Потòмъ, онъ сталъ мнѣ давать совѣты, какъ жить, какъ надобно думать о будущемъ — о будущемъ, не за гробомъ, а *здѣсь*! Какъ надобно беречь копѣйку на черный день. . . *Ея*, правда, не было тутъ. . . Я не могъ-же оскорблять отца ея? Но вѣдь это гадко: думать, и даже говорить такъ, какъ онъ думаетъ и говоритъ? — Я не пойду къ нимъ болѣе — но надобно наконецъ узнать отъ нея. . . Гдѣ мое прежнее бѣшенство?

Три дня сижу я, запершись у себя. Но какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ скучно!

Сегодня я подходилъ къ воротамъ дома ея — но не пошелъ къ ней. У меня еще есть сила души. . .

Я былъ къ нему несправедливъ. Онъ обезоружилъ меня простодушною добротою. Могъ-ли я этого ожидать? Онъ пришелъ ко мнѣ. Встревоженный принялъ я его. Старикъ спрашивалъ меня: зачѣмъ я не приходилъ къ нимъ три дня, и не пришелъ *вчера?* — Вчера? Но что̀ было *вчера?* — Забылъ? Вотъ какъ ты любишь насъ; а мы простудили свой обѣдъ; мы такъ привыкли видѣть тебя при каждомъ семейномъ праздникѣ нашемъ, при каждой радости нашей! — «Но какой праздникъ вчера былъ? Чему они тамъ радовались?» — Ты и позабылъ, видно? Вотъ я скажу Вѣринькѣ, что ты забылъ *17-е Сентября!* А она цѣлый день ждала тебя, хотѣла даже послать нарочнаго.»

Старикъ сѣлъ, и началъ говорить: «Прости меня, братъ Аркадій: я

человѣкъ простой, не воспитанный; говорю, что думаю. Не осердился-ли ты на насъ за что нибудь? Это вчера приходило мнѣ въ голову; но я ничего не припоминаю. А что я люблю тебя, какъ друга, какъ добраго, славнаго, горячаго немного, но умнаго малаго — право, люблю какъ сына... Мой покойный Гаврило былъ-бы въ твои годы... Ты на него немного и походишь... Голова только у тебя горяча, проклятая!»..

И такъ, онъ не хотѣлъ оскорблять меня? Онъ не за то любилъ меня, что я казался ему сыномъ Генерала, человѣкомъ съ деньгами, *выгодною партіею* его дочери? Онъ видѣлъ во мнѣ что-то похожее на милое, незабвенное дитя его?

Но зачѣмъ-же онъ не говоритъ, что я могу быть его сыномъ? Не-

ужели, когда дочь его видитъ въ любви моей какую-то игрушку, онъ вовсе не понимаетъ отношеній моихъ къ себѣ?

Но такъ выходитъ. Онъ говоритъ столь добродушно, столь откровенно. Что-же? Если въ его окошко смотрѣть, и не видѣть, не знать вовсе горящаго солнца любви — могу-ли я тогда быть его сыномъ, и Вѣринька можетъ-ли быть моею? Нѣтъ! Но онъ любитъ меня, онъ пришелъ узнать обо мнѣ, навѣстить меня... Къ ней! къ ней!.. Она рѣшитъ все!...

«Безсовѣстный!» Одно слово, которое успѣла она сказать мнѣ, когда мы на минуту остались одни, когда я взялъ ея руку, и прижалъ ее къ горящимъ устамъ своимъ. И

какой взоръ сопровождалъ это слово... Только *одно* слово, но тутъ было все: упрекъ, прощеніе, радость свиданія, грусть разлуки... Дайте мнѣ сто лѣтъ жизни, сто рукъ— я изъясню вамъ это слово; но цѣлой жизни міра мало будетъ вамъ изучить то, что я напишу вамъ.

Ни одной еще картиной не былъ я такъ доволенъ, какъ той, которую сегодня началъ.

Если я былъ когда нибудь счастливъ, такъ не въ дѣйствѣ-ли моемъ это было? Или не тогда-ли это было, когда еще безотчетно увлекался я Искуствомъ? Были-ли это минуты душевной пытки, мучительныхъ изслѣдованій, неудовлетворяемыхъ идеаловъ? Нѣтъ!

Развѣ несчастье это, когда вы

чувствуете, что сердце ваше бьется тихо, кровь тепла, голова свѣжа, люди *кажутся* — пусть хоть *кажутся* — добры; земное солнце грѣетъ васъ; вся природа дышитъ сномъ радости?

Завтра рѣшительно сожгу я свой большой картонъ съ рисунками, и возьмусь писать портретъ этого откупщика.

Почему до сихъ поръ я никогда не воображалъ себя счастливымъ семьяниномъ; подлѣ себя Вѣриньку, какъ подругу жизни, и мою буйную душу, согрѣваемую тихимъ дыханіемъ любви изъ устъ ея; и ангела, съ улыбкою спящаго на ея колѣнахъ? Аркадій! недостижимо то, чего искалъ ты донынѣ. Не гордость-ли твоя виною, что ты не сознаешь

причины недостижимости въ собственной своей слабости? Берегись, Аркадій! гордость погубила Сатану! — Если грудь женщины не создана для поприща сумасшедшихъ страстей, а для того только создана, чтобы голова, измученная ихъ безуміемъ, успокоивалась на этой груди? — Вспомни, что Наполеонъ не терпѣлъ Г-жи Сталь, страстно любившей его! Важная тайна человѣческаго сердца! Неужели ты влюбился-бы въ Г-жу Сталь, въ ея Коринну? Никогда! Поди онѣ въ адъ! Актриса не женщина — это пасквиль на женщинъ; пѣвицу надобно слушать, а не любить! Какъ уменъ былъ Англичанинъ, который торговалъ горло у Каталани — только горло. . . .

— Читать-ли вамъ еще что нибудь, мой почтенный другъ? — сказалъ Аркадій, отталкивая рукою свои замѣтки. — Избавьте меня! Мнѣ тяжко — я задохнусь. . . . Вы понимаете теперь, хоть немного, какъ эта непостижимая дѣвушка умѣла пересилить мою бѣшеную душу; какъ она умѣла связать волю мою; какъ я никогда не смѣлъ сказать ей ни одного слова о любви моей — видѣлъ, что она любитъ меня, страстно любитъ, и не позволялъ себѣ даже ни одного взгляда, который вырвалъ-бы у нея признаніе, послѣ котораго я прижалъ-бы ее къ груди своей, задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ. Безпечная невинность, дѣтская простота; и среди этого одинъ взглядъ, одно слово, которые показывали мнѣ все богатство души ея; и послѣ этого сло-

ва, этого взгляда, какая-то электрическая, согрѣвающая, дѣтская веселость, отъ которой радость такъ сладостно дышала на меня отъ людей, и отъ Природы. . . Вы застали меня въ этомъ состояніи— меня, забывшаго всѣ свои идеалы, всѣ свои мечты, и—для чего? Для счастья земнаго?—Но я и по земному не былъ счастливъ: я только уничтожился. . . . прежній Аркадій исчезъ тогда во мнѣ. Я успѣлъ наконецъ помириться съ самимъ собою, съ моимъ внутреннимъ, вѣчнымъ врагомъ; но условія были тяжки: я былъ уже просто *живописецъ*, не *художникъ*. Довольно-ли, что меня полюбили даже въ Главномъ Училищѣ Живописи; что мнѣ хотѣли даже дать денегъ, и отправить меня въ Италію, на счетъ этого Училища. Все это перенесъ я, потому, что

Вѣринька сказала мнѣ: «*Аркадій! вы это сдѣлаете!*» Я подписалъ-бы кабалу на вѣчное мое рабство, еслибы только она сказала: «*Аркадій! вы это сдѣлаете!*» Проклятыя слова! — Я успѣлъ тихонько разстроить посылку меня въ Италію, и какъ ребенокъ трепеталъ, чтобы Вѣринька этого не узнала; я успѣлъ сдѣлать, что меня выключили изъ Главнаго Училища Живописи. Ей было все это досадно; я притворялся, что и самъ очень жалѣю. Для чего-же сдѣлалъ я все это? — Я не въ силахъ былъ подумать о разлукѣ съ нею... И что-же за все это Вѣринька?... Три дня тому — страшный свѣтъ освѣтилъ мнѣ судьбу мою! Это ужасно....

Аркадій быстро прошелъ по комнатѣ три или четыре раза. Онъ

сѣлъ потомъ. Ни одно движенiе наружное не показывало внутренней бури его. Онъ говорилъ мнѣ хладнокровно, по видимому; только лицо его было блѣдно, глаза мутились, губы посинѣли. . . .

IV.

Ты любишь тяжело и трудно,
А сердце женское — шутя!...

А. Пушкинъ.

Не знаю: испытывали-ль вы, когда вы любили — *любили-ль вы?* надобно спрашивать прежде всего въ наше время — если вы любили, узнали-ль вы то тягостное, терзательное чувство, какое меня мучило и

мучитъ въ моей несчастной участи? При совершенномъ уничтоженіи какомъ-то, при какомъ-то странномъ состояніи, въ которомъ я существую, живу, дышу, мыслю — только моею любовью — это чувство лишило меня всякой радости, всякихъ наслажденій во всемъ другомъ. Оно убило у меня все, потому что я отвергаю, отталкиваю отъ себя все, все, что *не оно*, не это чувство, не любовь моя! О, какъ-бы все возвысилось, разцвѣло, ожило передо мною, когда-бы любовь моя была счастлива, увлажала глаза мои слезами радости; когда-бы она была хоть трескучимъ, дикимъ, но взаимнымъ пламенемъ, въ которомъ я сгаралъ-бы *самдругъ*... Нѣтъ этого! Я горю, тлѣю одинокій, медленно, тяжко; и за всѣмъ тѣмъ, какъ святотатство отвер-

гаю я все, что *не она!* Тяжкимъ преступленіемъ кажется мнѣ самая легкая мысль, хоть на минуту, хоть иногда, забыть любовь мою! Не думаете-ли вы, что въ то-же время порывы ко всему другому исчезаютъ въ душѣ моей? Бѣдствіе, гибель мою составляетъ то, что нѣтъ: они не исчезли! Я, какъ рабъ, лишенный воли, не смѣю только предаться имъ; и—теперь едва-ли уже не отвыкъ отъ увлеченія ими. Но эти порывы: мысль о славѣ, пытливость ума, мечты художника — все это гнѣздится въ душѣ моей, все это превратилось въ змѣй шипучихъ, которыя не даютъ мнѣ покоя, лишаютъ меня сна, дѣлаютъ мнѣ горькими каждую мысль, каждое дыханіе; я душу ихъ — онѣ снова оживаютъ, и шипятъ еще сильнѣе, дѣлаются еще ядовитѣе! Я упи-

женъ, и — *понимаю* свое уничиженіе — вотъ мука моя! Этого мало: *понимаю*, но не хочу, если-бы и могъ, *не хочу* вырваться изъ сѣтей бѣдственной моей страсти! Испытали-ль вы это состояніе? Согласитесь-ли вы, что сумасшествіе лучше, лучше, легче этого состоянія? Это адъ по доброй волѣ, изъ котораго страдалецъ не хочетъ выйдти, потому, что въ немъ оставитъ онъ грѣшника, которому судьба опредѣлила вѣкъ мучиться въ этомъ аду; но съ этимъ грѣшникомъ онъ не разстанется за райскія наслажденія!

Три дня тому — предчувствовалъ-ли я, что это будетъ роковой день рѣшенія судьбы моей! — три дня тому, я пришелъ къ Вѣринькѣ. Ея не было дома. Дня съ два я не видалъ ея. Прощаясь съ

нею въ послѣднее свиданіе, я замѣтилъ въ ней, въ первый еще разъ, какое-то усиленное ко мнѣ вниманіе, какое-то необыкновенное волненіе души. Она такъ уныло, внимательно смотрѣла на меня; рука ея, забытая, оставалась въ рукѣ моей; грудь ея трепетала; глаза наполнялись слезами. Казалось, что ее тяготитъ какая-то тайна; казалось, что она трепещетъ, какъ-бы тайна эта не открылась. Нѣсколько разъ она останавливала меня, когда я хотѣлъ идти. « Что съ вами, Вѣринька?» спрашивалъ я, изумленный, встревоженный. — Ничего! — отвѣчала она, и едва не плакала, и никогда глаза ея не выражали столь много! Все это дало мнѣ запасъ счастья на два дня, но ужасно безпокоило меня. Теперь, меня встрѣтилъ отецъ ея. Онъ былъ

одинъ и задумчивъ. Разговоръ нашъ вертѣлся на пустякахъ, и перерывался безпрестанно. Невольный ужасъ овладѣлъ мною. « Всѣ-ли у васъ здоровы? » спросилъ я. — Всѣ — былъ холодный отвѣтъ его. « Но гдѣже » . . . промолвилъ я, и не могъ докончить. — Не о Вѣринькѣ-ли ты спрашиваешь? — спросилъ старикъ. Я могъ только наклонить голову въ знакъ подтвержденія. — Ея нѣтъ! — отвѣчалъ онъ. « Что это значитъ? » воскликнулъ я. — Она уѣхала изъ Петербурга, въ деревню къ теткѣ; и, признаюсь тебѣ, разлучась съ нею въ первый разъ въ жизни, я грущу и печалюсь, какъ будто сердце потерялъ!

Онъ *сердце* потерялъ! А я что-же потерялъ, я? — Никогда прежде мысль о *разлукѣ* не представлялась мнѣ. Иногда съ ужасомъ воображалъ

я, что Вѣринька можетъ принадлежать другому; но — разстаться съ нею, и такъ нежданно, и не слыхавъ отъ нея ни одного слова, не слыхавъ даже милаго, унылаго: *до свиданья!* . . . Мнѣ казалось, что кости мои затрещали въ суставахъ... Но это было только начало пытки. . . .

« Видя въ тебѣ добраго друга нашего дома, » продолжалъ старикъ, очень хладнокровно — онъ не выдержалъ болѣе своей тайны — « не стану скрывать отъ тебя, любезный другъ Аркадій, что меня занимаетъ теперь весьма важное семейное дѣло » . . .

— Если вонзать ножъ въ сердце, такъ вонзай его глубже, быстрѣе, и сильно поверни потомъ — думалъ я — иначе можешь ошибиться въ ударѣ: только измучишь человѣка, а

не зарѣжешь. За что-же мучить? Лучше убей съ одного раза. — Я предчувствовалъ, что̀ хочетъ говорить старикъ! Откуда было это предчувствіе — не понимаю. Боясь, что упаду, крѣпче сѣлъ я на диванъ, и придвинулся къ самой спинкѣ его.

— Ты догадываешься, любезный Аркадій, что я хочу говорить тебѣ о судьбѣ Вѣриньки. Ей открывается *прекрасная партія.* Думаю только и не придумаю, какъ мнѣ быть? Конечно: человѣкъ хорошъ, молодъ, состояніе у него будетъ отличное; ну, и любовишка замѣшалась тутъ: Вѣринька ему очень нравится. Онъ такъ и говоритъ, что любитъ ее, и надѣется видѣть въ ней добрую жену и мать; даже не требуетъ за нею никакого приданаго. Я, признаться, ничего и не могу дать за дочерью, кромѣ этого

домишка. Мнѣ-бы такъ хотѣлось однакожь, чтобы зять мой поселился со мною. А онъ говоритъ, что этотъ домъ для него малъ. . . .

« Вы ужь успѣли съ нимъ переговорить обо всѣхъ этихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ ? »

— Какъ-же, братецъ; надобно дѣлать дѣло порядкомъ. У меня главное затрудненіе въ томъ: какъ мнѣ разстаться съ дочерью, и какъ опять бросить этотъ домъ? Конечно, можно отдать въ наймы, а самому переселиться къ зятю; но жаль постояльцамъ отдать домъ, который готовилъ я для себя, и такъ хорошо отдѣлалъ и устроилъ. Опять и то, что человѣкъ-то славный! Ты его знаешь: вы съ нимъ друзья; онъ мнѣ самъ сказывалъ.

« Кто онъ такой ? » Старикъ назвалъ его : это былъ дуракъ, дол-

говязый молодой человѣкъ, давно ходившій къ отцу Вѣриньки, и надъ которымъ я всегда безжалостно смѣялся.

« Онъ лжетъ, что мы съ нимъ друзья ! » вскричалъ я съ негодованіемъ.

— Какъ-же такъ ? А онъ еще хотѣлъ заказать тебѣ портретъ Вѣриньки, если дѣло у насъ сладится!

О позоръ ! о униженіе ! Я готовъ былъ рвать на себѣ волосы, и чувствовалъ, что вся кровь моя клокочетъ и пѣнится. Но чрезъ минуту, мысль: долговязый мой счастливый соперникъ — показалась мнѣ столь смѣшною, что я думалъ, не шутитъ-ли старикъ ? . . .

— Совсѣмъ не зналъ я, что онъ женихъ вашей дочери. . . . никогда этого и не думалъ. . . . — сказалъ я, едва не засмѣявшись.

«И я не думалъ — отвѣчалъ съ важностью старикъ. — Онъ всегда казался мнѣ славнымъ малымъ, и я замѣчалъ, что онъ ластится къ Вѣринькѣ. Но только съ недѣлю тому, онъ получилъ письмо, гдѣ увѣдомляютъ его, что старикъ дядя скончался у него: пять сотъ душъ въ Калугѣ. Состояніе, братецъ, прекрасное! И вообрази ты себѣ, что ужь моя дочь ему-бы и не пара, а первое дѣло его было, что онъ пришелъ ко мнѣ, и сдѣлалъ предложеніе. И только тутъ-то узналъ я, что онъ давно въ Вѣриньку влюбленъ!»

— Но мнѣ всегда казалось, что онъ очень глупъ.

«Нѣтъ! что̀ ты! Преобразованный вѣдь онъ. Застѣнчивъ немного, но отъ этого исправится. Да я и не зналъ, что ты его не любишь?

Не постигаю, какъ я остался живъ, и какъ не наговорилъ чего нибудь безумнаго! Видно, что человѣкъ можетъ быть живущъ, и переносливъ притомъ, если захочетъ! «Право, братъ Аркадій, въ большомъ я затрудненіи!» продолжалъ старикъ, ходя по комнатѣ. «Какъ ты думаешь?»

Я думалъ: если это не глупая шутка, то не испытаніе-ли, не желаніе-ли шутливо сказать мнѣ, что онъ отдаетъ мнѣ Вѣриньку. . . . Но къ чему-же такая нелѣпая шутка?... Ахъ! это была ужасная истина!

— Гдѣ теперь вашъ будущій зять? — спросилъ я, самъ не зная для чего.

« Уѣхалъ, братецъ, вчера, для устройства дѣлъ, принятія наслѣдства, и прочаго, и воротится уже зимою. »

— Черезъ полгода?

« Да. »

— И дочь ваша воротится отъ тетушки черезъ полгода?

« Да; но что ты вдругъ поблѣднѣлъ? »

— Слѣдственно, ихъ останется тогда только обвѣнчать?

« Нѣтъ! еще дѣло такъ далеко не дошло! »

— Какъ-же! Вѣдь вы согласны?

« Охотно; но Вѣринька что-то....

— Ангелъ Вѣринька! Скажите, ради Бога: она отказала?

« Нѣтъ, не отказала.... Но что ты опять покраснѣлъ, братъ Аркадій? И къ чему приплелъ ты имя ангела къ Вѣринькѣ? Э! э! любезный Аркадій, что̀ все это значитъ? Неужели.... »

— Вѣринька ваша еще свободна?

« Да, потому что я не добился отъ нея отвѣта. Дѣвичій отвѣтъ, обыкновенно бываетъ — слезы! Но она не отказала — она просила только меня отсрочить; а потòмъ умоляла отпустить ее къ теткѣ. Такъ женихъ, безъ рѣшенія, съ однимъ моимъ словомъ, что я согласенъ, но *принуждать* моей дочери не стану — уѣхалъ, и дѣло отложено. »

— И такъ она не согласна? А вы не станете ея принуждать, почтенный, добродѣтельный человѣкъ? — вскричалъ я, вскочивъ съ своего мѣста.

« Избави меня Богъ! »

— Вы отдадите дочь вашу человѣку, который ее любитъ, котораго она сама любитъ, съ которымъ она будетъ счастлива, блаженна? —

продолжалъ я, крѣпко обнявъ старика.

Едва освободившись отъ моихъ объятій, старикъ принялъ угрюмый видъ. «Во-первыхъ, такъ по-чертовски не обнимаютъ добрыхъ людей; а во-вторыхъ, что̀ это такое значитъ, братъ Аркадій? Или и ты въ женихи себя ладишь Вѣринькѣ?

Я окаменѣлъ, и старался разгадать по выраженію голоса, что̀ такое хочетъ сказать старикъ?

«Любезный!» продолжалъ онъ. «Мы люди старые; этой любовной вашей дребедени не знаемъ. Что̀ ты наговорилъ мнѣ о счастьи, о любви, о чемъ еще. . . . Аркадій братъ! я этого не замѣчалъ прежде — это не хорошо, не хорошо!»

— И такъ всякому позволяется любить Вѣриньку вашу, только не мнѣ?

« Любить всякому? . . . Она ничего не знаетъ обо всемъ этомъ вздорѣ?

Я молчалъ. « Знаетъ? Это не хорошо! » сердито вскричалъ старикъ. « Помнишь-ли ты анекдотъ въ *Письмовникѣ*, что одинъ кавалеръ спрашивалъ у дѣвушки: какъ, сударыня, пройдти къ вашей спальнѣ? « Черезъ церковь, » отвѣчала она.

Негодованіе овладѣло мною. Я съ жаромъ началъ говорить о несправедливости низкаго подозрѣнія, о томъ, что любовь моя была чистое, святое чувство; но я не могъ сказать старику, будто Вѣринька не знала о моей любви. . . . Ахъ! она слишкомъ знала о ней!

« И ты ей признался, чай, по-рыцарски, по-картинному, на колѣняхъ? »

— Нѣтъ! я молчалъ!

«Какъ-же она могла знать всѣ эти пустяки, когда ты посылалъ къ ней посла нѣмаго съ грамотою неписаною? Вотъ я, напримѣръ: ты не говорилъ, и я совсѣмъ этого не замѣтилъ. Мало-ли васъ увивалось вокругъ Вѣриньки. Правда, вѣдь дѣвушки иногда объясняются безъ словъ, какъ-то глазами. . . . Неужели это было причиною ея слезъ, ея отказа, ея отъѣзда? Глупо! Для чего она мнѣ объ этомъ не говорила!»

— Что-же вы сдѣлали-бы, если-бъ она сказала?

«Я отвѣчалъ-бы ей» . . . . Старикъ сердито ходилъ по комнатѣ. «Тогда-бы я подумалъ, что̀ говоришь; а теперь, какъ ничего не сказано, такъ мнѣ и говорить нечего.

— Но я вамъ говорю теперь это.

«Т. е. что Вѣринька тебя любитъ?

Боже! мысль, въ которой нѣсколько лѣтъ не смѣлъ я отдать самъ себѣ тайнаго отчета, онъ сжалъ эту мысль, объемлющую все мое бытіе, въ одинъ вопросъ, и сказалъ ее въ видѣ допроснаго пункта, тремя холодными словами....

«Да говорите-же, Аркадій Ивановичъ! Тутъ ужь молчать не время.»

— Не знаю! — промолвилъ я, едва не задыхаясь отъ горести.

«Ну, такъ дѣло-то видно все пустяки: обыкновенное глазѣнье молодежи другъ на друга. Я такъ и надѣялся на тебя, любезный Аркадій, что ты честный человѣкъ, что ты истинный другъ мой. Женщины народъ слабый; мужчины должны беречь ихъ.

— Я посвящу всю жизнь мою на то, чтобы беречь ее!

« Да говори-же толкомъ: чего ты отъ меня хочешь?»

—Отдайте мнѣ Вѣриньку! — вскричалъ я, едва держась на ногахъ.

Старикъ, молча, сѣлъ на диванъ, и уперся ногтемъ въ зубы.

— Отецъ мой!

« Я, сударь, вамъ, во-первыхъ не отецъ, а во-вторыхъ—дайте мнѣ подумать. »

— Подумайте! — сказалъ я, и пошелъ вонъ, самъ не зная куда. Я не показалъ признаковъ сумасшествія передъ отцомъ Вѣриньки—но видите, каковъ я теперь! А этому уже прошло три дня! Не спрашивайте у меня ничего: ни о томъ, что̀ было со мною въ эти три дня; ни о томъ, что̀ я предпринимаю въ будущемъ!

Аркадій кончилъ свое повѣствованіе. Я ничего не совѣтовалъ ему; но притворился любопытствующимъ узнать разныя подробности о благодѣтелѣ его, объ Училищѣ Живописи, объ Иконописаніи; увлекъ его въ посторонній разговоръ; сталъ съ нимъ читать. Семенъ Иванычъ поглядывалъ въ дверь, съ радостною улыбкою, видя, что мы разговариваемъ спокойно. Я ушелъ, когда уже было утро. Съ несчастными надобно обходиться какъ съ больными, а Аркадій былъ истинно несчастливъ.—На другой день, едва проснулся Аркадій, я былъ уже у него, съ наемною коляскою, и предложилъ ему ѣхать верстъ за 30-ть отъ Петербурга. Это казалось ему непріятно; но онъ промолчалъ и согласился. Я не давалъ ему покоя; ничего не спрашивалъ у него; видѣлъ,

о чемъ хотѣлось ему говорить, и удалялъ этотъ разговоръ. Мы проѣздили сутки двои; я уговорилъ его потомъ ѣхать со мною на Финляндскія каменоломни.

Грустно, больно было мнѣ смотрѣть на Аркадія во все это время, тѣмъ болѣе, что я не понималъ еще и самъ, какъ пособить ему. Но первый переломъ его душевной скорби прошелъ. Когда мы воротились въ Петербургъ, Аркадій самъ предложилъ мнѣ лекарство для больной души его.

Великъ запасъ жизни, дарованный Провидѣніемъ человѣку! На утлой доскѣ выплываетъ человѣкъ съ развалившагося, избитаго волнами корабля, къ безплодному утесу; недѣлю живетъ потомъ на этомъ утесѣ, голой скалѣ, которую едва не заливаютъ волны разъяреннаго

моря, едва не сокрушаютъ удары буйныхъ валовъ, живетъ подъ свистомъ бурь, огнемъ молній, и — уцѣлѣваетъ! Небо проясниваетея; волны утихаютъ; голодъ и жажда томятъ, но не умерщвляютъ его, и надежда не перестаетъ гнѣздиться въ сердцѣ страдальца! И наконецъ, она спасаетъ его! Такъ и въ нравственномъ мірѣ.

«Почтенный другъ мой!» сказалъ мнѣ Аркадій, когда мы по пріѣздѣ нашемъ отдыхали вечеромъ, въ его мастерской. «Чѣмъ могу изъявить вамъ благодарность мою? Неужели вы думаете, я не вижу, не понимаю ничего, что̀ вы для меня дѣлаете?

Я пожалъ ему руку.

«Я заплачу вамъ тѣмъ, что къ стараніямъ вашимъ спасти меня, самъ приложу всѣ старанія. Будь, что будетъ! Назначено-ли мнѣ, въ

самомъ дѣлѣ, проявить что нибудь въ будущемъ, или ничтожно погибнуть — будь, что будетъ! Всего болѣе страшитъ меня какое-то мрачное предчувствіе — и я вѣрю ему: ничтожество мой удѣлъ на землѣ! Гордыя мечты мои погаснутъ безплодно; великія думы мои убьетъ безжалостная судьба. Она зарѣжетъ меня перочиннымъ ножикомъ, а не убьетъ громомъ! Но я погибну тогда только, когда истощу всѣ силы въ борьбѣ съ нею. Вотъ вамъ моя рука и клятва!»

— Принимаю ее, Аркадій, и даю тебѣ мою клятву: все, что отъ меня зависитъ, употребить для твоего спасенія! Ты не знаешь себѣ цѣны, душа сильная!

— Сильная! Мнѣ кажется, что я точно могъ-бы что нибудь сдѣ-

лать. . . . Скорѣе опытъ силъ моихъ, и — почему знать? Можетъ быть этимъ опытомъ я возвращу себѣ все? Это и была первая мысль моя, когда я узналъ рѣшеніе моей судьбы! Мысль, внушенная моимъ Ангеломъ хранителемъ, подкрѣпи меня! . . . Только-бы продышать мнѣ какъ нибудь. . . . Въ будущемъ году назначена Выставка. . . . Мой *Прометей*, идея, которую такъ давно и тяжко носилъ я въ груди моей — да, эту идею изображу я имъ! И когда восторгъ зрителей, голосъ народный, собственное мое убѣжденіе, скажутъ имъ, что я *первый* между ними — не завидно первенство между пигмеями, но гдѣ-же земля исполиновъ? — тогда отецъ ея повѣритъ. . . . хоть тому повѣритъ, что я могу пропитать голову мою, и жену мою. . . . А она меня лю-

бить, у нея достанетъ силъ сказать: *онъ или никто!*

На другой день я засталъ Аркадія за работою. Вдругъ ожилъ онъ, и совершенно измѣнился! Опять казался онъ тихъ, спокоенъ, веселъ. Вмѣсто отдыха, онъ ходилъ въ Главное Училище Живописи. Тамъ не любили, но боялись его, и не смѣли отказать ему въ льстивой ласкѣ и притворномъ расположеніи. Возвратившись домой, Аркадій рисовалъ каррикатуры на учителей Главнаго Училища. Многія были забавны. Не описываю ихъ. Инаго стоило только нарисовать вѣрнѣе, и выходила каррикатура превосходная.

Въ это время, къ большой досадѣ моей, мнѣ надобно было ѣхать, для справокъ по моему дѣлу, въ Москву, въ Симбирскъ. Я отправился. Аркадій далъ мнѣ слово писать, и

не написалъ ни одного письма. Отлучка моя продолжилась. Мысль объ участи Аркадія безпрестанно тревожила меня. Впрочемъ, одинъ общій нашъ знакомый увѣдомлялъ меня, что видается съ Аркадіемъ, и что онъ здоровъ. Почти первое дѣло мое было, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послать къ Аркадію. Онъ прибѣжалъ, опрометью, вмѣстѣ съ моимъ посланнымъ, и, къ изумленію моему, веселый, радостный. Извиненія въ неписаньи писемъ, распросы о здоровьѣ, были непродолжительны. Какое непостижимое смѣшеніе противоположностей можетъ быть въ человѣкѣ!

— Не буду разсказывать вамъ, какъ провелъ я все это время — говорилъ Аркадій. — Я кончилъ моего Прометея, и *доволенъ* имъ: вотъ все! Завтра приходите ко

мнѣ, почтенный другъ мой, въ 12-ть часовъ утра. Знаете-ли, кого вы увидите у меня? Вѣриньку и отца ея!

« Какъ-же это, Аркадій? »

— О! не думайте слишкомъ многаго! — Аркадій засмѣялся. — Я не былъ у старика болѣе полугода. Онъ самъ не заходилъ ко мнѣ, и — что̀ за странный человѣкъ! обрадовался увидѣвъ меня. Я ни слова не говорилъ ему о прошедшемъ. Казалось, онъ былъ радъ этому, и изъявлялъ мнѣ большую дружбу. Мы были, какъ будто старые пріятели, которые не говорятъ ничего о временной размолвкѣ. Недѣля тому, Вѣринька возвратилась. Она пріѣхала въ тотъ самый день, когда для моего Прометея принесли мнѣ золотую раму. Это счастливый знакъ; притомъ-же это случилось

во Вторникъ, и 14-го числа — признаки хороши! Я только всего разъ и видѣлся съ Вѣринькою. Она похудѣла немного, но — чудный, настоящій ангелъ! Мы говорили мало, но — она меня любитъ! Видно, что глупое сватовство не состоялось: нашъ *пятисотный* женихъ не ѣдетъ, ха, ха, ха! — Черезъ три дня открываютъ Выставку картинъ. Я просилъ старика придти ко мнѣ, посмотрѣть, что я приготовилъ на Выставку. . . . Ахъ! почтенный другъ мой! . . — Аркадій въ восторгѣ обнималъ меня.

— Предупреждаю васъ, что я перемѣнилъ квартиру, и живу теперь на * * * улицѣ.

« Какъ? На той-же самой улицѣ. . . »

— Гдѣ живетъ она. Могъ-ли-бы я пережить столько времени, если-бъ

не глядѣлъ хоть на тотъ домъ, гдѣ нѣкогда видалъ ее! .. Впрочемъ, эта квартира гораздо удобнѣе прежней. . . .

« Чего-же теперь хочешь ты, чего ждешь ты, Аркадій ? »

— *Сгастья*. Дайте, я запишу вамъ новый мой адресъ!—Онъ убѣжалъ. « *Сгастья !* » прошепталъ я; сердце мое стѣснилось. . .

Случалось-ли вамъ видать, какъ молодаго, неженатаго, но живущаго своимъ маленькимъ хозяйствомъ мужчину, посѣщаетъ семейство, гдѣ есть *одна*, для которой приглашеніе его было сдѣлано? Это мило и любопытно видѣть! Сколько тутъ бываетъ мечтаній, приготовленій, робкаго любопытства! Хозяинъ показываетъ подробности своего хозяйства; старики думаютъ, что онъ для нихъ только заботит-

ся и дѣлается любезнымъ, услужливымъ; *она* понимаетъ истинную цѣль услугъ; тихо мечтаетъ о томъ: какъ можно-бъ было устроить здѣсь, поправить тамъ, быть счастливою въ этомъ тихомъ убѣжищѣ. А онъ, неловкій хозяинъ, попадаясь безпрерывно подъ дружескій выговоръ старикова, даетъ разумѣть, что у него *нѣкому* хозяйничать. Наконецъ, уговариваютъ *ее* приняться разливать чай, управлять, распоряжать. Краснѣютъ, спрашиваютъ, хозяйничаютъ... Это прелесть! И сколько послѣ того бываетъ воспоминаній! *Здѣсь* она сидѣла; *тамъ* глядѣла; *тамъ* останавливалась; *тамъ* сказала то-то....

Новая квартира Аркадія была въ самомъ дѣлѣ лучше и обширнѣе прежней; новая мебель украшала комнаты. Семенъ Иванычъ ходилъ

торжественно, одѣтый въ старый свой, праздничный фракъ; весело и значительно посмѣивался онъ и кивалъ мнѣ головою. Едва пришелъ я, какъ жданые гости появились на улицѣ. Ихъ, разумѣется, ожидали нетерпѣливо, побѣжали къ нимъ на встрѣчу: вѣдь надобно было показать имъ дорогу. Шумливыя восклицанія старика отца слышны были изъ передней. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда Вѣриньку и отца ея.

О немъ вамъ нечего говорить много: одно изъ тѣхъ созданій, которыхъ называютъ *добродушными весельчаками* — нѣчто не злое, не слишкомъ умное, кругловатое по наружности, веселое, отъ нечего дѣлать душѣ и сердцу, шумливое безъ остроумія, смѣющееся каждой своей шуткѣ, способное и плакать,

когда бываетъ какое нибудь горе. Но *она* ?

Разрушать-ли мнѣ очарованіе моихъ читательницъ, если онѣ уже создали себѣ идеалъ Вѣриньки? Или взять на совѣсть грѣхъ, и увѣрить ихъ, что въ Вѣринькѣ были всѣ совершенства, что она была совершенная красавица? Ни то, ни другое. Вы знаете Русскую пословицу: «*Не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ.* «Эта пословица — разрѣшеніе психологической задачи, о томъ, чтò намъ *нравится* и *не нравится*, чтò мы *любимъ* и *ненавидимъ*. Кронебергъ, разрѣшая странную задачу любви, говоритъ, что въ жизни человѣческой бываютъ мгновенія, когда душа вспыхиваетъ молніей прекраснаго, и проникаетъ сквозь свою темную, вещественную оболочку. Въ то-же самое мгновеніе, когда

одна душа такимъ образомъ является въ міръ, подглядываетъ ее другая душа, и узнаетъ въ ней свое родное, небесное. Разъ освѣщенный этою молніею души, вещественный образъ человѣка, проявившаго свою душу, остается на вѣки въ душѣ другаго, и уже ни что не разрушитъ его — ни время, ни самое безобразіе! Тамъ, гдѣ люди ничего не видятъ, мы видимъ этотъ свѣтлый образъ души, проглянувшій для насъ сквозь ничтожную оболочку, и оставшійся въ нашей душѣ. Для двухъ душъ, свидѣвшихся такимъ образомъ въ области земнаго изгнанія — что̀ такое *время*, что̀ такое *разстояніе*? Онѣ знаютъ только одно: *любить другъ друга*; когда онѣ вмѣстѣ, любить и *радоваться*; любить и *грустить*, когда онѣ розно. Впрочемъ, Вѣринька для вся-

каго, и не подглядѣвшаго души ея, была милое, прелестное созданіе, цвѣтущее всѣмъ тѣмъ, что даетъ намъ молодость, обладающее многимъ, что остается и послѣ нея. Она не была-бы нигдѣ *замѣтною*; но взоръ вашъ, утомленный блескомъ красоты и изысканности, всегда могъ-бы успокоиться на ея миломъ лицѣ; могъ-бы полюбоваться ея стройными, изящными формами послѣ многихъ красавицъ, которыхъ не захотите любить, и о которыхъ говорите, отворачиваясь: «*Какъ хороша!*» Но идеалъ Аркадія *эта* дѣвушка, *она* идеалъ его, высокаго художника, великой души человѣка, понимающей все ясновидящими очами своими! Я смотрѣлъ на Вѣриньку, понималъ возможность того, что она нравится, но не постигалъ безумія, околдованія моего друга.

Аркадій усадилъ своихъ гостей, и отрекомендовалъ имъ меня. Отецъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Вѣринька взглянула на меня, и тихонько, съ улыбкою, сказала: « Онъ много говаривалъ мнѣ о васъ!» Голосъ и улыбка были увлекательны; но — увлекательны — не болѣе! Между тѣмъ, старикъ отецъ ея повелъ шумный разговоръ. Надобно сказать, что съ нимъ пришелъ еще какой-то *аматёръ*, старый гравировальный мастеръ. Тотъ и другой занялись прежде всего водкой и закускою, поставленными на столѣ. Аркадій былъ какъ будто на иголкахъ, мѣшался, робѣлъ, хотѣлъ скорѣе начать свое торжество.

— Пойдемъ-те смотрѣть поскорѣе мои картины! — сказалъ онъ наконецъ Вѣринькѣ, тихо.

« Я сама нетерпѣливо хотѣла-бы

видѣть ихъ»—отвѣчала она, взглянувъ на меня, и какъ будто говоря — «если, хоть для приличій, вы пойдете съ нами.»

Я всталъ съ своего мѣста. Аркадій схватилъ руку Вѣриньки. «Вы ужъ и спѣшите, господа?» сказалъ отецъ Вѣриньки. «Да, нѣтъ, братъ Аркадій: я не разстанусь съ селедкою? Чудо, чудо! Гдѣ ты бралъ? Скажи, сдѣлай милость! Вотъ, сударь, объясню я вамъ о селедкахъ»... продолжалъ онъ, обратясь къ своему товарищу. Я не дослушалъ словъ его, ибо спѣшилъ за нетерпѣливымъ Аркадіемъ. Онъ увлекъ уже Вѣриньку — онъ былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ; онъ съ жаромъ прижалъ руку ея къ губамъ своимъ. Легкій румянецъ пробѣжалъ по ея щекамъ; она украдкой взглянула на меня, потомъ на него; нѣжный укоръ

изобразился въ ея взорахъ, какъ будто она хотѣла сказать: «Чтò ты дѣлаешь, безразсудный!» — Милый другъ! дай мнѣ забыться хоть на минуту. Кто ручается даже за будущій часъ? — говорилъ Аркадій, не отпуская руки ея. Вѣринька еще разъ взглянула на меня, выразительно. «Чтò мнѣ дѣлать съ нимъ, съ этимъ прихотливымъ ребенкомъ — рѣшите сами!» вотъ что выразилъ взоръ ея. — Онъ хорошо знаетъ меня; онъ мнѣ истинный другъ — говорилъ ей Аркадій. Мы вошли между тѣмъ въ мастерскую Аркадія, отлично прибранную, искусно отѣненную занавѣсами. Тутъ стояло полукругомъ нѣсколько картинъ его и портретовъ. Аркадій оставилъ руку Вѣриньки, и, горделиво сложивъ руки на груди, хотѣлъ насладиться ея восхищеніемъ.

Тутъ была картина Аркадія: *Іисусъ въ пустынѣ* — желаніе изобразить то, что такъ сильно поражало его въ дѣтствѣ. Но этой картиной Аркадій былъ недоволенъ. И не диво: онъ измѣрялъ ея достоинство по безотчетному идеалу своихъ младенческихъ лѣтъ. Вторая — *Чтеніе въ семействѣ*, о которой я уже говорилъ; еще нѣсколько другихъ, и между прочимъ: *Прощанье рыцаря.* Закованный въ желѣзную броню, нѣжно, съ горестью смотритъ паладинъ на милую дѣвушку; печально лежитъ голова ея на груди рыцаря; рука его обхватила станъ ея. Знатокъ увидѣлъ-бы въ этой картинѣ глубокое изученіе Германской Живописи, тщательность въ костюмахъ. Но душа художника не выражалась въ ней вполнѣ: онъ изображалъ чуждое ему —

горесть *счастливой* любви; лучше могъ-бы онъ изобразить чувство болѣе странное: наслажденіе любви *несчастной*. — Независимое вдохновеніе можно было замѣтить въ *Клятвѣ Швейцарскихъ вождей* — предметѣ, взятомъ Аркадіемъ изъ Шиллерова *Вильгельма Теля*. Простота, съ какою изображены были тутъ Штауффахеръ, Фурстъ, Мельхталь; толпа разнообразныхъ лицъ; поднятыя къ небу руки пастуховъ; смѣсь страннаго оружія ихъ; Швейцарская природа окрестъ ихъ — все это было истинно и прекрасно. Художникъ понялъ Поэта. Но весь Аркадій, вся жизнь его, выразились въ его *Прометеѣ*. Идея, которую великій Эсхилъ заключилъ въ своей чудной трагедіи, которую потомъ такъ хорошо выразилъ Байронъ — горделивое презрѣніе воли тирана-

Зевеса; величіе духа, превышающее самую Судьбу, и страшное терзаніе вещественное, соединенное съ скорбью объ участи человѣка, съ пророческимъ видѣніемъ, заставлявшимъ Прометея, среди мученій, прорицать гибель Зевеса — все это выражала картина Аркадія. Огромный, кровожадный орелъ, подъемлющійся къ небесамъ; сѣдой Океанъ, угрюмо погружающійся въ бездны моря; дикообразный Эфестъ, держащій въ рукахъ орудіе казни, страшный молотъ свой, и безчувственно смотрящій на оживотворителя людей; природа, содрогающаяся отъ бѣдствій Прометея и гремящей грозы небесной! Это былъ Эсхилъ, переведенный рукою Гёте; миѳъ первобытной Эллады, проникнутый огнемъ всеобъемлющаго Романтизма, событіе Древней Исторіи, опи-

санное въ трагедіи Шекспира. . . И Аркадій хотѣлъ, чтобы это произведеніе поняли его судьи, его зрители — чтобы это произведеніе поняла Вѣринька! . . . Бѣдный Аркадій! вѣчно несогласный съ собою, когда люди его понимали, и вѣчно непонимаемый ими, если былъ согласенъ съ собою! . . .

Съ дѣтскимъ любопытствомъ, Вѣринька пробѣжала взоромъ своимъ по всему ряду картинъ; обратила лорнетъ свой на Прометея и — содрогнулась. Только. Чего-же вы хотите? Она была женщина: ея-ли женской душѣ, жадной наслажденій счастіемъ и радостью, можно было оцѣнить этотъ миѳъ глубокій, этотъ міръ страстей, кипящій огненною лавою, сражающійся съ волнами моря, которыя влились въ разсѣлины горящаго волкана. Взоръ Вѣ-

риньки еще разъ пробѣжалъ по всѣмъ картинамъ, и она сказала радостно и весело: « *Безподобно! Прелестно, Аркадій!* » — Этимъ словомъ она заплатила дань своему роду, тому, что она была *женщина!* У нихъ есть слова, которыми выражаютъ онѣ свои безотчетныя чувства, свое ребяческое удивленіе. Таковы были разборы Гётевыхъ и Вернеровыхъ созданій, писанные Г-жею Сталь — это женское: *безподобно, прекрасно!* растянутое на множество страницъ.

Взоръ Аркадія потемнѣлъ и помрачнѣлъ; руки его крѣпче сжались на груди. Вѣринька взглянула на него и оробѣла, подошла къ нему, хотѣла взять его руку; онъ не давалъ ей своей руки. Въ смущеніи, она отошла къ картинамъ, и наклонялась къ нимъ, какъ будто раз-

смашривая ихъ; но я видѣлъ, что она хошѣла скрыть свои слезы. Аркадій подошелъ къ Промешею своему, и горящимъ взоромъ, съ какимъ-шо яросшнымъ негодованіемъ, смошрѣлъ на него — онъ готовъ былъ уничшожить свое созданіе. И какой поэшъ не изорветъ своей поэмы, вдругъ услышавъ просшое, дѣшское: *прелестно!* когда онъ съ восшоргомъ чишаетъ ее своей подругѣ! Это вода, влишая въ зажженное масло! Онъ въ облакахъ, и думаетъ, что онъ орелъ, а его шянушъ къ землѣ ниткою: онъ бумажный змѣй, пущенный съ земли прихошью ребенка. Я не хотѣлъ скрывашь своихъ чувствъ отъ Аркадія. «Аркадій!» сказалъ я, «поди, обними меня: шы великій, истинный художникъ!» Эти слова были сказаны мною отъ искренняго

восхищенія; они были живоmворною росою на сmраждущую душу художника. «Почmенный другъ мой!» воскликнулъ Аркадій, и бросился ко мнѣ. «*Она не понимаетъ!*» шепmалъ онъ мнѣ. Туmъ, съ дѣmскою невинносmью диmяmи, съ жаромъ любящей души, Вѣринька подошла къ нему. Слезы капали изъ глазъ ея, и она не скрывала ихъ. Мгновенно опомнился Аркадій. Онъ схваmилъ ея руки, и цѣловалъ ихъ. «Аркадій, mon bon ami!» говорила Вѣринька. — «Зачѣмъ вы mребуеmе оmъ меня невозможнаго? Могу-ли я судиmь и понимаmь ваши прекрасныя произведенія? Одно, чmо ихъ *создалъ Аркадій*, воmъ одно, чmо сосmавляеmъ для меня главную — всю ихъ прелесmь.»...

— Чmо ихъ создалъ *ты*, скажи мнѣ, Вѣринька! — воскликнулъ Ар-

кадій — и ты осчастливишь меня. . . .

«Что ихъ создалъ *ты*,» сказала она, нѣжно улыбаясь сквозь слезы.

О женщины! кто далъ вамъ эту волшебную силу надъ сердцемъ мужчины, эту силу слабости? — и какъ умѣете вы пользоваться ею! Аркадій готовъ былъ прижать теперь Вѣриньку, не умѣющую оцѣнять его произведеній, къ груди своей, и забыть своего Прометея, свое искуство, всю вселенную у ногъ ея...

Разговоръ отца Вѣриньки и товарища его послышался въ ближней комнатѣ. Аркадій и Вѣринька опомнились. Онъ пошелъ на встрѣчу гостей; она отошла къ картинамъ, и внимательно смотрѣла на нихъ, хотя я видѣлъ, что она ничего не могла въ нихъ разглядѣть. Ея щеки пылали, грудь волновалась, глаза

перебѣгали съ одной картины на другую, въ безпорядкѣ чувствъ и мыслей.

— Ну! управились мы, братъ, съ селедкою, выпили, закусили; давай теперь смотрѣть картины! — говорилъ отецъ Вѣриньки. — Да вѣдь мы по-художнически, по-ученому смотрѣть будемъ! Ставь сюда кресла — такъ! Надобно выбрать настоящій point de vue! Хорошо! Эта картина невыгодно поставлена — а еще самъ художникъ ставилъ! Ближе ее къ окошку, чтобы лучше былъ свѣтъ. Отойди, Вѣринька! что̀ ты знаешь!

«Отойдемъ-те, сударыня,» сказалъ смѣясь Аркадій. «Васъ исключаютъ изъ числа знатоковъ, а я теперь не имѣю права судить.» Онъ сталъ съ Вѣринькою въ сторонѣ, и тихо пожималъ ея руку.

— Начнемъ съ начала: съ рамъ. Что̀ это у васъ нынче пошли въ моду эти готическія рамы, плоскія, пестрыя? То-ли дѣло прежнія, съ бусами и сухариками, имѣвшія болѣе *эффекта*! Хорошо, хорошо! Только терпѣть я не могу этой темной Нѣмецкой Живописи! Тутъ облака надобно было мягче сдѣлать! Что это за костюмы ты написалъ, вотъ въ этой картинѣ?

« Это древніе Германскіе.

— Все Нѣмцы, да Нѣмцы! Почему не національные наши? Пора намъ думать о своей родной Живописи, пора, братецъ, думать о Русскомъ! Тутъ clair-obscur не точно смѣшанъ. Ошибка, братецъ! Рыцарь не могъ прижать дѣвушки такъ крѣпко къ груди: вѣдь онъ былъ въ желѣзной бронѣ! Зачѣмъ такіе страшные носки у его сапоговъ?

«Такъ носили тогда.»

— Такъ носили! Да, вѣдь ты подражаешь природѣ не грубой, и долженъ украшать ее! За что-же ты и художникъ? Ты долженъ былъ украсить, сгладить костюмъ. А! Прометей! То то художникомъ-то быть: тотчасъ угадаешь! Хорошо! Ну, вѣдь не посовѣтуется, злодѣй, съ опытными людьми! Во-первыхъ, какъ онъ неловко положенъ....

«Да, ему, думаю, и въ самомъ дѣлѣ было не очень ловко лежать на Кавказѣ» — отвѣчалъ Аркадій.

Бѣдный Аркадій! Онъ думалъ торжествовать; думалъ, что Вѣринька пойметъ его Прометея; что сила его дарованія ослѣпитъ стараго *художника*, отца ея; думалъ, что она въ восторгѣ устремитъ на него безбоязненный взоръ любви, а отецъ ея воскликнетъ: «Аркадій!

ты великій художникъ;» что въ эту минуту будутъ забыты глупыя приличія — онъ можетъ упасть къ ногамъ старика, сказать: «Отдайте-же Вѣриньку этому великому художнику!» Вѣринька упадетъ въ его объятія, съ словами: я *твоя!* Что-же теперь? Бездушный мазилка, послѣ рюмки водки, закусывалъ его картинами.... А Вѣринька? Она какъ будто стыдилась мгновенной, милой откровенности своего сердца; она спрятала свою душу; она огородила себя холодностью, какъ будто нарочно заковала себя въ самыя тяжкія приличія свѣтской дѣвушки, и отошла отъ Аркадія, пока отецъ ея началъ со мною споръ объ Изящномъ: я не вытерпѣлъ, и горячо сталъ защищать Аркадія. Споръ продолжился; мы перешли вообще къ Искуствамъ. Аркадій былъ

забытъ. Вѣринька спокойно глядѣла въ окно, и — женщина! ничего, ничего не льзя уже было прочитать на ея лицѣ! Наконецъ старикъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, и сказалъ: «Какъ пріятно пролетѣло время — три часа! Пора домой! Сбирайся, Вѣринька! Хотя я увѣренъ, что споры ничего не рѣшаютъ, и что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи;» продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ — «но тѣмъ не менѣе всегда пріятно поспорить съ умнымъ человѣкомъ!» Онъ ласково отрекомендовался мнѣ, просилъ жаловать къ нему, благодарилъ Аркадія, и гости пошли. Проводивъ ихъ, Аркадій бросился къ окошку. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ уныніемъ смотрѣлъ онъ на Вѣриньку, идущую съ отцомъ. Еще разъ она сжалилась надъ нимъ — огля-

нулась на него раза два, улыбнулась... И тогда только, когда отецъ и она ушли изъ виду, и Семенъ Иванычъ началъ прибирать остатки закуски, Аркадій полупечально, полунасмѣшливо обратился ко мнѣ, прошедши нѣсколько разъ по комнатѣ. «*Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!* Неужели *такъ* будутъ судить всѣ?» сказалъ онъ.

— *Нѣтъ!* — отвѣчалъ я, скрѣпивъ сердце, хотя мнѣ хотѣлось броситься къ Аркадію, обнять его, и сказать ему: « *Да*, бѣдный Аркадій, *да!*»

Въ тотъ-же день Аркадій отвезъ свои картины на Выставку. *Швейцарскихъ вождей* его не приняли, говоря, что на выставкѣ нѣтъ мѣста. Одно крыло было такимъ образомъ отбито у Аркадія...Но, еще надежда не покидала его. Онъ сно-

силъ все съ терпѣніемъ изумительнымъ.

Дѣло Аркадія перенесено было теперь на рѣшеніе толпы, публики, знатоковъ. . . . Что-же она сказала? Чѣмъ они рѣшили?

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ-ли пѣвца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители Искуствъ,
«Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ.» Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно. . . .

Такая толпа должна была рѣшить дѣло Аркадія.

Но каково было Аркадію, гордому, несчастливому Аркадію, когда

съ рѣшеніемъ этой толпы соединялось все его будущее!

Мы пришли съ нимъ на третій день послѣ открытія Выставки, когда избранные посѣтители впускались *по билетамъ*.

Прошедши по всѣмъ заламъ; посмѣявшись надъ Классическими уродами, которымъ придавали имена Геркулесовъ, Марсовъ; полюбовавшись на плохія копіи съ превосходныхъ Эрмитажныхъ картинъ; пожалѣвши о бѣдныхъ ученикахъ, которые принуждены были писать по опредѣленной мѣркѣ, на жалкія задачи, мы остановились у Прометея. Въ этой комнатѣ было поставлено еще нѣсколько огромныхъ картинъ, на которыя художники не пожалѣли яркихъ красокъ, и въ которыхъ *подражали они самымъ лучшимъ живописцамъ*. Тутъ тол-

пилось множество народа; блистали звѣзды, стучали шпоры, гремѣли сабли, вѣялись перья дамъ. Мы стали въ сторонѣ.

Генералъ. Прелесть, сударь, прелесть! Какъ быстро идутъ у насъ Художества! C'est charmant!

Щеголь. Mais, mon général!...

Генералъ. Безъ mais, mon cher! Посмотри: что̀ за прелесть!

Щеголь. Но видѣли-ль вы Луврскую галлерею?

Генералъ. Видѣлъ, mon cher, и въ полномъ блескѣ, въ 1814-мъ году! Прелесть! — Какъ хорошъ этотъ старикъ! А эта живая головка! *(тихо)* Кто эта дама? А! да! Прелесть!

Меценатъ. *(Идетъ мимо)* Bon jour!

Генералъ. Вы не любуетесь?

Мец. Эти двѣ я ужь купилъ. У меня не было *пандана* для большой

залы. — *(Художнику)* Только смотрите, чтобы вышли въ мѣру!

Художникъ. А Прометея не прикажете?

Мец. Прометея? *(прищуриваетъ глаза)*. Предметъ не хорошъ.

Баринъ. *(Сосѣду своему)* Слышите! Вотъ и Его Сіятельство тоже говоритъ!

Femme savante. Fi! quelle horreur! Что̀ это такое? Не пытаютъ-ли это кого? Какая гадость! Что это?

Щеголь *(Улыбаясь)* Это Прометей.

F. S. Prométhée — А! изъ Миѳологіи. Давидъ ввелъ было въ моду изображенія Миѳологическія; но теперь мода эта давно забыта! Bon jour, ma cousine!

Толпа дамъ и дѣвушекъ. *(Слышны восклицанія Французскія и Русскія)* Charmant — horreur — très-bien—

мило — были-ли вы у N. N.—что ваша тетушка — были — будемъ — танцовали — quel beau temps! — C'est lui. . . . (*Прометей шатается отъ ихъ толчковъ*).

Надзиратель. Осторожнѣе, Ваше Превосходительство — вы изволите уронить Прометея.

Старикъ съ звѣздою. Онъ и безъ того лежитъ (*хохочутъ*).

Щеголь. Какая тѣснота! Позвольте пройдти! Bon jour!

Сухощавый знатокъ. Въ этой картинѣ вовсе не понята цѣль. Что хотѣли изобразить? Миѳологическій сюжетъ? Надобно было отдѣлать его барельефнымъ образомъ, *аллитикъ*.

Другой знатокъ. Что это за фигуры подлѣ главнаго лица? Онѣ развлекаютъ вниманіе — это ошибка художника.

Первый. Тѣло слишкомъ темно.

Другой. Небо слишкомъ мрачно.

Старый художникъ. Это, сударь, новая школа, Дюреровская. Мы, Классики, ея не понимаемъ.

Мол. человѣкъ. *(Тихо товарищу)* Здѣсь вся душа художника! *(Слова ихъ заглушаются громкими сужденіями)*.

Старикъ. Нога крива.

1-й Знатокъ. Отдадимъ сами себѣ отчетъ: какое чувство должно было одушевлять Прометея? Конечно: раскаяніе, благоговѣніе къ наказующей судьбѣ. Къ чему-же это презрѣніе на лицѣ его?

Надзиратель. Позвольте, Мм. Гг. — дорогу Его Сіятельству *(Его Сіятельство лорнетируетъ картины. Всѣ отсторанивaются)*.

1-й Знатокъ *(тихо)*. Какой это у него орденъ?

2-й Знатокъ. Кажется, Золотаго Руна.

N. N. (*Тихо и униженно Его Сіятельству*) Какъ вы находите?

Его Сіятельство. (*Съ гримасою презрѣнія*) Могло-бъ быть лучше.

Такъ судили о Прометеѣ. Вдругъ Аркадій, дотолѣ равнодушный, усмѣхавшійся, поблѣднѣлъ, схватилъ меня за руку, и указывалъ прямо на своего Прометея. Передъ этою картиною стоялъ высокій молодой человѣкъ, и, разинувъ ротъ, равнодушно глядѣлъ въ потолокъ, на картины, на зрителей.

— Это *онъ!* — шепталъ мнѣ Аркадій.

«Кто *онъ*?»

— Долговязый! Онъ воротился! Боже мой! у него золотое колечко на правой рукѣ!

Аркадію сдѣлалось дурно. Я поспѣшилъ вывести его на свѣжій воздухъ. Мы пошли на его квартиру. Аркадій молчалъ дорогою. Едва мы пришли, Семенъ Иванычъ извѣстилъ Аркадія, что Парѳенъ Игнатьевичъ, отецъ Вѣриньки, заходилъ къ нему, спрашивалъ его, отдохнулъ немного, и ушелъ.

— Не заказывалъ-ли онъ чего нибудь? — спросилъ Аркадій, задумчиво.

«Ничего-съ. Но онъ заботливо разбиралъ тутъ какія-то бумаги, и, видно въ торопяхъ, забылъ ихъ. Вотъ онѣ на столѣ. Онъ говорилъ, что у него теперь тма хлопотъ.»

— Бумаги? — Къ изумленію моему, Аркадій схватилъ бумаги, оставленныя старикомъ, и поспѣшно сталъ перебирать ихъ. Это были какіе-то счеты, записки. Одну изъ

нихъ вдругъ развернулъ Аркадій, руки его задрожали — записка вывалилась у него изъ рукъ — онъ упалъ въ кресла.

Испуганный Семенъ Иванычъ бросился помогать Аркадію. Я поднялъ записку съ полу: это былъ образчикъ билета, вѣроятно писанный для отдачи въ типографію, и начинавшійся сими словами: «*Пареентій Игнатьевичъ N. N. симъ честь имѣетъ извѣстить о помолвкѣ дочери своей Вѣры Пареентьевны...*»

— Не бойся, любезный Семенъ Иванычъ — сказалъ Аркадій, бодро вставая и усмѣхаясь — не безпокойся! За бумагами вѣрно пришлетъ Пареентій Игнатьевичъ. Ты отдашь ихъ присланному. — Онъ тщательно сложилъ бумаги, и передалъ ихъ старику. Сомнительно посмотрѣвъ на обоихъ насъ, взгля-

нувъ потомъ на меня, будто умоляя меня быть хранителемъ Аркадія, Семенъ Иванычъ вышелъ. Да, въ эту минуту, я обѣщалъ самъ себѣ употребить все, что будетъ въ моихъ силахъ, для спасенія бѣднаго моего друга!

Аркадій ходилъ нѣсколько минутъ по комнатѣ, молча, спокойно по наружности; только безпрестанно отиралъ онъ лицо свое платкомъ. Потомъ, не говоря ни слова, взялся за шляпу.

— Аркадій! куда ты? — спросилъ я.

«Къ Вѣринькѣ,» отвѣчалъ онъ какимъ-то могильнымъ голосомъ, отирая щеткою шляпу свою, и поправляя передъ зеркаломъ безпорядокъ своей одежды. «Развѣ вы не видите, что ее губятъ? Я долженъ спасти ее!»

— Аркадій! позволь мнѣ идти съ тобою!

«Пойдемъ-те. Мнѣ все равно. Мнѣ хочется только сказать ей, или имъ, два-три слова. Какъ я желтъ и блѣденъ!» Онъ поправилъ свои волосы.

Аркадій шелъ поспѣшно, почти бѣжалъ. Едва успѣвалъ я за нимъ. Разстояніе было не велико. Намъ никто не встрѣтился въ передней комнатѣ. Мы вошли прямо въ гостиную. Вѣринька сидѣла тутъ на диванѣ, наклонясь головою на столъ, и закрывъ лицо платкомъ. Услышавъ шумъ, она вскочила, увидѣла Аркадія, ахнула, и принуждена была удержаться рукою за столъ. Глаза ея были красны; другую руку прижала она къ груди своей.

— Вѣринька! милый другъ! — сказалъ Аркадій трепещущимъ голосомъ.

«Аркадій! зачѣмъ вы пришли!» отвѣчала она, и въ безсиліи опять сѣла на диванъ, боясь совершенно лишиться чувствъ.

— Судьба твоя рѣшена?

«Оставьте меня, Аркадій, ради Бога, оставьте. Будьте счастливы! Вы достойны счастія!»

— Хоть не смѣйся надо мной, безчеловѣчная! Вѣринька, милый другъ! я пришелъ спасти тебя!

«Поздно, Аркадій! Оставьте меня; я уже принадлежу другому. Мое слово дано!»

— *Другому!* — Аркадій отскочилъ отъ нея, какъ будто наступилъ на ядовитую змѣю. — Онъ прежде повергнетъ меня мертваго къ ногамъ твоимъ, и тогда возьметъ тебя!

«Аркадій! ради Бога....» Аркадій, въ отчаяніи, ничего не слыхалъ.

Вдругъ лицо Вѣриньки измѣнилось. Она отерла слезы свои, вспыла, и твердымъ голосомъ сказала ему: «Я добровольно отдаю ему свою руку. Вы не имѣете права располагать моею волею!

Я ждалъ грома; но его не было: душа Аркадія уже потухла. Колѣна его смиренно подогнулись. Онъ сложилъ свои руки, и съ умоляющимъ видомъ поднялъ ихъ къ Вѣринькѣ. «Ты рѣшаешь смерть мою, Вѣринька! Если ты добровольно отдаешь ему свою руку, сердце твое принадлежитъ мнѣ — я знаю!»

«Нѣтъ!»

— Безчеловѣчная! такъ-ли мы должны хоть разстаться съ тобою! Еще есть время, Вѣринька: скажи одно слово — убѣжимъ, милый другъ, если тебя принуждаютъ! Ты

ошибаешься, Вѣринька: ты *моя*, *моя!*... О чемъ ты плачешь?

«Кто велѣлъ вамъ подсматривать за моими слезами? Я не хочу васъ видѣть!»

Вѣринька закрыла глаза платкомъ. Аркадій не говорилъ болѣе ни слова; онъ всталъ, сложилъ руки; жаднымъ, горестнымъ взоромъ, взоромъ, въ которомъ жизнь и смерть, казалось, спорили о своей добычѣ, онъ посмотрѣлъ на Вѣриньку, и потомъ бросился изъ комнаты. Вѣринька опомнилась, какъ будто вышла изъ какого-то состоянія безчувствія; она не замѣчала меня, и кинулась къ дверямъ. — «Аркадій!» вскричала она. Аркадій бѣжалъ уже по улицѣ. «Аркадій!» громко произнесла она, и съ выраженіемъ нестерпимой горести протянула руки вслѣдъ за нимъ, къ окошку. «Арка-

дій!» Голосъ ея выражалъ отчаяніе. Тогда только замѣтила она меня, покраснѣла, слезы ея вдругъ исчезли. Это была обыкновенная, благоразумная Вѣринька.

— Сударыня — сказалъ я, приближаясь къ ней — вы знаете меня: я люблю Аркадія, какъ брата; я пришелъ съ нимъ, боясь, чтобы отчаяніе не довело его до какой нибудь безразсудности. Сядьте и выслушайте меня. — Вѣринька машинально сѣла на диванъ, и закрыла глаза платкомъ, взмокнувшимъ отъ слезъ ея.

— Сударыня — сказалъ я — не скрывайтесь отъ меня; говорите со мною, какъ съ отцомъ своимъ. Мои лѣта даютъ мнѣ на это право. Вы любите Аркадія? Будьте откровенны.

«Болѣе жизни моей люблю его!» сказала Вѣринька, рыдая и прижимая руки къ груди своей.

— Что-же разлучаетъ васъ? Если согласіе вашего папеньки должно купить улучшеніемъ состоянія Аркадія, я готовъ подѣлиться съ нимъ. У меня большое имѣніе, я одинокъ. Скажите одно слово, и вы будете счастливы!

«Счастлива! никогда, никогда! Я давно уже отреклась отъ счастія! Одно осталось мнѣ: жертвовать собою для спокойствія моего отца. . . .»

— И выйдти за человѣка, нелюбимаго вами?

«Папенькѣ онъ нравится — я его не ненавижу — онъ меня любитъ.»

— А Аркадій только вами и живетъ!

«И только терзаетъ меня, и все, что его окружаетъ!»

— Неужели вы не вѣрите любви его? Неужели вы не захотите да-

же пожертвовать ему собою, если и знаете его пылкій, неукротимый характеръ!

Вѣринька перестала плакать, потупила глаза, и щипала кончикъ платка своего. «Буду съ вами откровенна, человѣкъ добродѣтельный!» сказала она. «У васъ нѣтъ дѣтей, но вы можете судить: не первая-ли обязанность моя успокоить, утѣшить отца, у котораго я одна, единственное его утѣшеніе, единственная его отрада? Этимъ-ли пожертвую я безразсудной страсти моей — безразсудной! Чувствую, какъ дорогъ мнѣ Аркадій, но ужасаюсь любви его, трепещу ея! Мы не понимаемъ другъ друга; и не знаю — можетъ-ли даже кто нибудь понять это сумасшествіе, это безуміе, съ какимъ любитъ Аркадій! Я не въ состояніи осчастливить

его. Онъ видитъ теперь во мнѣ что-то не-земное. Измѣненія его характера ужасны. Увѣрена, что онъ такъ-же потомъ легко возненавидитъ меня, какъ теперь безумно обожаетъ! Не говорю о счастьи: такое неукротимое бѣшенство чуждо его! Но Аркадій будетъ со мною несчастливъ; и я должна отдать руку свою другому, чтобы спасти отъ горести моего добраго отца.... чтобы спасти его самого — ахъ! нѣтъ! спасти самое себя.... Его любовь могла-бы наконецъ и меня довести до безумія... И безъ того, сколько разъ я была отъ нея на краю бездны....» Вѣринька опять начала плакать.

— Подумали-ль вы о томъ, какую участь приготовляете себѣ?...

«*Смерть*, можетъ быть. . . . Что-же тутъ ужаснаго? Не я буду виновата, если не переживу.»

— Нѣтъ! не смерть, но жизнь, въ объятіяхъ человѣка вами нелюбимаго, въ ужасающей стужѣ приличій и обязанностей, нарушеніе коихъ будетъ для васъ преступленіемъ. И какъ-же? Съ любовью, съ пламенемъ, который будетъ сожигать вашу грудь.

«Пощадите меня!»

— Будетъ-ли счастливъ этимъ вашъ отецъ? — Вы молчите? А если Аркадій не перенесетъ своего бѣдствія? Если могила его будетъ укорять васъ, что вы погубили въ немъ человѣка великаго, надежду отечества, сердце, какихъ немного на землѣ, душу высокую, пламенную, которая любила васъ — какъ не любятъ уже въ наше время. . . .

Вѣринька плакала, и не отвѣчала ничего. — Говорите, сударыня! —

повторялъ я. — Она молчала; глаза ея были неподвижно устремлены на золотое колечко, бывшее у нея на правой рукѣ. «Зачѣмъ еще не вчера пришли вы. . . .» прошептала она. — Неужели вы боитесь разорвать ваше обязательство? Неужели приличія страшатъ васъ? — «Это невозможно!» сказала она. Душа моя отворотилась отъ нея. — Такъ-то всегда любите вы, женщины! — думалъ я. И сердце мое облилось кровью. Я вспомнилъ свои страданія. Такъ-то нѣкогда растерзали меня. . . . Мнѣ показалось, что я вижу въ Вѣринькѣ оживленный эгоизмъ женщинъ нашего времени.

Теперь, когда послѣ этого прошло много времени, размышляя обо всемъ, я уже не обвиняю ея. Кто не содрогнулся бы, въ самомъ дѣлѣ, ду-

ши и любви Аркадія, кто изъ васъ, женщины? Можетъ быть, въ минуту забывчивости, нѣкоторыя изъ васъ предались-бы такой любви — но только *забывшись!* Вы всѣ Вѣриньки! Должно-ли обвинять васъ? Сохрани Богъ! вы правы. Говорятъ, что дѣвушекъ должно пріучать къ хозяйству. Жаль, что пріучаясь къ нему, онѣ не рѣдко видятъ хозяйственныя распоряженія въ самыхъ высокихъ вдохновеніяхъ души...

Я засталъ Аркадія на его квартирѣ. Онъ былъ мраченъ, но спокоенъ, и встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Почтенный другъ мой! можете-ли вы оказать мнѣ последнюю услугу?»

— Послѣднюю, Аркадій?

«Рѣшено: я немедленно ѣду за границу! Вотъ, посмотрите: я разсматривалъ сей часъ карту Европы.

Завтра-же оставлю я Петербургъ, и пока получу паспортъ, пока соберется мой Семенъ Иванычъ, я буду жить въ Ревелѣ. Туда пріѣдетъ онъ ко мнѣ, и тотчасъ отправимся мы въ Дрезденъ; оттуда въ Швейцарію; оттуда въ Италію... Прости отечество, прости все — я никогда уже не возвращусь сюда, никогда! Не возражайте, почтенный другъ! Не ручаюсь ни за жизнь, ни за что, если останусь еще однѣ сутки въ Петербургѣ.... Ни за что не ручаюсь...» повторилъ Аркадій. Онъ страшно сжалъ кулаки и заскрежеталъ зубами. «И презирать ея не могу, и возненавидѣть ея не умѣю!» воскликнулъ онъ.

— Аркадій — сказалъ я, стараясь перебить его мысли — это прекрасно вздумано. Что-же тебѣ надобно?

«Гадости, безъ которой ничего не льзя сдѣлать на свѣтѣ — *денегъ!* У меня есть тысячи съ полторы. Примите на себя трудъ, почтенный другъ мой, продать мои картины. Можетъ быть, кто нибудь купитъ ихъ, хоть для *пандана.* Семенъ Иванычъ продастъ мебели и прочую дрянь. Ссудите меня деньгами, съ тѣмъ, чтобы получить уплату изъ продажи моихъ картинъ и вещей, и — простите, простите, другъ незабвенный!»

Мы обнялись. Нодобно-ли сказывать отвѣтъ мой на требованіе Аркадія? Почти всю ночь просидѣли мы вмѣстѣ и проговорили. О Вѣринькѣ не было ни слова. Иногда Аркадій вдругъ останавливался, думалъ, съ трудомъ соображая, о чемъ мы говоримъ. . . . На другой день, я проводилъ Аркадія по Нарв-

ской дорогѣ. — Разумѣется, что картины его оставилъ я у себя, и что цѣна ихъ далеко превосходила небольшую сумму, которою я ссудилъ его. Остальную сумму, по его желанію, переслалъ я къ его отцу. Черезъ двѣ недѣли и Семенъ Иванычъ простился со мною. Онъ зналъ, что уже ему не воротиться въ Россію, но не хотѣлъ оставить Аркадія. Долго, со слезами, молился старикъ въ Казанскомъ соборѣ, и говорилъ: «Матушка Казанская Богородица! благослови только и утѣшь моего барина. Ничего болѣе не молю!» — Увы! молитва добраго старика не была услышана!

Вы хотите знать окончаніе моей повѣсти объ Аркадіи? Память незабвеннаго друга мнѣ такъ драго-

цѣнна, что я — доскажу вамъ о немъ.

Я самъ думалъ, что время, путешествіе, страсть къ Искуству, слава, можетъ быть, разсѣютъ горесть и отчаяніе Аркадія. Но время ничто, если прошедшее убито у человѣка навсегда, а настоящее погубило всю его будущность. Путешествіе хорошо для души жадной впечатлѣній, юной, свѣжей, или уже отстрадавшей, утомленной, требующей просто отдыха. Ни то, ни другое не было удѣломъ Аркадія. Горячая кровь текла у него изъ сердца, разорваннаго бѣшеною страстью. Ужасная одинокость въ настоящемъ, пустыня жизни впереди — и что̀ тогда значитъ страсть къ Искуству? А слава? И въ наше время! Этотъ мячикъ, перебрасываемый отъ одного

къ другому безтолковою толпою.... Кто можетъ жить *только съ нею!* И что такое вообще слава? Опредѣлили-ль вы ее?

Разставшись съ Аркадіемъ, я вскорѣ уѣхалъ въ свой городъ, и жилъ тамъ по прежнему, какъ теперь живу. Но рѣчь не обо мнѣ. Съ Аркадіемъ вели мы постоянную переписку. Часто получалъ я письма Аркадія. Онъ описывалъ мнѣ свои впечатлѣнія, свои занятія. Такъ прошло три года. Письма его стали приходить рѣже, хотя такъ-же были дружественны, такъ-же обширны. Наконецъ прошелъ цѣлый годъ, и я вовсе не получалъ отъ него писемъ. Я зналъ, что Аркадій, объѣхавъ большую часть Италіи и Сицилію, наконецъ поселился въ Римѣ; что онъ посвятилъ себя совершенно Живописи. Имя его ско-

ро стало извѣстно между тамошними художниками. Желалъ-бы я сообщить читателямъ нѣкоторыя изъ писемъ Аркадія. Какъ созрѣвалъ его умъ въ страданіяхъ! Какъ свѣтлѣла болѣе и болѣе душа его!— Но никогда, ни слова не писалъ онъ ни о любви своей, ни о прошедшемъ — ничего не упоминалъ и о состояніи своего здоровья. «Что̀ сказать вамъ, добрый другъ, на вопросъ вашъ о моемъ здоровьѣ?» — писалъ однажды Аркадій. — «Тотъ здоровъ, кто счастливъ. Больной душѣ не навѣютъ здоровья лимонныя рощи Италіи, не согрѣетъ ея Итальянское солнце....» Письма къ отцу Аркадія шли черезъ меня. Аркадій былъ въ нихъ нѣжнымъ, почтительнымъ сыномъ, и радовалъ старика отъ времени до времени надеждою возврата въ отчизну. Я переска-

зывалъ старику о славѣ, какую пріобрѣталъ сынъ его. Старикъ не понималъ этого, но радовался, какъ ребенокъ. Часто приходилъ онъ ко мнѣ — *поглядѣть на картинки своего Аркадія*: такъ онъ называлъ картины, доставшіяся мнѣ въ Петербургѣ. Часто изъявлялъ онъ желаніе имѣть себѣ особенную *картинку* его, и писалъ объ этомъ къ Аркадію. Аркадій обѣщалъ прислать.

Когда я начиналъ уже сильно безпокоиться о томъ, почему такъ долго не получаю извѣстій о моемъ другѣ, писалъ уже къ нему неоднократно и не получалъ отвѣта, мнѣ сказали въ одно утро, что меня спрашиваетъ какой-то иностранецъ. Это былъ Итальянскій живописецъ, странствующій торгашъ картинами.

Полуфранцузскимъ языкомъ, онъ изъяснилъ мнѣ, что ѣдетъ изъ Одессы въ Москву и Петербургъ, и везетъ на продажу множество Египетскихъ древностей, Этрусскихъ вазъ, разныхъ картинъ и статуй. Потомъ онъ вручилъ мнѣ письмо Аркадія.

— Вы его знали въ Италіи? — спросилъ я нетерпѣливо.

«Зналъ-ли я его, Синьоръ? Онъ спасъ мнѣ жизнь въ Террачинскихъ горахъ, и я не имѣлъ-бы чести говорить съ вами теперь, если-бы не *Синьоръ Аркадіо* защитилъ меня.»

— Здоровъ-ли онъ? Гдѣ онъ?

«Какъ, Синьоръ? Неужели вы не знаете!»

— Что такое?

«Онъ умеръ, Синьоръ, умеръ этотъ необыкновенный молодой че-

ловѣкъ, di molto ingegno, di grandissimo ingegno!

— Но какъ-же у васъ письмо его? — спросилъ я, будто громомъ пораженный.

«Ахъ, Синьоръ! Я оставилъ его совсѣмъ больнаго. Надѣялись однакожъ, что онъ еще проживетъ лѣто; но въ Тріэстѣ я получилъ извѣстіе о смерти Аркадія. Впрочемъ, не льзя было безъ слезъ смотрѣть на него, когда онъ прощался со мною. Онъ былъ такъ худъ, такъ блѣденъ; и при всемъ этомъ онъ соблюдалъ удивительное присутствіе духа, и смѣялся, прощаясь со мною до свиданія за гробомъ! Онъ всегда былъ печаленъ, мраченъ; ничто не могло развеселить его, хотя никто не зналъ, что̀ такое его сокрушало. Vi sono certi punti che non

sembrano mai abbastanza sviluppati e schiariti.»

Я развернулъ письмо Аркадія. Оно состояло изъ немногихъ строкъ, писанныхъ уже слабою рукою. Аркадій просилъ простить его, что онъ скрывалъ отъ меня бѣдственное состояніе своего здоровья. «Не жалѣйте обо мнѣ» — писалъ онъ — «вспомните обо мнѣ иногда, но не жалѣйте — жизнь моя давно не принадлежала уже здѣшнему міру. Никакого друга не встрѣтилъ-бы я такъ весело, какъ эту костлявую гостью, которая сильно стучится ко мнѣ въ двери.» Онъ рекомендовалъ мнѣ Итальянскаго живописца, своего пріятеля, какъ добраго, честнаго человѣка, и писалъ, что съ нимъ посылаетъ свою *послѣднюю* картину. «Разсчитываю по времени, что онъ пріѣдетъ къ вамъ около

именинъ моего отца. Если будетъ такъ, то передайте моему старику эту картину въ самый день его именинъ. Онъ давно просилъ меня прислать ему картину. Онъ порадуется и благословитъ меня заочно. Не говорите ему однакожъ ничего о моей болѣзни, и о смерти моей, если до того времени о ней узнаете. Зачѣмъ отравлять немногіе дни, оставшіеся моему доброму отцу! Онъ любилъ меня. — Я перевелъ 20,000 франковъ на домъ Б*** и Компаніи въ Санктпетербургѣ. Это осталось у меня отъ издержекъ. Здѣсь осыпали-бы меня деньгами, если-бы я хотѣлъ. На что ихъ мнѣ? Отецъ старъ; братья проживутъ безъ меня. Себѣ оставилъ я сколько надобно на простыя похороны. Получите упомянутую сумму, и вручите ее отцу моему. Се-

мену Иванычу (не забудьте его! Добрый старикъ лишается со мною послѣдней своей радости!) препоручу я, послѣ смерти моей привезти въ Россію нѣсколько рисунковъ и вещей для васъ — на память обо мнѣ. Воспоминаніе о моемъ благодѣтелѣ и о васъ уношу съ собою во гробъ; и съ вами еще. . . но зачѣмъ вспоминать о томъ, что отвергло меня такъ жестоко, растерзало меня такъ свирѣпо . . . Говорятъ, что *она* счастлива. Боже! при гробѣ нѣтъ уже страстей — я желаю ей счастья — молюсь о ней. . . и о *немъ*, если онъ осчастливилъ ее собою — молюсь, какъ ни тяжко мнѣ — а это *очень тяжко*, почтенный другъ мой...»

Долго плакалъ я надъ этимъ письмомъ. Какъ нарочно будто, на другой день были именины отца Аркадіева.

— Гдѣ картина, присланная съ вами Аркадіемъ? — спросилъ я Итальянца.

« На моей квартирѣ , Синьоръ.»

— Выберите раму у меня — сказалъ я ему — вставьте въ нее картину , и приготовьте къ утру завтрашняго дня.

Рама нашлась по мѣркѣ: мы ее сняли съ Прометея. . . . Синьоръ взялъ раму. На другой день, свято исполняя волю моего друга , я предварительно узналъ, когда старикъ Иванъ Перфильевичъ уйдетъ къ обѣднѣ, и явился къ нему въ это время. Братья Аркадія приняли меня весьма вѣжливо. Я сказалъ имъ о присылкѣ картины. Вскорѣ привезли и картину. Она была огромна , и въ маленькомъ домикѣ старика, въ своей золотой рамѣ казалась чѣмъ-то необыкновенно великолѣп-

нымъ. Вся она была закрыта полотномъ. Мы поставили ее въ залѣ, гдѣ она заняла цѣлую половину стѣны. У меня не доставало еще духа раскрыть ее. Слухъ о картинѣ, присланной отъ *Аркадія Ивановича*, разнесся уже по сосѣдству. Множество народа сошлось смотрѣть.

Я сѣлъ у окна, ожидая старика, и грустно смотрѣлъ на все, меня окружавшее. Я былъ въ томъ домѣ, гдѣ родился, между тѣми людьми, съ которыми провелъ свое малолѣтство Аркадій. И домъ, и люди были тѣ-же, какими были они за 25-ть, за 30-ть лѣтъ — ничто не перемѣнилось въ нихъ: они только устарѣли физически — *они*, то есть и *домъ*, и *люди* эти. Они были спокойны, веселы, самодовольны — эти братья Аркадія, сосѣди,

родственники, пришедшие поздравлять старика. А *онъ?* А этотъ Аркадій? Онъ уже прогорѣлъ метеоромъ по небосклону, яркимъ метеоромъ — онъ, единственный *человѣкъ* изъ этой толпы *народа*. . . .

Обѣдня кончилась. Старикъ пришелъ домой. Всѣ встали, встрѣтили его, поздравляли. Онъ увидѣлъ меня, тотчасъ поплелся ко мнѣ, взялъ меня за руку, и съ радостью спросилъ: «Видно, письмецо отъ друга моего Аркадія? Сынъ ты мой милый! Можетъ быть, въ послѣдній уже разъ привелъ меня Господь праздновать на старости день моихъ имянинъ, и ты радуешь меня въ этотъ день письмомъ своимъ!»

— Письма нѣтъ, — отвѣчалъ я — но Аркадій прислалъ вамъ въ подарокъ картину своей работы, и про-

силъ меня вручить ее вамъ въ день именинъ вашихъ.

«Картина отъ моего Аркадія»— завопилъ старикъ — «прислана мнѣ! Гдѣ, гдѣ она? Дѣти! картина отъ моего Аркадія!»

— Она въ залѣ, дѣдушка! — закричали внучата, дѣти братьевъ Аркадія, прыгая вокругъ своего дѣда.

Старикъ спѣшилъ туда. Мы раскрыли картину: она стояла теперь во всемъ великолѣпіи, освѣщенная утренними лучами солнца. Старикъ, съ толпою родни, сосѣдей, съ братьями Аркадія, вошелъ въ залу: домашніе всѣ уже сбѣжались туда. Множество головъ зрителей видно было даже въ окошкахъ.

Тутъ, на картинѣ, изображенъ былъ Спаситель, благословляющій

дѣтей. Лицо его было божественно, исполнено любви и благости. Онъ изображенъ былъ сидящимъ; нѣсколько дѣтей, безпечно, смѣло, безбоязненно окружали его, смотрѣли на него; только одинъ изъ нихъ, устремивъ глаза свои на Спасителя, задумался, и облокотился локтемъ на его колѣно. Вознося благословляющую руку надъ головою сего дитяти, другую обращалъ Спаситель къ двумъ ученикамъ своимъ, и, казалось, говорилъ имъ: «Не возбраняйте дѣтямъ приходить ко мнѣ; для такихъ предназначилъ я царство небесное; только будучи невиненъ душею, какъ младенецъ, будешь со мною во славѣ Отца моего на небесахъ!» Въ сторонѣ, отворотясь отъ дѣтей, стоялъ какой-то человѣкъ. Его блѣдное лицо, его всклоченные волосы, морщины,

прорѣзанныя пылкими страстями на лицѣ его, показывали, что это былъ не простой пастырь Галилейскій, но страдалецъ, много испытавшій, проведшій бурную жизнь. Казалось, этотъ человѣкъ слышалъ въ словахъ Спасителя рѣшеніе загадки, мучившей его всю жизнь; казалось, онъ хотѣлъ-бы погрузиться въ прежнее невинное младенчество. . . . Онъ возводилъ къ небесамъ взоръ надежды и страха.

Старикъ упалъ на колѣни предъ этою картиною, восклицая: «О, мой милый Аркадій! осчастливилъ ты меня! Да благословитъ тебя Господь, какъ благословляетъ онъ этого младенца!»

Мы подняли старика. Онъ велѣлъ поставить себѣ стулъ противъ картины, рыдалъ; слезы радости текли по его щекамъ. Каж-

дому, кто подходилъ, кто приходилъ вновь, онъ указывалъ на картину, и могъ проговорить только одно: «*Аркадій*, *Аркадій прислалъ!*» — Когда я сказалъ, что Аркадій прислалъ еще ему около 20 т. рублей, которые успѣлъ онъ скопить во время пребыванія своего въ Италіи, это почти не произвело въ немъ перемѣны; но тогда другихъ надобно было видѣть. Братья Аркадія принялись хвалить его. . . .

Разумѣется, никто изъ зрителей не могъ судить о высокомъ искуствѣ Аркадія, которое доказывала эта картина, но тѣмъ не менѣе всѣ были приведены въ восторгъ его работою. Превосходное было это произведеніе! Какое дарованіе! Сколько души! Что могло-бъ быть изъ этого человѣка! — Увы! эта *послѣдняя* картина Аркадія растер-

зала меня, когда я всмотрѣлся въ нее болѣе: въ лицѣ малютки, благословляемаго Спасителемъ, я узналъ черты Вѣриньки, возведенныя къ идеалу невинности первыхъ лѣтъ дѣтскаго возраста; а этотъ, измученный страстями пастухъ — это былъ самъ Аркадій! — И такъ мысль о тебѣ, женщина! преслѣдовала его и на краю гроба! И такой любви ты не поняла, не оцѣнила! Меня даже успокоивало теперь помышленіе, что Аркадій уже не существуетъ; что онъ уже перестал жить, т. е. пересталъ страдать. Но видѣть восторгъ, производимый его картиною, слышать благословенія отца, произносимыя ему, воображать, что можетъ быть многіе, смотря на его картину, думаютъ: Какъ счастливъ этотъ художникъ! Какъ услаждаетъ его

слава! Соображать и думать все это — было мнѣ тяжко, грустно, больно.... Вся жизнь Аркадія сливалась для меня въ этой картинѣ... Только слезы облегчили сердце мое...

Нѣсколько дней сряду, къ старику приходили смотрѣть картину. Самъ Губернаторъ пріѣзжалъ къ нему. За нее давали ему очень дорого. Но онъ не уступалъ ни за что, и говорилъ, что умирая, велитъ поставить ее противъ себя, и будетъ благословлять милаго сына своего, и желать ему *счастья* и *здоровья!* — Увы! въ цѣломъ городѣ только я одинъ зналъ, что Аркадія уже нѣтъ на свѣтѣ....

Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколькихъ на языкѣ родномъ,

Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ Сѣвера, бродя въ краю чужомъ. . . .

На другой годъ, мнѣ опять привелось ѣхать въ Петербургъ, по дѣламъ. На меня навязалась тяжба. Мнѣ надобно было выправиться о моемъ дѣлѣ по Министерству Юстиціи, и знакомые дали мнѣ письма къ одному значительному чиновнику. Имя его показалось мнѣ знакомо; только я никакъ не могъ вспомнить: гдѣ я знавалъ его? Освѣдомившись, что могу застать этого чиновника по Четвергамъ, вечеромъ, являюсь къ нему и нахожу довольно много гостей. Хозяинъ былъ въ своемъ кабинетѣ съ кѣмъ-то. Меня просили войдти въ залу. Тутъ нашелъ я нѣсколько столовъ съ вистомъ и бостономъ. Дамы сидѣли на диванѣ. Хозяйка сидѣла тутъ-же, и ве-

село разговаривала съ ними; ее окружали трое или четверо милыхъ, опрятно одѣтыхъ дѣтей. Она была еще молодая женщина, одѣтая по домашнему, щегольски, и ловко встала, чтобы принять меня. Тогда я узналъ ее: это была *Вѣринька!* Я остолбенѣлъ, и искалъ въ лицѣ ея, полномъ, здоровомъ, спокойномъ, искалъ въ этой чиновницѣ, дамѣ, съ чепчикомъ на головѣ, въ модномъ шлафрокѣ, окруженной дѣтьми и гостями, идеала моего друга Аркадія. «Боже мой! Г-нъ Мамаевъ, вы-ли это?» сказала мнѣ *Вѣра Парѳентьевна.* «Садитесь, пожалуйте, садитесь. Давно-ли вы въ Петербургѣ?» Мы начали говорить — о погодѣ, о новостяхъ. Она *вспомнила* меня. И *ничего болѣе* не вспомнила?... Не знаю. Тутъ вошелъ самъ хозяинъ. Изъ долговязаго молодаго чело-

вѣка, одѣтаго въ щегольской фракъ, онъ сдѣлался теперь плотнымъ чиновникомъ, въ вицъ-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ, съ другимъ въ петлицѣ, и съ пряжкою за 15-ти-лѣтнюю, безпорочную службу. Онъ принялъ меня вѣжливо, обѣщалъ все сдѣлать. Жена его, очень равнодушно, сказала ему, что нѣкогда я былъ знакòмъ съ ея отцомъ; что я старый *пріятель* ихъ дома. Мужъ просилъ меня послѣ этого посѣщать ихъ, предлагалъ мнѣ немедленно партію въ вистъ. Я отказался отъ виста, и не приходилъ къ нимъ болѣе. Въ Департаментѣ сказывали мнѣ, что мужъ Вѣриньки отличный чиновникъ, и со временемъ можетъ надѣяться многаго; что онъ притомъ весьма счастливъ въ семействѣ; что жена у него премилая женщина, добрая мать дѣтямъ, и боль-

шая хозяйка. Я видѣлъ послѣ того еще разъ Вѣриньку въ Театрѣ. Она сидѣла въ ложѣ, съ мужемъ и дѣтьми. Не одинъ лорнетъ былъ наводимъ изъ креселъ на эту ложу; не одинъ молодой человѣкъ говорилъ другому: «Прелестная женщина! и съ какимъ вкусомъ одѣта!»

Конецъ второй части.